БИБЛИОТЕКА

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

2

МОСКВА 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

М. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ
С. ДИКОВСКИЙ
Л. ГУМИЛЕВСКИЙ
А. ГРИН
А. ПЛАТОНОВ
А. БЕЛЯЕВ
Н. ЖЕЛЕЗНИКОВ
Р. КИМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

М. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ

НАЛЕТ НА БЕК-НИЯЗ

ИЗОТЕРМИЧЕСКИЙ ВАГОН

Маленькие полустанки и разъезды Закаспийской железной дороги в те годы были похожи друг на друга, как близнецы: два-три небольших плоскокрыших домика из сырцового кирпича, семафор, стрелки, иногда водокачка, с висящим наливным своим рукавом, похожая на заснувшего слона. А кругом на сотни верст пески и барханы Каракумов, угрюмость пустыни, величественная и беспощадная. Она давила тоской по местам цветущим и населенным. Подышать бы грибным лесным воздухом, послушать хриплые вопли петухов на прохладной зорьке или, что самое дорогое, послушать, как шепчет дождь по листьям березок и липок.

Таким же был и разъезд Бек-Нияз. И здесь четыре русских человека изнывали от скуки, пили без конца кислый, пахнущий аптекой кок-чай и, поглядывая на горячую рыжую шкуру пустыни, мечтали о ледяном квасе и тихой речке, заросшей кувшинкой.

Несмотря на ранний утренний час, над плоскими крышами станционных зданий зной стоял золотым дымом и расплавленным стеклом переливался над хребтами недалекого Копет-Дага. Но станция еще спала. Разбудил ее путевой сторож, появившийся на перроне. Станционный колокол забил настойчиво и взволнованно, возвещая начало трудового дня.

— Курьерский с Завала вышел! — крикнул сторож.

Из крайнего домика вышла гренадерского сложения женщина и направилась к палисаднику, где у корней жилистых карагачей было сложено аккуратной стопкой выстиранное белье. Подняв лежавшую сверху наволочку, женщина вдруг вскрикнула так, что свинья с рогаткой на шее, копавшаяся в палисаднике, метнулась испуганно в пески.

— Иван Степанович! — завопила женщина.— Степаныч! Да поди же ты сюда, байбак! Да что же это такое?

Из глубины станционного здания с медленно нарастающей гулкостью приблизились шаги, и на платформу вышел человек с узким унылым лицом. Он был в форменном коломенковом кителе, в трусах и в сандалиях на босу ногу. Зажмурившись от резкого белого света солнца, человек с унылым лицом спросил хмуро:

— И чего ты, мать моя, вечно воюешь? Орешь на все Каракумы!

— А тебе бы только дрыхнуть! — набросилась на него женщина.— Тоже начальник называется, а не видит, что у него под носом делается!

— Да что делается-то? — спросил начальник полустанка Бек-Нияз гражданин Козодавлев.

— А вот гляди! — взмахнула женщина перед его носом простыней.

Козодавлев взглянул и крикнул свирепо:

— Зосима, иди-ка сюда! Зосима, черт тебя раздери!

Зосима вышел из своей будки и остановился против Козодавлева, молча почесывая бороду.

— Дрыхнешь, борода, без просыпу, а за делом не глядишь!

Зосима расставил кривые ноги и спросил обиженно:

— А кто ночью два товарных поезда проводил? Не Зосима? То-то! А вы знай одно: дрыхнешь без просыпу!

— Кто здесь, по станции, ночью бродил? Чужие кто-нибудь были?

— Никто не был. Чего еще у вас стряслось?

— Да ты взгляни на белье-то, истукан! — набросилась на сторожа начальница.

Зосима осторожно, двумя пальцами, поднял рубаху, и сон, еще таившийся в уголках его глаз, сразу улетучился, уступив место крайнему испугу и удивлению.

— От так да! Такого чуда я не ожидал!

— Наше вам с огурчиком! — раздался в этот момент молодой бодрый голос.— Почему вопли и крики с раннего утра?

В калитке палисадника стоял загорелый юноша в белой войлочной шляпе-осетинке. Это был станционный телеграфист комсомолец Володя Фастов. Теперь все иаселение станционного оазиса было налицо.

— А вот, Володя, войди и полюбуйся! — обратился к Фастову начальник, взял охапку белья и протянул ее телеграфисту.

Фастов взглянул на жалкие лохмотья полотна, лежавшие на его руках, и ахнул.

Все белье, до последнего носового платка, было исколото, изорвано, источено, словно по нему стреляли крупной дробью.

— Ничего не понимаю! — бормотал он.— И кто это ухитрился белье перебрать, перепортить и снова сложить аккуратненько, как и лежало?

— Может, басмачи нашкодили? — встрепенулась начальница.

— Вот тоже сказали, Марь Николаевна,— усмехнулся телеграфист.— Басмачи специально налет на Бек-Нияз сделали, чтобы ваше белье перепортить. Сам «стопобедный» курбаши Мулла-Исса диверсию провел против ваших простынь и подштанников Ивана Степановича.

— Такое скажешь иной раз, мать моя, что ни в какие ворота не лезет! — раздраженно посмотрел на жену Козодавлев.— О басмачах более года ии слуху ни духу. Мулла-Исса, чай, в Тегеране чуреками на базаре торгует.

В этот момент издалека, из песков донесся густой паровозный гудок. Фастов взглянул на хрупкую виселицу закрытого семафора и бросился к стаиции, крича на бегу:

— Это же курьерский просится! Забыли мы о нем.

Через несколько минут, обдав станцию дымом, оглушив ревом паровозного гудка, подлетел курьерский. Паровоз, блестевший на солнце масляным потом, промчал входную стрелку, вышел снова на магистраль и вдруг круто затормозил.

Фастов выглянул удивленно в окно дежурной. Случилось, по-видимому, что-то необыкновенное, если курьерский, обычно пролетавший Бек-Нияз, на этот раз остановился. Зосима, подняв тяжелую петлю стяжки, отцепил белый изотермический вагон, шедший в хвосте поезда. Козодавлев говорил о чем-то с главным кондуктором, то и дело взмахивая сокрушенно зажатым в руке зеленым флажком.

— В чем дело? — подлетел Фастов.

— Да вот, Володя, чертополошина-то какая! — обратился к нему взволнованным шепотом начальник.— Видишь ли, у изотермы буксы горят, ну, вот и отцепляют его. У нас оставят до послезавтра, до следующего курьера! Другой, здоровый вагон для перегрузки придет. Вот не было печали, так...

— А что же в этом страшного? — удивился Володя.— Пускай отцепляют. Впервой, что ли?

— Погоди ты! — уныло отмахнулся Козодавлев.— Ты узнай сначала, что в нем, в вагоне-то! Думаешь, мясо, яйца или икра из Красноводска? Огнестрельные припасы,— понизил начальник голос,— винтовочные патроны.

— И динамит,— улыбнулся кондуктор испугу Козодавлева.— Патроны ашхабадскому гарнизону, а динамит для Мургабстроя.

— Бинамит? — вырвалось сдавленно у подошедшего Зосимы. Выдернув изо рта шкворчащую трубку, он выбил из нее табак, тщательно затоптав угольки.

— Н-да, пустячки комбинация! — сняв осетинку и почесывая затылок, сказал Володя.— Ну что же, как-нибудь два дня протерпим.

— Товарищ главный,— вдруг решительно заявил Зосима,— ежели вы у нас такую страсть оставляете, то должны вы нам оружие выдать, разные там револьверы и саблюки тож.

— Это зачем же? — удивился главный. И, указывая на троих красноармейцев, стоявших около изотермического вагона, сказал: — Охрана имеется. Для чего же вам вооружаться?

— Да ить как знать! — не унимался Зосима.— Станция наша глухая, заглазная. А вдруг басмачи

нападут? Разве им троим отбиться? Пустые это разговоры, что о басмачах-де уже более года ни слуху ни духу. Я басмачу не верю. Эвон она, заграница-то,— указал старик на лиловые пограничные хребты Копет-Дага, поднимавшиеся не больше как в пяти верстах от станции.— Они там сидят, выжидают! А как услышат о патронах и бинамите, так сейчас же сюда и махнут. Долго ли им...

Зосима не успел докончить. Звонкая трель свистка главного кондуктора оглушила его. Паровоз заревел, охнул и пошел, наматывая на колеса новые сотни километров. Взлетевший на воздух клочок газеты погнался было за поездом, но не догнал и упал на раскалившиеся рельсы. И снова зной, тишина нахлынули на маленький полустанок.

ВСЕ ПОШЛО ПРАХОМ

— Эх, братец ты мой, знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Тепло. То есть теплынь, я тебе скажу. Не смотри, что ночь.

Так разговаривали теплой ночью Зосима с одним из красноармейцев, оставленных для охраны страшного изотермического вагона. Ночью они охраняли все трое: один похаживал около вагона, двое других вышли дозорами за станцию, на железнодорожное полотно.

Красный далекий огонек семафора, казалось, висел в воздухе. Ближе, в тупике, снежно белел под рыжей луной изотермический вагон.

— А что, говорю, ежели поднести к вашему вагону спичку, чай, здорово бабахнет?

— Так бабахнет, что вашу станцию в порошок уничтожит!

— Ну вот то-то! — сказал строго, поднявшись с рельсины, Зосима.— Пойти в хату табачку зыбнуть. Теперь на улице и трубку-то боязно палить. Спокойной вам ночи, служивый.

— Взаимно, папаша, — ответил вежливо красно-

армеец, тоже вставая и оглядывая безмолвные пески.

Поднявшись на высокий перрон, Зосима подошел к своей будке и с силой пнул ногой закрытую дверь. К удивлению старика, его сунуло вперед. Нога, не встретив опоры, прошла дверь насквозь. А затем дверь на глазах Зосимы рассыпалась в порошок, трухой запорошив голову и плечи. Звонко брякнулись о каменные плиты перрона упавший замок и дверная ручка.

— Да воскресиет... расточатся врази...— зашептал испуганно старик.

Он помедлил и шагнул нерешительно через порог. Внутри все было обычно, все на своих местах: в углу койка, посередине огромный пень, заменявший Зосиме стол. Старик подошел к койке, опустился на нее и рухнул на пол. Сначала он подумал, что сел мимо. Но когда увидел все ту же труху, в которую превратилась крепкая койка, его охватил ужас.

Зосима вскочил и, крякнув смачно, словно на морозе рюмку водки выпил, что было силы лягнул пень. Нога его вошла в дерево легко, без сопротивления, словно в ворох сена. Зосима быстро, будто обжегшись, выдернул ногу. Она и наружу вышла свободно, но пень исчез на глазах у Зосимы, осыпавшись грудой щепочек и горсткой пыли.

Зосима кинулся к станции, на крыше которой, спасаясь от комнатной духоты, фаланг и скорпионов, спало начальство: чета Козодавлевых и Володя Фастов.

— Иван Степанович!.. Комсомол, Володя!.. Прочкнитесь для ради бога!.. Беда! Все прахом пошло!

— Чего ты орешь? — спросил строго еще не заснувший Володя, наклонившись с крыши.— Скорпион, что ли, укусил?

Но, взглянув на испуганное лицо старика, Фастов забеспокоился. Поднялся во весь рост, поглядел в сторону тупика. Изотермический вагон на месте, вон он синеет снежной глыбой. Рядом — темная тень часового.

— Чего такое произошло? — спросил тоже проснувшийся Козодавлев.

— Зосима с ума спятил! — засмеялся, уже успокоившись, Володя.

— Ничего не спятил! — орал внизу Зосима.— Сначала белье, потом дверь, потом койка. Все прахом пошло!

— Койка, дверь... Ничего не понимаю. Пойти посмотреть, что ли,— проскрипел уныло Козодавлев и спустил с крыши ноги, шаря деревянную лестницу, прислоненную к стене.

Но телеграфист одним махом очутился внизу, благо крыша была низкая.

— Странные ты вещи рассказываешь, Зосима,— обратился он к сторожу.— Все прахом, говоришь, пошло? Странновато, странновато! А ну, пошли в твою будку, посмотрим, что там случилось.

Первым, высоко подняв фонарь, вошел в путевую будку Фастов, за ним Козодавлев и Зосима.

— Колдовство какое-то, братцы! — стоном вырвалось у Козодавлева. В глазах его были недоумение и страх. Испуганно глядел он на мелкие, тоненькие обломки, устилавшие земляной пол Зосимовой будки. Только стены из сырцового кирпича стояли непоколебимо.

Володя быстро нагнулся и поднял с пола маленькую щепку. Это были остатки Зосимовой койки. Дерево было источено, изгрызено, нетронутым оставался только наружный слой толщиною в картон.

— Стой, стой! Начинаю понимать! — нервно потер он лоб.

— Что это? Глядите-ка! — крикнул одновременно с Володей Козодавлев, присев на корточки.

Из маленького круглого отверстия в земле струились тысячи крошечных белых насекомых и исчезали в таком же отверстии под стеной будки. Казалось, будто течет по полу струйка белой жидкости.

— Они! Стихийное бедствие! — крикнул Володя и, выскочив из будки, помчался к станции, к аппаратной. За ним побежали начальник полустанка и Зосима.

В аппаратной все было в порядке. Аппарат стоял на столе, придвинутом к окну. Володя взглянул на

ленту. Она была чиста. Передач ниоткуда не было. Значит, на линии все спокойно, а беда свалилась только на Бек-Нияз. Володя подкрутил завод и, вцепившись в ключ, заколотил яростную дробь позывных. Но тотчас выпустил ключ.

— Ашхабад не отвечает,— растерянно обернулся он к Козодавлеву.— В чем дело? Ах, да! И это может быть.

Он подбежал к окну и посмотрел на линию. Рядом с нею уходили в пустыню тощие телеграфные столбы с подпорками, словно вереница нищих брела куда-то на костылях. Столбы, ближайшие к полустанку, упали, порвав спутавшиеся провода.

— А в сторону Красноводска? — крикнул Володя начальнику.

— Пока стоят! — ответил Козодавлев, выглянув в противоположное окно.

— Зосима, проверь шпалы! — приказал Володя.

В открытую дверь видно было, как спрыгнувший на рельсы сторож ударил пяткой в шпалу. Пятка вошла глубоко в дерево.

— Беда, комсомол! И тут все прахом пошло! — злобно пронып Зосима.

Снова залихорадил «Морзе». Аппарат отстрекотал ответную дробь: Красноводск ответил. Володя начал передачу. «Красноводску... говорит Бек-Нияз. Задержите все поезда. Связь Ашхабадом порвана. С вами тоже ненадежна...— повторял комсомолец вслух передаваемые слова.— Окольной связью сообщите Ашхабаду — прекратить движение. Полотно дороги разрушено. Бек-Нияз подвергся налету многочисленных...»

— Иван Степаныч, в сотый раз тебя прошу, уедем с проклятых Каракумов в Россию, в родную нашу Смоленскую,— застонала за их спинами незаметно подошедшая начальница.— То песчаные бури, то басмачи, то вот какая-то белая насекомая...

— Замолчи, Марь Николаевна! — сурово оборвал ее муж.— Все побегут, кто же на посту останется? Надо, мать, надо! Потерпи...

Аппарат прекратил вдруг свое металлическое стрекотание.

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ ПОЕЗД КОМВЗВОДА МОКРОУСА

Мощный курьерский бегун, посвистывая форсунками и лязгая на стыках, мчался в ночь, в пески. За ним, мотаясь, мчались четыре темных товарных вагона. Мелькали, отскакивая назад, будка за будкой, верста за верстой. Иногда паровоз кричал тревожно и громко. Тогда командир взвода Мокроус, нырявший в полусне головой, встряхивался и бормотал неизменное:

— Поддай, браток, пару. Может, наших порубали уже гады-басмачи!

— Больше некуда! — отвечал коротко механик. И кивал на манометр.— К сотне подперло!

Мокроус гмыкал неопределенно и высовывал голову в окошко паровозной будки. Из-под колес паровоза убегала назад пустыня. И даже здесь, в грохочущей, лязгающей машине, чувствовалась тишина этих песчаных равнин, темных под рыжей луной.

На юге, на темном небе лежали массы еще более темные. Это были горы Копет-Даг.

«Из-за гор и нагрянули они,— думал комвзвода.— Не иначе как Мулла-Исса, старый знакомый. Ну что же, потягаемся. Мы ведь тоже не святой боже! Недаром же: истребительный поезд Мокроуса. Истребим небось!»

Мокроус вытащил из кармана телеграфный бланк и пробежал глазами уже наизусть выученные слова. Прочитал конец: «...Полотно дороги разрушено. Бек-Нияз подвергся налету многочисленных...»

На этом телеграмма обрывалась. Не успели-таки передать. Видимо, подпилил телеграфные столбы Мулла-Исса.

«Успею ли? — подумал Мокроус, пряча телеграмму.— А все этот проклятый вагон с патронами и динамитом. Проведали, сволочи, про поживу!»

И, перевесившись головой в окно, затих Мокроус, слушая свои думы, шипенье встречного ветра, стук колес. Прошумело вдруг невидимое в темноте дерево. А деревья на Закаспийской только близ станции растут.

Мокроус встал со скамейки и спросил у механика:

— Станция, что ли?

— Да. Станция Завал, последняя перед Бек-Ниязом, — ответил механик, переводя регулятор вправо.

Паровоз замедлил свой бег и вскоре остановился.

— Эй, Завал! — крикнул Мокроус, высунувшись в окно.— Дежурный!

— Ну, чего орешь? — ответил кто-то, казалось, прямо из-под колес паровоза.— Истребительный, что ли? Мокроуса?

— Самый и есть. Пробовал Бек-Нияз вызывать?

— Пробовали по-всякому. И аппаратом и фонопором. Молчат!

— А что,— дрогнул голосом Мокроус,— тихо в той стороне? Выстрелов не слышно?

— Ничего! Тихо, как в могиле.

— Дежурные по вагонам, слушай! — крикнул зычно комвзвода.— Огни погасить, не курить, людям лечь на пол! Пулеметы в двери: один с правой, другой с левой стороны. Ленты продернуть, номерам не спать! В случае чего, не дожидаясь моего приказа, открывать огонь! Прицел по вспышкам! — И, повернувшись к механику, добавил тоном ниже: — Трогай, браток. Лобовые фонари погаси. Иди тихим ходом, не нарваться бы нам на что-нибудь!

Когда поезд снова тронулся и пошел тихо, ощупью, темный, без единого огонька, освещаемый лишь заревом топки, Мокроус высунулся в окно и больше уже не покидал его.

Луна закатилась. Пустыня почернела. Только вблизи, около передних колес паровоза, видны были синие блестящие полосы рельсов.

— Глянь-ка! — вдруг прошептал кочегар, стоявший у противоположного окна.

Мокроус перебежал к нему и высунулся, перевесившись по пояс. На него в упор уставился одинокий, налитый кровью глаз семафора. Чуть ближе мутно коптели стрелочные фонари.

«Эх, они, может быть, порубанные лежат, а огни,

зажженные ими, еще светят, еще сигнализируют!» — подумал Мокроус.

Поезд бесшумно остановился. Мокроус первым спрыгнул на мягкий, еще теплый песок и, повернувшись к вагонам, скомандовал вполголоса:

— Старшина, давай дозор!

Из раскрытой пасти вагона, звякая противогазами, соскочили на песок один за другим пятеро красноармейцев и подошли к командиру.

— Двигаться вдоль полотна, друг от друга на тихий окрик. Смотреть и слушать во все стороны! Шпарьте!

И вдруг все ясно услышали характерное вздрагивающее пение рельсов. Кто-то мчался со стороны Бек-Нияза прямо на истребительный поезд Мокроуса.

ОТБИТЫЙ НАЛЕТ

Размахивая горящим факелом, спрыгнул на песок механик и встал перед паровозом.

— Ты что, с ума сошел, браток? — подбежал к нему Мокроус.— Хочешь, чтобы обстреляли нас?

— А ты хочешь, чтобы столкновение произошло? — ответил механик, втыкая факел в землю между шпалами. — Так издали, со станции, огня не видно будет. А тот, кто едет к нам навстречу, увидит.

Рокот колес, звон рельсов все громче и громче. И вдруг стихло.

— Кто едет? — спросил Мокроус тьму.

— Свои! — ответил звонкий юношеский голос.— Телеграфист станции Бек-Нияз.

— Один?

— Один.

— Подходи ближе, руки держи поднятыми.

Из тьмы к факелу подошел человек в белой шляпе-осетинке, с поднятыми руками.

— Опусти руки! Подходи ближе! — командовал Мокроус.— Куда едешь? На чем?

— На дрезине. На станцию Завал. Скоро сорок

третий должен пройти. Так вот, предупредить. Ведь шпалы-то в труху обработаны.

— А на станции большие разрушения? — спросил Мокроус.

— Порядком! Все дерево сгрызли.

— Да ты что, браток, с ума сошел? — воскликнул Мокроус.— Как это сгрызли? Ну, а вагон с огнестрельными припасами и динамитом не тронули?

— Ясно, не тронули! Да и зачем им, термитам, динамит? — удивился, в свою очередь, Володя.

— Какие термиты? А басмачи где?

— Да мы о басмачах и не слышали. А вы, собственно, кто такие?

— Истребительный поезд Мокроуса.

— Истре-би-тель-ный поезд? — ахнул Володя.— Да кого же вы истреблять собираетесь?

— Да ты что, браток, дурака-то валяешь? — рассердился Мокроус.— Кто от вас, с Бек-Нияза, посылал телеграмму, что станция подверглась нападению?

— Я посылал! Только на станцию напали не басмачи, а термиты. Я не докончил передачу. Столбы рухнули. После этого мы пытались как-нибудь включиться в провод, но к какому столбу ни подходили, все трещат и валятся. Только время даром потеряли. Тогда я взял дрезину и поехал на Завал. Вот и все!

— Вот ерунда-то получилась! — рассмеялся раздраженно Мокроус.— А я-то думал на Муллу-Иссу поохотиться. Значит, приходится возвращаться не солоно хлебавши.

Мокроус посмотрел с сожалением на красный огонек бек-ниязовского семафора и вздрогнул. Со стороны станции упруго рванул винтовочный выстрел, другой, третий. Затем рассыпался угрюмо ответный залп.

— Что это? — спросил тревожно Мокроус.— Это уже не термиты. Нет! Это на басмачей похоже!

Во тьме опять заухали выстрелы. Теперь стреляли беглым огнем.

— А-а! — крикнул Володя, силясь что-то понять

и уяснить.— Это басмачи! Товарищ командир, бежим на подмогу, не то наши в ящик сыграют!

— Взвод, в цепь! — скомандовал Мокроус.

Через четверть часа цепь, утопая по щиколотку в зыбком песке, подходила к станции, все еще гремевшей выстрелами. Двигаться было трудно. Пулеметы пришлось нести на руках.

Володя бежал рядом с Мокроусом перед цепью. Володя спешил. Он ждал ежесекундно грохота взрыва со стороны станции. Ведь достаточно одной пуле попасть в белый изотермический вагон — и катастрофа неизбежна.

Когда цепь добежала до водокачки, пули защелкали по песку и рельсам. Здесь Мокроус остановил взвод. Красноармейцы стягивались под защитой кирпичных стен водокачки. И когда собрались в кулак, Мокроус крикнул, взмахнув наганом:

— Ура-а!

Тотчас же, остервенев, прыгая по песку, затарахтел пулемет. Наводчик на глаз, по вспышкам вражеских выстрелов, определил дистанцию. Вслед за ним заработал и второй «максим». А первый перенес огонь за станцию, отрезая басмачам отступление.

Выстрелы на станции смолкли.

КОНЕЦ МУЛЛЫ-ИССЫ

После тяжелого, опасного и победного боя попить чайку — наслаждение! Мокроус, окутанный золотистым чайным парком, блаженствовал. С бритого сизого его черепа пот катился крупными каплями, лежавшее на коленях полотенце хоть выжимай. За столом сидело все поголовно население Бек-Нияза. Все внимательно и с любопытством слушали Володю.

— Термитов неправильно называют белыми муравьями. Скорее это белые тараканы. Так авторитетно утверждают,— профессорским тоном говорил комсомолец.— Белые эти таракашки — злые враги ци-

вилизации, особенно в тропиках и у нас здесь, в субтропиках. А почему? А потому, что жрут они все, кроме камня и железа: дерево, бумагу, кожу. Хорошо, Зосима, что ты сапоги свои в будке не оставил. Сгрызли бы они их от голенищ до подметок! — засмеялся Володя.

Зосима торопливо поджал ноги под стул и пощупал испуганно голенища сапог.

— Бельем, видать, они тоже не брезгуют,— сказала расстроенно Мария Николаевна, не забывшая свою невозвратимую потерю.

— Очень даже не брезгуют,— ответил Володя.— Те же авторитеты рассказывают про одного араба, который вечером уснул на гнезде термитов. А утром проснулся голенький. Термиты съели его одежду, до ниточки раздели!

— Вот жулики,— покачал головой Зосима.

— Вашим бельем, Марь Николаевна, они дали нам сигнал. А мы не обратили внимания,— продолжал Володя.— Они не одну уже ночь работали на нашей станции. Нападают они, как басмачи, в тишине, в тайне. Наружный слой не портят, а потом вдруг все валится и рассыпается. Видите, что наделали? — повел взглядом Володя.

— Скоро из Ашхабада ремонтный поезд придет. Исправим,— успокоительно сказал Козодавлев.

— Они полосой шли,— встал Володя и показал рукой путь термитов.— Зосимову будку прихватили, телеграфные столбы, часть железнодорожного полотна, а потом, наверное, на ту сторону, на юг двинулись.

— Совсем как Мулла-Исса! — засмеялся Мокроус.— Тот тоже навредит, ужасов натворит — и на ту сторону, за границу!

Мокроус вдруг вскочил и прислушался. Со стороны водокачки, в тени которой сидели под красноармейским конвоем пленные басмачи, послышались возбужденные, тревожные голоса. И сразу же хлестнул винтовочный выстрел. Мокроус швырнул на стол мокрое полотенце и выбежал из палисадника. Володя выбежал за ним.

На бегу они услышали второй винтовочный выстрел и тогда увидели маленького, верткого человечка, бежавшего в сторону железнодорожного полотна. Одет он был в темно-зеленую английскую шинель и высокий бараний тельпек *.

Мокроус потянулся к нагану и с досадой плюнул: далеко, из револьвера не достать! А маленький человечек в английской шинели карабкался уже на железнодорожную насыпь, за которой стояли стреноженные лошади басмачей. «Уйдет, гадина!» — отчаянно подумал командир взвода. Но грянули сразу три винтовочных выстрела. Маленький человечек ткнулся вперед, будто его ударили в спину, потом откинулся назад и упал навзничь, раскинув руки. К нему бежал красноармеец, на бегу передергивая затвор винтовки.

Мокроус сменил бег на шаг и повернул к водокачке. Издали он начал кричать:

— Проворонили! Огород с картошкой вам стеречь, а не пленных басмачей! Как это случилось? Как он мог отбежать так далеко?

Старший караула виновато отвел глаза.

— Они виноваты, товарищ командир, вот эти твари!

Красноармеец штыком винтовки указал в землю. Из многих отверстий в земле выползали маленькие белые насекомые. Их было бесчисленное множество. Шли они очень быстро, сомкнутыми рядами. Отдельные насекомые, большеголовые, желто-коричневые, били головой о землю, производя слабый, но неприятный скрежещущий звук. Это был, по-видимому, тревожный сигнал. Остальные отвечали на тревожный сигнал громким злобным шипением.

— Мы их сначала не заметили,— продолжал старший караула.— Он первый увидел и заорал страшным голосом: «Вах-вах! Белые дьяволы! Пропали мы, пропали мы!..» Тут и мы увидели эту пакость. Впервой увидели, нам это в диковинку. Ну и вылупили глаза. А он отполз потихоньку — и бежать!

* Тельпек — туркменская папаха.

— Союзники басмачей, значит? — покачал головой Мокроус и, нагнувшись, начал нагребать термитов в горсть. Но тотчас испуганно, брезгливо стряхнул их с ладони. На пальцах его появились капельки крови, как от укола многочисленных булавок.

— А кто бежал? Кого убили? — спросил Володя.

— Самого Муллу-Иссу,— ответил командир взвода.— Пойдемте посмотрим.

Убитый басмач, сухонький старичок с острoскулым изможденным лицом, лежал поперек рельсов. Высокий тельпек его свалился, обнажив бритую, с сабельными шрамами голову. Зеленая английская шинель распахнулась на груди, показывая рубашечную кольчугу. В одной из откинутых рук были зажаты янтарные четки.

— Лев ислама и стопобедный курбаши Мулла-Исса! — сказал негромко Мокроус.— Почему он себя стопобедным называл? Потому, что сто раз был бит Красной Армией?

СВИНЦОВЫЙ ЗАЛП

Сырой зимний день скрадывал дали, застилал их холодным туманом, и шум колчаковского обоза партизаны услышали раньше, чем увидели его. Стучали колеса, ржали кони, разговаривали простуженные голоса. А потом медленно выползли из тумана первые запряжки. Огромные, массивные, словно сошедшие с конных монументов, битюги тянули накрытые рогожами военные фуры. Партизаны насчитали десять фур. Последней ехала полевая кухня, дымившая, как маленький паровоз. Конвой, десяток «голубых уланов», щеголевато одетых, но на тощих разномастных одрах, ехал по обе стороны обоза.

Когда передовая фура поравнялась с засадой, дружно ударили трещотки, изображавшие пулеметы,

и захлопали жидко партизанские шомполки, обрезы и берданки. Испуганно взметнулись к небу вороньи свадьбы, и сорвались с ветвей тяжелые сырые комья снега. Но обозники не остановились. Напуганные рассказами о зверствах партизан, они принялись нещадно нахлестывать лошадей. Уланы, городские гимназистики и студентики, забыв о винтовках, думали только о бегстве, вместе с обозниками лупцуя битюгов в два кнута. Остановить обоз было легко, перестреляв лошадей. Но на чем потащишь тогда фуры в партизанский лагерь?

«А ведь уйдут колчаки»,— подумал папаша Крутогон, солдат царской службы, один в отряде имевший пехотную винтовку. Он принес ее с рижского фронта, мечтал таежничать с ней на медведей и сохатых, а таежничать пришлось на колчаковцев.

Иван Васильевич выстрелил навскидку, и хлеставший битюга улан свалился с седла. Дослав в ствол новый патрон, Крутогон выбежал на дорогу и вскинулся на мчавшуюся фуру. Навалившись грудью на ее высокий борт, он повис, беспомощно болтая ногами. Сейчас его можно было без труда пристрелить, но стрелять было некому. Ездовой скатился с козел и побежал в лес. Иван Васильевич потянулся к вожжам и увидел, что рогожа, прикрывавшая фуру, шевелится.

— Руки вверх! — заорал папаша Крутогон, целясь в рогожу.

Рогожа приподнялась, и показалась голова в летней кепке, сверху повязанная теплым бабьим платком. Потом появился плешивый собачий воротник дешевого городского пальто. Человек сел и вытащил глубоко засунутые в рукава, голые, красные от мороза руки, но не поднял их, а погрозил Крутогону пальцем.

— Меня, отец, стрелять нельзя.

— Пошто нельзя? — удивился старый солдат.

— А по то. Я полиграфист,— ответил человек в летней кепке и спокойно сунул руки опять в рукава.

— Ай, некогда мне! Считай, что ты мой тро-

фей! — крикнул Крутогон и, схватив вожжи, повернул фуру поперек дороги.

На нее налетели задние фуры и остановились. Ускакали только две передние, а с ними и «голубые уланы». Все было кончено в несколько минут, и битюги, бухая по снегу тяжелыми подковами, уже неслись слоновой рысью по таежному пролеску, словно по дну глубокого ущелья.

Разгружали фуры при кострах, весело, с шутками. Радовала удача и предвкушение плотного ужина. Налет на колчаковскнй обоз был сделан ради продовольствия. Партизаны второй месяц ели похлебку из брюквы и тяжелый липкий хлеб, выпеченный наполовину с мороженой картошкой. А семь из восьми отбитых фур были нагружены шотландской бараниной и американской свининой в консервах, ящиками кокосового масла и сгущенного молока, аккуратными мешочками канадской муки, коровьими тушами и толстымн, как поленья, морожеными судаками.

В восьмой фуре были плоские ящики, небольшие, но такие тяжелые, что выгружали их по два человека. Решилн, обрадовавшись, что это гвозди. Вот спасибо скажут в родных деревнях! А когда вскрыли ящики, удивленно переглянулись.

— Дробь, што ль? — нерешительно пощупал папаша Крутогон металлическую квадратную крупу, насыпанную в клеточкн, на которые были разбиты ящики.— А пошто она с буковинками?

— А шут ее знает! — почесал заросшую щеку стоявший рядом партизан.

— Стой-ка! На этой фуре мой трофей ехал. Полиграфист ай телеграфист, не помню,— сказал Крутогон.— Где он? Пущай объяснит нам про эту штуковину.

Про ехавшего на восьмой фуре «Крутогонова трофея» как-то забыли в суматохе, и он невозбранно бродил по партизанской зимовке. Вытянув тоненькую цыплячью шею, он с любопытством разглядывал землянки, тесовые шалаши, покачивая головой, смотрел на партизан, одетых хоть и по-зимнему, но легко и

оборванно. Разглядывали и партизаны с любопытством пленного, его летнюю кепчонку, его заношенное пальто и голые — это в декабре-то! — руки. Городской бедолага какой-то! Но лицо у него заносчивое и насмешливое, а нос геройский, вислый и красный. Видать, не дурак в рюмочку заглянуть!

Пленник подошел к партизанскому «пулемету» — березовой чурке, выкрашенной в зеленый защитный цвет и просунутой через фанерный щит. Тут же лежала трещотка, изображавшая стрельбу.

— Убивает только психически? — насмешливо шмыгнул он красным носом.

— Видал, как твои голубые уланы драпали от нашего березового пулемета? — спросили задорно партизаны.

— Они такие же мои, как и ваши,— вежливо ответил пленный.— А это что за история средних веков? — Он указывал на партизанскую пушку — кедровый ствол, выдолбленный и обмотанный в несколько рядов медной проволокой.— Стреляет только шумом?

— Становись на пятьдесят шагов! — обиделись за свою артиллерию партизаны.— Ага, не встанешь?

— На пятьдесят не встану,— согласился «трофей».— А на сто шагов — пожалуйста! И еще сто лет проживу.

— Угадал, сатана! — засмеялись партизаны. — На сто она не в силах. Ничего, начали с деревянных, будут и настоящие. А как тебя зовут, чудак человек?

— Почему чудак человек? Это вы чудаки. А я из деревянной пушки не стреляю! — заносчиво вскинул голову «трофей».— А зовут меня Семен Семенович Чепцов.

— Тогда скажи, Семен Семенович, почему ты два разных банта носишь? — указали партизаны на черный и зеленый банты, приколотые к его пальто.

— Черный — это анархия, мать порядка. Зеленый — эсеры, мужицкая партия. Еще не знаю, какой выбрать,— потрогал Чепцов банты.

— А белый, колчаковский?

— Определенно не симпатизирую.

— А наш, красный?

— Не прояснилась еще для меня ваша программа. Присматриваюсь.

— Огурец-желтопуз, вот ты кто! Ни соку в тебе, ни вкуса, ни нутра настоящего! — сказал сердито подошедший папаша Крутогон.— И ладно тебе побаски рассказывать. Скажи лучше нам, что это за штуковина? — подвел он Чепцова к ящику с металлической крупой.

— Разве не видите? — пожал тот плечами.— Это восьмипунктовый петит, в других ящиках, по-нашему — кассах, есть еще десятый строчной. И курсив есть и боргес девятипунктовый. И заголовочные кегли есть.

— Не морочь ты нам голову своими боргесами-моргесами! — взмолился папаша Крутогон.— Объясни, наконец, что ты есть за человек?

— Я уже объяснял. Полиграфист! Чтоб понятнее было, скажу просто: типографский наборщик. Видите? — поднес Чепцов к глазам Крутогона пальцы, темные от въевшейся в кожу свинцовой пыли и краски.— Семнадцать лет в наборщиках хожу! А в фуре этой полный комплект для плоской печати.

— Напечатай тогда нам визитные карточки! — засмеялся завхоз Вакулин, тяпавший на рогоже коровью тушу.— Адмиралу Колчаку преподнесем.

— Какие там визигные карточки! Прокламации будем печатать! У меня руки опухли их размножать!

Это крикнул обрадованно Афанасьев, сельский учитель. Он ведал в отряде распространением прокламаций среди населения и колчаковских солдат.

Вместе с молодым разведчиком Федей Коровиным он полез в фуру и нашел в ней все необходимое для маленькой типографии. Кроме шрифтов, два рулона бумаги, три банки краски, бидон со спиртом для мытья шрифтов и всякую типографскую мелочь: верстаки, шилья, валики для наката краски, даже мотки шпагата для связки набранных колонок и сверстанных полос.

— А печатная машина где? — забеспокоился Афанасьев.

— Была ручная «бостонка». На передней повозке ехала,— ответил Чепцов.

— Ехала, ехала и уехала! — мрачно прогудел Крутогон.

— Не состоялась наша типография! — махнул рукой Афанасьев и полез с фуры.

— Виктор Александрович, глядите сюда! А это что? Это не годится? — остановил его Федя Коровин, все еще копавшийся в фуре. Покраснев от натуги, он приподнимал что-то очень тяжелое.

— Это пресс для оттисков корректуры,— сказал Чепцов.— Каждый ребенок знает.

— Пресс для оттисков, говоришь? — посмотрел на него Афанасьев.— Значит, будут у нас печатные прокламации! Чего там прокламации, газету будем выпускать!

— Скажете тоже, товарищ Афанасьев! Газету! — засмеялся завхоз.— Для газеты писатели нужны, которые газету сочиняют. Называются корреспонденты. А где у нас такие?

Завхоз Вакулин был городской житель, из Перми, работал там полотером. Он даже зимой щеголял в «здравствуй-прощай» — тропическом шлеме из кокосовой мочалки, а поэтому спорить с ним по поводу не совсем понятных «корреспондентов» не решился никто, кроме папаши Крутогона.

— Не встревай, захвост! — даже оттолкнул его Иван Васильевич.— Я буду газету сочинять! Я согласен в писатели идти!

— Во-первых, не пихайтесь, папаша Крутогон, вы не в церкви,— отстранился опасливо завхоз.— А во-вторых, от вашего сочинительства и у медведя голова заболит.

— Бросьте спорить, товарищи! — остановил их Афанасьев.— Газету мы выпустим! И будет наш свинцовый залп разить врага не хуже пулемета. Верно, товарищ наборщик?

— Все дело в том, какой тираж,— ответил уклончиво Чепцов.

— На первое время — двести экземпляров.

— На сто не согласитесь? Ведь не машина, а ти-

скалка... Ладно, давайте попробуем двести! — согласился наборщик.

— Тогда я в штаб побегу, согласую. А вы забирайте всю эту типографию. Кроме,— покосился Афанасьев на красный нос Чепцова,— кроме бидона со спиртом. Мы его в лазарет отдадим.

— А шрифты чем я промывать буду? — остановился шагнувший было к фуре Чепцов.

— Керосином. Слышал я, можно и керосином промывать.

— С керосином мазня, а не печатанье! Тогда прощайте, лихом не поминайте! — подергал наборщик козырек кепчонки и сел на пень. — Категорически отказываюсь!

— Где раньше работал? — спросил строго глуховатый голос.

Все обернулись. Это подошел незаметно начальник штаба, он же комиссар отряда Арсенадзе.

— В Кунгуре, в электрической типографии «Корзинкин и сын»! — гордо ответил Чепцов.

— А куда ты ехал в этой фуре?

— В эту... в типографию военного округа,— тихо сказал наборщик.

— К генералу Блохину! Смертные приговоры рабочим и мужикам печатать? — дернулся у комиссара ус и побелели глаза.

Круглый, как у рыбы, рот Чепцова задрожал, будто он собирался заплакать.

— Разве ж я подобру согласился у них работать? Взяли за конверт — и в ящик!

— А ты думаешь, и мы не сможем за конверт тебя взять? — сунулся к наборщику Федя Коровин.

— Подожди, Федя,— отвел его рукой комиссар.— Значит, генеральские приказы печатал бы, а партизанскую газету не хочешь? Смотри, дорогой, тебе же хуже будет.

— Что белый генерал, что красный комиссар — одинаково. Чуть что — расстрелять! — засмеялся ядовито Чепцов. Лицо его опять стало заносчивым и насмешливым.

— Врешь! Расстреливать тебя я не буду.

— Повесишь?

— И не повешу. Дадим тебе землянку, харчами обеспечим, дров наколем. Спи в тепле, кушай сытно, по тайге для аппетиту гуляй, а мы будем своей кровью для рабочих и крестьян светлую долю добывать.

Партизаны переглянулись. Умеет комиссар такие слова сказать, что словно из кремня огонь выбьет. А Чепцов опустил глаза на растоптанные валенки, подавил снег пяткой и встал с пня.

— Указывайте помещение для типографии...

Сопит угрюмо тайга. Раскинулась она без перехватов: иди от дерева к дереву и до Тихого океана дойдешь. Разведчики совсем рядом с зимовкой партизан видели медвежью берлогу, продушину в сугробе, пожелтевшую от жаркого дыхания зверя. Дятел стучит в сосну, как назойливый гость, белка стрекочет, сплетничая с соседкой, а под сосной с дятлом и белкой, по соседству с берлогой, в просторной и светлой землянке колдует у набивной кассы Чепцов. Тоже, как дятел, постукивает он по верстатке рукояткой шила. У окна редактор, секретарь и корректор Афанасьев правят оттиснутые гранки. Оттиски лежат под обрезом. Так удобнее: и то и другое под рукой. Вертится около наборной кассы и Федя Коровин, смотрит припоминающе через плечо Семена Семеновича на ловкую его работу. Федя выпросил у комиссара разрешение поработать типографским учеником, поскольку он кончил сельскую трехлетнюю школу. Но, конечно, без отчисления его от команды разведчиков.

— Виктор Александрович,— обернулся от кассы Чепцов,— лозунг сверху какой пустим? «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»?

— А может, «Анархия — мать порядка»? — съязвил Федя.

— Ты меня, шпация, не подкалывай. У вас порядка тоже пока не вижу. Учись лучше, пока я жив. Помру скоро — сам за кассу встанешь.

— А что это вы, Семен Семенович, помирать собрались? — засмеялся Федя.

— Опять зубы скалишь? Помру потому, что ле-

карства не получаю. По моей болезни полагается мне на день минимум стакан аква вите, по-русски — чистого спирта. А на сон грядущий еще чуток.— Он жалобно посмотрел на редактора.— Я у вас и наборщик, и метранпаж, и печатник, а мне ни синь пороху, ни рюмашечки!

Афанасьев, уткнувшись в гранки, сделал вид, что не слышит.

Выхода своей газеты партизаны ждали с нетерпением. И когда отпечатан был первый экземпляр, разбежалась даже обеденная очередь от кухни. Весь отряд собрался в редакционной землянке. Газета пошла по рукам.

Бросался в глаза крупный заголовок «Партизанская правда», клише которого вырезал Федя из крепкого, как железо, кедра. Передовая статья комиссара Арсенадзе разъясняла белым солдатам, за кого и против кого они воюют, и призывала их повернуть штыки против Колчака. Кроме комиссаровой, была в газете и еще одна статья. Писали ее чуть ли не всем отрядом. В ней партизаны обращались к братьям крестьянам, старателям, охотникам, лесорубам и углежогам, ко всем рабочим горных заводов, деревень и тайги с призывом подняться на борьбу с «его империалистическим безобразием, верховным мерзавцем всея Руси, вешателем и кнутобойцем адмиралом Колчаком» *. Федя Коровин, писавший статью под диктовку партизан, прибавил от себя концовку: «Вот в чем вся соль и ребус международного положения!» Кроме этих двух статей, была в газете и небольшая боевая хроника отряда и невеселая хроника окрестных деревень: порки, расстрелы, грабежи и бесчинства карательных отрядов.

В общем газета всем очень понравилась. Чепцова даже качали под крики «ура».

— Газетка ничего, подходящая,— растроганно вытирал Семен Семенович рукавом красный свой нос.— Заголовки, правда, не броские, опять же рекламы в конце нет. А в общем ничего.

* Из уральской партизанской прокламации.

— Будет тебе реклама! — сказал папаша Крутогон, пряча под рубаху пачку газет. Он сам вызвался быть, по словам Афанасьева, «заведующим отделом распространения и экспедирования».— Попомни мое слово, будет реклама!

Вернулся он через неделю. Сел у костра с котелком партизанского кулеша на коленях и, зачерпывая полной ложкой, не спеша рассказывал:

— Газету из рук рвали, из деревни в деревню «по веревочке» передавали. Ну и, само собой, подействовало! В Чунях, к примеру, у карателей десять лошадей отравили. Это первое! — загнул Иван Васильевич палец и начал загибать их один за другим.— В Зюзельке на волостное правление напали, податные ведомости и списки недоимщиков пожгли. А в Космом Броде железнодорожную охрану дубинками посшибали и гайки от рельсов отвинтили. Чего там дале было, не знаю, пришлось мне уйти оттуда, а врать не хочу. И того еще мало. Начали мужики собирать пустые гильзы, свинец, баббит с заводов притащили, а которые винтовки и гранаты с фронта принесшие достают самосильно из подпола, из-под сараев и смазывают жирно. Ну, так и далее. Чуете? Означает, что выпустили мы свинцовый наш залп прямо по врагу!

Иван Васильевич заглянул в пустой котелок, вытер сальный рот и снял шапку. Люди думали, что он будет богу молиться, за хлеб насущный бога благодарить, а он отодрал подкладку шапки и вытащил лист бумаги.

— Это вам обещанная реклама,— протянул он бумагу Афанасьеву,— а в ней список, кто Колчаку продался. Колчаковские шпиёны, кулаки, которые у карателей добровольно проводниками служат или сами в карателях зверствуют. Этот вот коммунистов вешал, а этот июда, кулацкий сынок, выдал партизанов, которые в деревню греться зашли. Список народ составил и на сходках приговорил: каждый может их убить, как бешеных собак. Вот и объяви эту рекламу в нашей газетке.

— Объявим в следующем номере,— взял список Афанасьев.

— А заголовок дадим «Под наган!»,— сказал с тихой ненавистью Федя Коровин.

Весна подкралась незаметно. Выше стало ходить солнце, заблестели, залоснились, как облизанные, сугробы, ослепительно отражая солнечные лучи. Паша Крутогон вернулся из очередного газетного похода мокрый до пояса.

— Журчит уж под сугробами. Герасим-грачевник на носу. Без попа и календаря знаю,— говорил он и жался к большой редакционной печке.

Он рассказал о новых случаях нападений мужиков на колчаковских милиционеров, о казнях агентов белой контрразведки, о поджогах волостных правлений и об открытом бунте в запасном батальоне. И туда через солдат-отпускников забросил Иван Васильевич «Партизанскую правду». Он помолчал, покусывая обкуренные солдатские усы, потом сказал хозяйственно и озабоченно, будто сидел не в партизанской тайге, а в родной деревне, на угреве, на бревнышках, рядом с деревенскими мужиками:

— Я про Герасима-грачевника неспроста сказал. Мужики спрашивают: готовиться к севу иль нет? А заодно и про школы пытают, ремонтировать их иль погодить? Просят мужики ответить через газету.

— Ну, Иван Васильевич, эта твоя весточка всех остальных дороже! — блеснул горячо глазами Арсенадзе.— Значит, верит народ в нашу окончательную победу и вперед смотрит?

— Народ считает, что к покосу управимся. Очистимся то есть от колчаковской нечисти,— сказал солидно Крутогон.

— А это самое дорогое! — воскликнул комиссар.— Душу свою народ не потерял! Понимаешь, дорогой? Немедленно ответим через газету. Слышишь, редактор?

— Слышу,— ответил смущенно Афанасьев, ка-

тая по столу ладонью карандаш.— А у нас, Давид Леонович, одна неприятность за другой.

— Какая неприятность? Докладывай! — посуровел комиссар.

— Сначала краска кончилась. Но с этим делом выкручиваемся. Федя и днем и ночью над коптилкой железный лист держит и сажу соскребает. На керосине затрем и ничего, печатать можно. Спасибо Семену Семеновичу, научил.

Комиссар посмотрел на Чепцова, сидевшего скромно у печной дверцы. Тот смутился под веселым и добрым взглядом комиссара, схватил кочергу и начал шуровать печь.

Афанасьев покашлял нерешительно в кулак и докончил:

— А теперь новая напасть — бумага кончилась. Не знаем, как и быть.

— Бумага кончилась? — откинулся комиссар, как от удара, и вспылил: — Разбазарили бумагу?

— Срыву у нас много,— откликнулся от печки Чепцов и покосился сердито на пресс.— Техника времен Ивана Федорова, первопечатника! Попробуйте, Давид Леонович, приправьте с первого раза на этой тискалке!

— Приправлю я вам всем! — мрачно ответил Арсенадзе.— Где же взять бумагу? Где взять?

— Возьмем,— просто ответил Чепцов.

— Где? В тайге под кустиком?

— Зачем в тайге? В городе Боровске. Работал я там в типографии городской думы. А в какой типографии нет бумаги?

— Идея богатая, дорогой! — повеселел комиссар.— Сегодня же доложу штабу о вашем предложении, Семен Семенович.

Штаб одобрил налет на Боровск и назначил день. А накануне налета Арсенадзе вызвал к себе Чепцова и сказал:

— Вы тоже, кажется, в поход собирались? Не пойдете!

— Почему? — тихо и трудно спросил наборщик.

— Воюйте верстаткой, это у вас здорово получается. Понимаете, дорогой?

— А я хотел заголовочные шрифты там отобрать,— по-прежнему тихо ответил Чепцов.— Не играют у нас заголовки.

— Мы все шрифты сюда притащим, здесь и отберете. Хорошо?

Чепцов ничего не ответил и вышел из штаба, забыв закрыть за собой дверь.

— Обидели вы его,— прихлопнув дверь, сказал Афанасьев.

— Знаю,— растроганно ответил комиссар.— А как иначе? Не можем мы им рисковать!

Дверь медленно открылась. На пороге стоял Чепцов. Круглый рот его дрожал.

— Может, вы, товарищ комиссар, сомневаетесь по случаю этих бантов? — сказал он от порога. И, не дожидаясь ответа, сорвал черный и зеленый банты, швырнул их об пол и придавил каблуком.— Видите? В голове у меня прояснилось теперь. Все же рабочий я, поимейте это в виду. Прошу разрешения в бою заслужить красный бант!

Темные пристальные глаза комиссара потеплели:

— Хорошо, пойдете в налет. А знаете, с какого конца винтовка стреляет?

— Разберусь! — счастливо крикнул Семен Семенович.

...В город просочились поодиночке и небольшими группами в два-три человека. На типографию, помещавшуюся в здании городской думы, напали ночью. Но оказалось, что здесь же была и казарма колчаковской милиции. Милиционеры защищались отчаянно, зная, что от партизан им пощады не ждать. Казарму пришлось забросать «лимонками». Здание загорелось. Когда пожар перекинулся на типографию, Чепцов, волоча винтовку за ствол, бросился к ее дверям с криком:

— Бумага горит!.. Шрифты спасай!

Пулеметная очередь опрокинула наборщика на пороге. Партизаны вытащили его, тяжело раненного,

из-под обстрела. А типография сгорела. Лишь остов печатной машины да сплавившиеся в свинцовые комья шрифты нашли в ней партизаны. Можно было считать, что налет не удался.

Чтобы не связывать отряд при отходе, в налет была взята только одна пароконная фура, под бумагу. Завхоз, обшаривший уцелевший от пожара казарменный склад, нагрузил ее доверху английскими солдатскими ботинками на подошве в палец толщиной. Была уже дана команда к отходу, когда прибежал Федя Коровин и показал комиссару сверток обоев.

— У здешнего магазинщика аннулировал! У него целая гора этого добра.

Арсенадзе развернул свиток, полюбовался рисунком, перевернул наизнанку и сказал:

— Подойдет! На одной стороне будем печатать.

Полюбовался обоями и завхоз и сразу понял суть дела:

— Веселая у нас газетка будет! Придется половину фуры освободить.

— Освобождай всю! — приказал Арсенадзе.

— Товарищ комиссар, да вы что? — взмолился завхоз, заломив отчаянно почерневший от костров тропический шлем.— Весна на носу, а у меня ребята сплошь в валенках ходят!

— Головой думаешь, дорогой, или своей мочальной «здравствуй-прощай»? — посмотрел пронзительно комиссар на Вакулина.— Сам говоришь — весна! Сеять надо! Красная Армия придет, чем кормить будем? Понятно или повторить?

— Не надо повторять. С первого раза понятно,— поник завхоз и крикнул партизанам: — Разгружайте фуру, ребята! А ботинки на себя вешайте. Все равно ни пары не брошу!

Уходили по вымершим улицам города с песнями. Шедшие в голове «пикари», вооруженные пиками, перекованными из кос и вил, горласто орали:

> Пики нас не подвели,
> Колчака с ума свели!..

Когда песня «пикарей» долетала до Чепцова, лежавшего на фуре, наборщик дергался и приподни-

мался, снова порываясь бежать спасать горящую бумагу и шрифты. Дыхание его стало прерывистым и знойным, пряди давно не стриженных волос, влажные от предсмертной испарины, прилипли ко лбу и щекам. Папаша Крутогон, державший голову наборщика на коленях, с испугом смотрел на его лицо, ставшее маленьким, детским, и умолял раненого:

— Семен Семенович, трофей ты мой бесценный, ты натужься и не помирай. Слышишь? Не помирай, говорю...

Очередной номер «Партизанской правды» набирал уже Федя, то и дело чертыхаясь шепотом, когда на верстатку лезла совсем не та, какая нужна была, литера. Ночью, когда тискали на обоях весенний, посевной выпуск газеты, умер Чепцов. Партизаны вереницей шли в лазарет проститься с наборщиком. На груди Семена Семеновича был приколот большой красный бант, а нелепый рыбий рот его круглился в последней улыбке, словно он радовался, что наконец-то выбрал настоящий бант, цвета пролитой в боях рабочей крови.

А в открытую дверь лазарета доносилась из тайги звонкая, победная капель весны.

С. ДИКОВСКИЙ

КОМЕНДАНТ ПТИЧЬЕГО ОСТРОВА

I

Это была на редкость упрямая шхуна. Прежде чем заглушить мотор и вывесить кранцы, «Кобе-Мару» предложила игру в прятки, встав в тени за скалой. Когда этот фокус сорвался, она стала метаться по бухте, точно треска на крючке... Затеяла глупую гонку вокруг двух островков, пыталась навести «Смелый» на камни, ударить форштевнем *, подставить корму — словом, повторила все мелкие подлости, без которых эти господа никогда не обходятся.

Оберегая корпус «Смелого» от рискованных встреч, Колосков долго водил катер параллельными курсами.

Мы были мокры, злы и от всего сердца желали шхуне напороться на камни. Боцман Гуторов, уже полчаса стоявший на баке с отпорным крюком, высказал это резонное желание вслух и немедля получил замечание от командира.

— А допрашивать эпроновцы будут? — ворчливо спросил Колосков.— Эк, жмет! Чует кошка...

Увлеченный погоней, он не пытался даже вытирать усеянное брызгами, свежее от холода и ветра лицо. Он стоял на ходовом мостике, щурясь, посапывая, не отрывая глаз от низкой кормы, на которой, точно крабы, выделялись два больших иероглифа.

Наконец ему удалось подойти к японцу впритирку, и двое бойцов разом вскочили на палубу шхуны.

— Конници-ва! Добру день! — сказал присмиревший синдо.

---

* Форштевень — носовая оконечность судна.

Он стоял на баке возле лебедки и кланялся, точно заведенный.

Сети были пусты. В трюмах блестела чешуя давних уловов. Зато вся команда была, как по форме, одета в свежую, еще не обмятую работой спецовку. Высокие резиновые сапоги (без единой заплатки), подтянутые шнурками к поясам, придавали ловцам бравый, даже воинственный вид.

В пристройке рядом со шкиперской мы отыскали радиста — маленького злого упрямца в полосатой фуфайке. Он заперся на ключ и сыпал морзянкой с такой быстротой, точно «Кобе-Мару» погружалась на дно.

Уговаривать радиста взялся Широких. Он быстро снял дверь с петель и вынес упрямца на палубу, рассудительно приговаривая:

— Отойди... Постучал, и довольно. Я ж вам объясняю по-русски.

После этого мы выстроили японцев вдоль борта и подивились славной выправке «рыбаков». Судя по развороту плеч и строевой точности жестов, они были знакомы с «арисаки» не хуже, чем с «кавасаки».

Мы обыскали кубрик, трюм, машину, но, кроме соленой рыбы, риса и бочки с квашеной редькой, ничего не нашли. Тогда Колосков приказал поднять линолеум в каюте синдо, а сам взял циркуль, чтобы промерить расстояние шхуны от берега.

Вскрывая вместе с Широких линолеум, я видел, как юлит пройдоха синдо. Едва Колосков доказал, что шхуна задержана в наших водах, шкипер уткнул нос в словарь и вовсе перестал понимать командира.

— Ровно миля,— сказал Колосков.— Что вы тут делали, господин рыболов?

— Благодару,— ответил синдо.— Мое здоровье есть хорошо.

— Не интересуюсь.

Синдо наугад ткнул пальцем в страницу.

— Хоцице немного русска воцка? Вы, наверно, зазябли?

Колосков отвернулся и стал терпеливо разгляды-

вать картинки над койкой синдо. Трюк со словарем был стар, как сама шхуна.

Между тем синдо продолжал бормотать:

— Вчера шел дождик... Морская погода, как сердце красавицы, есть холодна и обманчива... Пятница — опасный день моряков...

— Кончили? — спросил Колосков.

— Не понимау... Чито?

Тут командир взял из рук синдо словарик и, захлопнув, сказал прямо в лицо:

— Ну, довольно шуток, я намерен поговорнть серьезно.

Нужно было видеть, как повело шкипера прн этих словах. Он выпрямился, задрал нос и заскрипел, точно сухое дерево на ветру:

— Хорсо... Я отказываюсь говорить младшим лейтенантом.

— Понятно,— сказал Колосков, пряча карту.— Понятно, господин старший рыболов.

В это время командира позвали на палубу, и тут открылась занятная картина.

Возле шлюпки лежал аварийный дубовый анкерок ведер на пять пресной воды. Боцман шхуны вздумал походя накинуть на бочку брезент, а эту запоздалую заботу подметил Широких. Любопытства ради он выбил втулку из бочки и сильно уднвнлся, почему вода плещется, а не льется на палубу.

Багровый от волнения, он стоял на коленях возле анкерка и, запустив руку по локоть, что-то нащупывал.

Увидев Колоскова, он застеснялся н сказал:

— Что-то плещет, товарнщ лейтенант, а шо — неизвестно.

Он пошарил заботливо, как рыбак в вентере, и прибавил:

— Будто щука.

И вытащил новенький маузер.

Потом он воскликнул:

— Лещ, товарищ лейтенант! Окунь, карась!

И на палубу рядом с маузером легли фотоаппарат, индуктор, связка бикфордова шнура, коро-

бочка капсюлей и еще кое-что из «рыбацкого» ширпотреба.

Последней была вынута калька со схемами, нанесенными бегло, но искусной и твердой рукой.

Идти в отряд своим ходом японцы наотрез отказались. К тому же они успели забить в нескольких местах топливную магистраль кусками пробки и войлока. Тогда мы загнали команду в кубрик и, закрепив буксирный конец, с трудом вытащили шхуну из бухты.

...Заметно свежело. Волны стали острее и выше. Всюду осыпались и дымились на ветру белые гребни. Временами волна, разбитая «Смелым», пролетала над ходовым мостиком, осыпая нас шумными, злыми осколками.

Багровое небо обещало тяжелый поход. Дул лобовой шквалистый ветер, и трос, слишком короткий для буксировки, вибрировал за кормой.

На полдороге к отряду «Смелый» стал зарываться в волну. Вода кипела и металась по палубе, не успевая уйти за борт.

Колосков все чаще и чаще поглядывал назад, на смутно белевшую шхуну. Потеряв самостоятельность, на жесткой буксирной узде шхуна плелась за нами, раскачиваясь, спотыкаясь о гребни. Вероятно, «Кобе-Мару» было еще труднее, чем нам, потому что трос не давал ей свободно взбегать на волну.

Вскоре стал заметен только бурун, волочившийся у нас на буксире. Берег, черневший по правому борту, исчез. Низкий рев моря, шипение бескрайней воды глушили перестуки мотора. Шквал навалился на катер с такой силой, что разорвал на мостике парусиновый козырек и сорвал со шлюпки чехол.

«Смелый» шел шажком в темноте, вздрагивая и кряхтя от крепких ударов. Ни звезды, ни огня! Командир приказал включить прожектор, а сам отправился на корму, чтобы осмотреть буксировочный трос.

Я стоял на руле и слышал, как, вернувшись на мостик, Колосков отдувался и убеждал себя самого:

— Черт! Не размокнет... Ну, ясно...

Мы думали об одном. Позади нас, на пустынной палубе шхуны, были двое: боцман Гуторов и ученик моториста Косицын. Гуторов был надежен. Подвижной, грубоватый, смекалистый, он был родом из Керби, славного поселка рыбаков и охотников, и держался на палубе прочнее, чем кнехт. Но Косицын... Сколько раз мы вытаскивали его из машины на палубу — зеленого, мутноглазого, вялого. На земле он был весел, по-крестьянски деловит и упрям, а в море размокал, как галета в горячем чае. Что сделаешь, если степная кровь не терпит ни качки, ни сырости.

Чтобы успокоить командира, я сказал:

— Устоит... На воздухе все-таки легче.

— Да? Я тоже так думаю,— ответил Колосков и тут же возмутился: — Разговорчики! Да вы что! На компасе или в пивной?

Был виден уже маяк Угловой, когда краснофлотец, следивший за тросом, резко вскрикнул...

Я сразу почувствовал, что катер пошел подозрительно ходко, обернулся и увидел, как позади нас быстро гаснет бурун. Из темноты долетал смятый шквалом голос Косицына:

— ...варищ командир... аварищ... андн-ир!

Что он кричал еще, разобрать было нельзя, да мы и не вслушивались. Круто развернувшись, «Смелый» пошел на выручку шхуне.

Прожектор быстро нашел «Кобе-Мару» (среди черной воды она блестела, как моль), обшарил шхуну с обоих бортов, лег на волну... И тут Колосков, сигнальщик и я разом закричали:

— Полундра!

В штормовой ошалелой воде барахтались двое. Они дрались. Оглушенные ударами гребней, они подминали, душили, топили друг друга, разевая рты, чтобы забрать воздух, и задыхались, и слепли в прожекторном свете, не выпуская, однако, горла противника. То и дело пловцы взлетали высоко над нами, над всем глухо стонущим морем и рушились вниз вместе с гребнями волн.

Их разбило. Они снова кинулись навстречу друг другу. А когда мы приблизились к месту схватки и

бросили линь, за конец схватился один только пловец...

То был Гуторов.

Окровавленный, ослабевший, он лег ничком, бормоча:

— Там на шхуне... Косицын... один.

— Самый полный! — скомандовал Колосков.

— Есть... амы... полны! — ответили из машины.

«Смелый» вздрогнул и не двинулся с места.

— В машине!

Сачков ответил что-то невнятное. Вода за кормой побелела, корпус затрясся, заскрипел от рывков, и мы поползли со скоростью плавучего крана.

Колосков приказал осмотреть винт. Нас держал трос. Огромный, разбухший ком ворочался за кормой «Смелого», отнимая у нас ход и маневренность. Вероятно, с палубы шхуны смыло целую бухту манильского троса, и катер, налетев с размаху на снасть, перепутал и намотал на винт метров сто крепчайшего волокна.

Застопорив машину, мы полезли в воду рубить и распутывать петли, а боцман тем временем, клацая зубами, рапортовал командиру, что случилось на шхуне.

...Косицын был на руле. Гуторов осматривал трос. В это время вода разбила стекло штурманской рубки. Услышав звон, японцы стали ломиться на палубу. Гуторов подбежал к кубрику и укрепил дверцу веслом (задвижка была слабовата). И тут из какой-то щели, возможно из канатного ящика, вылез «рыбак». Он успел рубануть буксирный конец ножом и кинулся боцману под ноги, а шхуну как раз положило на борт.

Что было с Косицыным, Гуторов не знал. Он выпил стакан спирта и, обвязавшись канатом, снова влез в воду.

Скучное дело! Мы очистили винт, но продолжали болтаться на месте: вал был согнут, муфта разболтана, мотор дышал, как затравленный, и «Смелый» не мог даже выгрести против ветра.

Мы превратились в буек, а шхуну уносило все

дальше и дальше. Прожектор резал только мачты по клотик. Они долго кланялись морю на все четыре стороны — маленькие, светлые травинки среди гневной воды — и, наконец, пропали из глаз.

Как мы провели ночь, вспоминать скучно. Скажу только, что, несмотря на десятибалльный ветер, на палубе было довольно жарко, а в трюме, кроме моторной помпы, беспрерывно работали четыре ручные донки *.

Море разворотило фальшборт от мостика до шпиля, смыло тузик и в довершение всего выдавило стекло у прожектора, сильно порезав осколками сигнальщика Сажина.

Когда рассвело, мы увидели изуродованный катер и злобную тускло-серую воду.

Захлебываясь сиреной, к нам подходил ледокол «Трувор». Колосков был мрачнее моря. (Если бы только можно было дохромать до порта самим!) Отвернувшись от «Трувора», он велел готовить буксир.

На рассвете был поднят на ноги весь отряд. Не дождавшись нашего возвращения в порт, комбриг выслал в море шесть катеров. Пешие и конные дозоры направились вслед за шхуной на юг, осматривая каждую бухту.

В тот день, сменив гребной вал и винт, мы снова вышли в море. Шторм утих, горизонт был чист. Никто из рыбаков на сто миль к югу от Соболиного мыса не видел огней гибнущей шхуны.

Только на четвертые сутки стало известно о судьбе «Кобе-Мару». И вот что случилось с Косицыным.

II

— Товарищ командир! — крикнул Косицын.

Никто не ответил. Корпус шхуны гудел от ударов. На палубе, сливаясь с морем, шипела вода.

Он сложил руки рупором и крикнул еще раз в темноту, где вспыхивали на ветру гребни волн:

* **Донка** — паровой насос.

— Товарищ команди-нр!

Он был один на мокрой палубе, освещенной только белизной пены. Желание услышать товарищей, увидеть хотя бы издали силуэт пограничного катера охватило его с удвоенной силой. Косицын продолжал кричать, поворачиваясь в разные стороны, так как потерял всякую ориентировку. Временами он делал паузы, чтобы перевести дыхание и прислушаться, но бесконечный низкий рев моря глушил посторонние звуки.

Внезапная вспышка света заставила Косицына обернуться. Справа по носу шхуны прыгал с волны на волну прожекторный луч. Свет был на излете. Далекий, ослабленный водяной пылью, носившейся в воздухе, он терпеливо нащупывал шхуну. И Косицыну, несмотря на холод и мокрый бушлат, сразу стало веселей и теплей. Широко море, а не пропадешь!

Он вернулся к штурвалу и попытался поставить шхуну носом к волне. Это не удалось. Лишенная хода, «Кобе-Мару» рыскала из стороны в сторону, подставляя ударам борта.

Между тем расстояние увеличивалось. Гребни стали беспокойней, острей. Прожектор захватывал только концы мачт. Видимо, «Смелый» не мог осилить волну. Сузив глаза, озябший Косицын силился разобрать сигнальные вспышки, мигавшие на клотике «Смелого». Они были отрывочны, почти бессвязны.

«...Исправим... пойдем вами... зажгите бортовые... кливер... крайнем случае... берег».

— Есть так держать! — ответил по привычке Косицын, и снова в море стало темно.

Шхуна мчалась, не слушая руля, без бортовых огней, вздрагивая и раскачиваясь, точно пьяная.

Она неслась мимо мыса Шипунского, окаймленного полосой бурунов, мимо отвесной скалы с маяком, бросавшим в море короткие вспышки, мимо ворот в бухту, где находился отряд,— все дальше и дальше на юг.

Косицын снял бортовые фонари и попытался за-

жечь их, прикрывая бушлатом. Вода барабанила по спине, спички гасли от ветра и брызг. В конце концов ему удалось зажечь фитилек, но волна неожиданно ударила сбоку, залила масленку и выбила коробок. С тяжелым сердцем, он повесил на место темные фонари.

Приближался рассвет. Волны продолжали толпиться вокруг беспомощной шхуны.

Косицын то и дело бегал к борту. Он никак не мог привыкнуть к морским ухабам и каждый раз, возвращаясь к штурвалу с бледным лицом и затуманенными глазами, твердил про себя: «Довольно! Черт! Ну, хватит, я говорю!»

И снова, держась за леер *, склонялся над морем. Когда рассвело, он взял ведерко и смыл с дубовой решетки следы своей слабости. К счастью, палуба была пуста.

Вместе со светом к Косицыну постепенно возвращалась решительность. Надо было как-то действовать, распоряжаться беспомощной шхуной.

Он расстегнул кобуру, осторожно поднял подпорку-весло и жестами пригласил на палубу шкипера. Из осторожности он сразу захлопнул и укрепил дверцу в кубрик.

— Ната! — сказал он как можно тверже.— Надо мотор запустить, слышь, аната!

— Кому надо? Нам не надо.

Шкипер даже не глядел на бойца. Стоял, почесываясь и зевая. Это возмутило Косицына.

— Пререкания? Я приказываю!

— Осен приятно... Я отказываю.

Машина была испорчена мотористом еще вчера. Косицын взглянул на фок-мачту, на темный жгут скатанной парусины, подумал и вынул наган.

— Чито? — спросил быстро синдо.— Чито вы хотите?

— Это дело мое. А ну, ставь кливер.

Они посмотрели друг другу в глаза, потом синдо

---

* Леер — канат, протянутый на корабле для облегчения ходьбы во время качки.

повернулся и не спеша пошел к мачте. Косицын спрятал наган.

По правому борту, сливаясь с горизонтом, тянулась низкая полоса тумана. Изредка долетали дальние пушечные залпы прибоя. Как всегда на мелких местах, накат был огромен.

«Разобьет,— определил Косицын.— Обязательно разобьет!» Однако как только кливер вырвался вправо и «Кобе-Мару» стала послушной рулю, Косицын решительно направил шхуну в туман.

Он так озяб, истосковался по твердой земле, что рад был сесть на камни, на мель, черту на спину, лишь бы спина эта была твердой. К тому же с рассветом увеличился риск встретить какую-нибудь японскую шхуну.

Шкипер отвел шкот * к корме и сел на фальшборт напротив Косицына. Он был сильно встревожен: вертел шеей, прислушивался к шуму прибоя, даже снял платок, прикрывавший уши от ветра. Наконец он не выдержал и заметил:

— Наверно, это опасно.

Косицын не ответил. Туман разорвало. Стали видны высокий накат, и берег, и темная зелень сопок. Сильно накренившись, шхуна шла прямо на камни.

— Благорозуйность — оружие храбрых,— сказал шкипер отрывисто.— Как это? Худой мир лучше доброго сора? Вы есть храбры... Мы тоже довольно сильны...— Он помедлил.— Хоцице имец... как это... магарыч?

— Магарыч? Не понимаю... Я по-японски не обучен.

— Кажется, я говру вам по-росскэ?

— А мне не кажется. Слова русские, смысл японский.

— Мы спустим шлюпку,— сказал быстро синдо.— Хорсо? В иенах береце?

Косицын глядел поверх шляпы синдо на сопку, думая о своем. Земля была близко, а саженные бу-

---

* Шкот — снасть, растягивающая подветренный, нижний угол паруса.

руны на камнях еще ближе. Жалко, мал ход. Развернет к берегу лагом, обязательно развернет. «Ну, держись!» — сказал он себе самому.

Всем сердцем он почуял близкий конец и, как часто бывает с людьми простодушными и отважными, разом захмелел от опасности, от сознания своей дерзкой, отчаянной силы.

— Давай! — крикнул он шкиперу.— Давай золото, давай все!

Ответа он не расслышал — набежала и оглушила волна,— но понял, что шкипер спросил: «Сколько?»

— Мильон! — крикнул Косицын, навалясь на штурвал.— Все будет наше!

Шкипер глянул в молодое, ожесточенное лицо рулевого и разом ослабил шкот.

— Ну-у?! — спросил грозно Косицын, и кливер снова рванулся вперед.

— Не надо, Иван! — крикнул синдо.

— Знаю! Отстань!

Шкипер подбежал к дверце, выбил весло. Из кубрика хлынули на палубу и загалдели японцы. «Кобе-Мару» несло прямо на сопку — темно-зеленую, курчавую, точно барашек.

Бросили якорь, но шхуну уже развернуло к берегу лагом и било днищем о камни. Через борт, ревя галькой, смывая людей, шла вода.

III

То был Птичий остров — невысокая груда песку и камней среди хмурой воды. Косицын понял это, едва солнце разогнало туман и за проливом встали пестрые горы материка.

С вершины сопки было видно все: берег, отороченный шумной волной, полоса гальки и водорослей, шесты с мокрым бельем, даже ракушки на дне перевернутой «Кобе-Мару». Широко и вольно дышало море, облизывая мертвую шхуну, а на пологих валах еще сверкали жирные пятна нефти и качались циновки.

Внизу дымился костер. Семь полуголых японцев

сидели возле котла, по очереди поддевая лапшу, и косились на сопку.

Косицын снял все, кроме трусов и нагана. Здесь он чувствовал себя куда крепче, чем в море, хотя царапины на плече еще сильно саднило, а во рту было горько от соли. Все-таки земля. Горячая, твердая! Обдуваемый ветром, он спокойно поглядывал то на пленников, то на море.

Остров был свой, знакомый по прежним походам. Здесь иногда проводили стрельбы, рвали черемшу, собирали в бескозырки яйца чаек. Пусть шушукаются у котла! Шхуна разбита, на шлюпке далеко не уйдешь.

Стойкий запах травы и теплый воздух, струившийся над камнями, вызывали сонливость. Чтобы не задремать, Косицын ущипнул себя за руку и, надев еще сыроватый бушлат, решил обойти весь остров по берегу.

Плохая затея! Едва ноги его коснулись песка, как все мускулы заныли, ослабли, запросили пощады. Утомленный качкой, Косицын готов был растянуться у подножия сопки. Как? Лечь? Он наградил себя жестоким щипком и, с трудом вытаскивая ноги, направился дальше.

То был остров без ручьев, без деревьев, без тени, заросший жесткой курчавой травой. И жили здесь только птицы.

Весь восточный берег был завален влажным мусором. Косицын разглядывал его с любопытством, по-крестьянски жалея неприкаянное морское добро. Были тут измятые ржавые бочки, стеклянные шары наплавов в веревочных сетках, бутыли, бамбук, обрывки сетей, циновки, багровые клешни крабов, водоросли с темными луковицами на конце каждой плети, куски весел, канаты, ветхие позвонки и ребра китов, пемза, доски с названиями кораблей и еще никого не спасшие пояса, шершавые звезды, медузы, тающие среди водорослей, точно куски позднего льда, истлевшая парусина чехлов — все мертвое, влажное, покрытое кристаллами соли.

Выше этого кладбища белели просторные залежи

сухого плавника. Это навело Косицына на мысль о костре, высоком, дымном сигнале-костре, который был бы видеи с моря и ночью и днем. Но когда ои подошел к японцам и потребовал перенести сучья с берега на гребень горы, никто не шелохнулся. Шкипер не захотел даже поделиться спичками.

— Скоси мо вакаримасен,— сказал он, смеясь.

Семь рыбаков с присвистом и чмоканьем глотали лапшу. Они успели снять со шхуны и припрятать под водорослями два мешка риса, ящик с лапшой и целую бочку с квашеной редькой и теперь иронически поглядывали на голодного краснофлотца.

— Не понимау,— перевел любезно синдо.

Косицын помрачнел. Он мог сидеть без воды, без хлеба, потому что это касалось лично его. Но спички... Костер должен гореть. И он спросил, сузив глаза, очень тихо:

— Опять р-разговорчики? Ну?!

Только тогда улыбки погасли, и шкипер кинул бойцу жестяной коробок.

Что делать с «рыбаками» дальше, Косицын не представлял. Он прожил всего двадцать два года, знал мотор, разбирался в компасе, но еще ни разу не попадал на остров вместе с японцами.

Впрочем, он задумался ненадолго. Природная крестьянская обстоятельность и смекалка подсказали ему верную мысль — сразу взять быка за рога. В чистой форменке и бушлате, застегнутом на все пуговицы, он чувствовал себя единственным хозяином земли, на которой бесцеремонно расселись и чавкали подозрительные «рыбаки». Надо было с первого раза поставить японцев на место. Тем более что Большая земля лежала всего в двух милях от острова.

Поставить... Но как? Он вспомнил неторопливую речь и манеру боцмана выступать на собраниях (одна рука позади, другая за бортом кителя), приосанился и сурово сказал:

— Эй, старшой! Разъясните команде мою установку. Вы теперь иа положеиии острова. Это во-первых... Земли тут немного, да вся наша, советская.

Это во-вторых. Значит, и порядки будут такие же. Самовольно не отлучаться, озорства не устраивать, во всем соблюдать созиательность, ну и порядок. Ежели что, буду карать по всей строгости на правах коменданта... Вопросы будут?

— Будут,— сказал быстро синдо.— Вы комендант? Хорсо. Тогда распорядитесь кормиць нас продовольствием. Во-первых, рисовая кася, во-вторых, риба, в-третьих, компот. А?

Он торжествующе взглянул на Косицына, и вслед за ним, не переставая жевать, на краснофлотца уставилась вся команда.

Комендант долго думал, подбирая ответ.

— Рисовой каши не обещаю,— сказал он серьезно,— с рыбой придется обождать. А вот компот вам будет. Обязательно будет. И в двойной порции! Понятно?

Никто не ответил. Боцман, толстяк в панаме и синей шанхайской спецовке, облизывал пальцы, с любопытством поглядывая на коменданта.

— А теперь учтем личный состав.

Тут комендант вынул карандашик и книжку и спросил боцмана, сидевшего крайним:

— Ваша фамилия?

Он спросил очень вежливо, но боцман только хихикнул. За толстяка неожиданно ответил синдо:

— Пожариста... Это господин икс.

— Ваша?

— Пожариста... Господин игрек.

Раздались смешки. Игра понравилась всем, кроме коменданта.

— Отставить! — сказал Косицын спокойно.— Эта азбука нам известна.

Он подумал и, старательно оглядев «рыбаков», стал отмечать в книжке приметы: «Икс — вроде борова, фуфайка в полоску... Игрек — в шляпе, конопатый, косой...» На шкипера примет не хватило, и Косицын записал коротко: «Жаба».

...Плавник пришлось собирать самому. Девять раз Косицын спускался на берег и девять раз при-

носил на вершину сопки охапки вымытых морем, голых, как рога, сучьев.

Он тотчас разжег костер, но плавник был тонкий, сухой. Пламя быстро обгладывало ветки, почти не давая дыма. Тогда он принес с берега несколько охапок мокрых водорослей, и вскоре над островом заклубился бурый дым.

В каменной выемке на вершине горы Косицын нашел лужу с дождевой теплой водой, напился и даже вымыл чехол бескозырки. Затем он стал шарить в карманах, надеясь найти что-либо съедобное. Закуска оказалась жестковатой: перочинный нож... пуговица... ружейная гильза. Все это было облеплено клочками бумаги и липкой красновато-коричневой массой. Косицын вспомнил, что накануне положил в бушлат два ломтя хлеба с кетовой икрой (известно, что с полным трюмом легче выдержать качку).

Он извлек несколько пригоршней соленого месива и медленно съел, запивая водой из лужи. Поблизости от костра комендант отыскал гнезда чаек. В каждом из них лежало по три голубоватых теплых яйца. Он выпил десяток. Чайки носились вокруг, норовя клюнуть в бескозырку Косицына.

После завтрака к нему вернулась сонливость. Солнце светило так ровно, так мягко, что веки смыкались сами собой. Комендант стал разглядывать горизонт. Но море, отдыхая после шторма, сияло голубизной, переливаясь, мерцало, ослепляя глаза. Тогда, чтобы не поддаться соблазну, он решил привести в порядок командную точку. Очистив площадку от крупных камней, он уложил их полукруглым барьером, сделал что-то вроде скамьи и протоптал на восточном склоне дорожку к залежам плавника.

Вечером комендант спустился к японцам. На этот раз «рыбаки» были заняты странной игрой. Обступив бесстрастного шкипера, они поочередно тянули у него из кулака соломинки. Самая длинная досталась боцману. Увидев Косицына, он отошел в сторону и стал чистить щепочкой ногти.

— Мы выбрали повара,— пояснил шкипер любезно.— Этот человек сварит кашу сегодня.

Косицын оглядел жеребьевщиков. Крепкие парни стояли полукругом, бормотали и кланялись с подчеркнутым дружелюбием. Маленький радист даже козырнул коменданту. Боцман спохватился, отвел глаза и медленно растянул щучий рот.

— Невеселый какой повар,— заметил Косицын.— Наверно, обжечься боится.

Было ясно, готовят какую-то пакость. Какую — Косицын не мог догадаться. В раздумье он обошел лагерь японцев. Циновки, котел, бочка, резиновые сапоги — все было как утром. Только шлюпка лежала значительно ближе к воде. Прибой? А к чему обмотано бечевой треснувшее весло? Комендант знал десятка два слов, но, вслушиваясь в легкое стрекотанье японцев, похожее на скороговорку, мог уловить только знакомое «со-дес». Уж не собрались ли?..

Подумав, он выдернул из песка оба весла, на которых сушилось белье, и пошел с ними в гору.

Повар забежал вперед и тревожно спросил:

— Эй, Иван, зачем брал?

— Укоротить надо. Велика больно ложка,— ответил сурово Косицын, положа руку на кобуру...

IV

Наступила ночь, просторная, звездная. Костер на вершине сопки стал гаснуть, и шкипер отдал приказ выступать.

Как удалось выяснить позже, «рыбаки» утаили при обыске два ножа и плоский штык, который боцман умудрился спрятать в брюхе трески. Сначала было решено оружие в ход не пускать, ждать полицейскую шхуну, принявшую вчера сигналы «Кобе-Мару». Потом двое «рыбаков» (больше тузик не брал) взялись добраться до ближайшего острова Курильской гряды и вызвать подмогу. Но весла были на сопке у коменданта. Осталось ждать, когда на помощь оружию придет сон.

И сон пришел. Было видно, как бледнеет, никнет в траву голодный огонь. Вскоре перестал шевелиться и комендант.

Чтобы не шуметь, японцы оставили на песке гета и резиновые сапоги. Верные постоянной тактике охвата, они разбились на две группы и осторожно поднялись на сопку. Боцман, вытянувший накануне соломинку, должен был кинуться первым.

Костер погас. Комендант спал. На фоне звездного неба чернела сутулая спина коменданта. Бескозырка съехала на нос, и голова клонилась к коленям.

Боцман кинулся к спящему и, торопясь, ударил в спину ножом. Раз! Два! Он опрокинул Косицына в траву, а набежавшие из темноты «рыбаки» стали в ярости топтать коменданта.

Шкипер опомнился первым.

— Са-а! — крикнул он.

Вслед за ним вскочили другие.

И тогда «рыбаки» услышали знакомый сиплоцатый голос Косицына.

— Ну чего «а-а»? — спросил он неторопливо.— Убили сонного... Рады?

Он вышел из-за кустов и, сорвав бушлат с чучела, кинул болванку на угли. Вспыхнул ком водорослей, и разом стали видны невеселые лица японцев.

— Дай сюда нож, — сказал Косицын убийце. — Тоже кашевар навязался.

Он хотел сказать еще что-нибудь похлестче про самурайскую подлость, но сразу не мог подобрать нужное слово, а когда подобрал, по склону вслед за японцами уже сыпались камни.

Комендант расправил бушлат и вздохнул. Сукно было совсем свежее, первого года носки. Тем страшнее зияли на фоне огня две дыры.

— Какой бушлат загубил! — сказал с сердцем Косицын.— Чертов икс, насекомое вредное!

Ругаться он совсем не умел.

...Всю ночь Косицын провел в мокрой траве, изредка поднимаясь, чтобы подбросить в огонь плавника. И это было мукой — чувствовать теплоту пламени, слышать прибой, мерный, как дыхание спящего, и не заснуть самому.

К утру рука коменданта посинела от крепких щипков. Он обтерся до пояса ледяной водой и снова принялся за работу. У него хватило сил запастись хворостом, вымыть тельняшку и даже почистить кусочком пемзы пряжку и потемневшие пуговицы. Он был комендантом, хозяином Птичьего острова, и каждый раз, проходя мимо молчаливой, враждебной кучки японцев, с усилием поднимал веки и старался ставить ногу твердо на каблук.

А песок был ласков, горяч. Сухие, пружинистые водоросли цеплялись за ноги, звали лечь. И так настойчив был этот призыв, что Косицын стал обходить стороной опасное место, выбирая нарочно большие неровные камни.

В обед он снова отправился за яйцами. На этот раз все гнезда были пусты. Зато на песке возле «рыбаков» лежала целая груда яиц.

Такое нахальство возмутило Косицына. Он направился к соседям с твердым намерением устроить дележку. Но едва поравнялся с циновками, как два «рыбака» прыгнули прямо в кучу яиц. Охваченные мстительной радостью, они принялись отплясывать нелепый воинственный танец среди скорлупы.

Отогнать? Пугнуть для порядка? Как ни голоден был комендант, он не хотел пускать в ход наган.

Косицын просто не заметил двух плясунов. Он развернул плечи и прошел мимо неторопливой походкой только что пообедавшего человека. При этом он даже отдувался и ковырял спичкой в зубах.

Вероятно, хитрость голодного человека была очень заметна, потому что синдо усмехнулся. Это рассердило Косицына. Он замедлил шаг и сказал шкиперу по-хозяйски увесисто:

— Повар ваш по чужим кастрюлям горазд... Боюсь, свинцовым горохом подавится.

...Голод снова привел его на птичий базар. Скинув бушлат, Косицын стал шарить в норах, выбитых птицами в песчаном откосе. У топорков были железные клювы. Они защищались отчаянно. Косицын свернул головы двум топоркам и зажарил птиц на углях. Темное мясо горчило и пахло рыбой.

Что было дальше, он помнил плохо. С раскрытыми глазами комендант сидел у костра. Он ничего не видел, кроме огня и японцев, шевелившихся на песке. Скалы плыли, двоились, волны почему-то набегали на траву, солнце гудело, точно большая паяльная лампа. Чайки монотонно кричали «зря... зря...».

V

Был славный штилевой вечер, когда Косицын спустился с горы и сел напротив японцев. Утомленный непрерывной тревогой, комендант хотел смотреть врагам прямо в глаза.

— Ложись спать, аната,— сказал он устало.— Ложись спать, слышишь, чайки играют отбой.

Странное дело, никто из «рыбаков» не пытался возражать коменданту, точно вся команда молчаливо признала сопротивление бесполезным. Спать так спать!

Солнце погрузилось в тихую светлую воду. Утка спрятала голову под крыло. Дым над островом стоял на тонкой ноге, упираясь кроной в зеленое небо. В тишине было слышно, как гулькают волны, выбегая на отлогий песок.

Семь «рыбаков» ложились на циновки, потягивались, вкусно зевая. Стоило одному из них открыть рот, как зевота, обежав всю команду, поражала Косицына. Вскоре это было замечено, и японцы принялись откровенно поддразнивать коменданта. То один, то другой кривил спазмой рот, изображая крайнюю степень усталости. Со всех сторон неслись глубокие блаженные вздохи, похрустывание расправляемых связок, чмоканье, кряхтенье, сонное бормотанье — темная музыка сна, способная свалить даже свежего человека.

Чтобы стряхнуть дремоту, Косицын спустился к берегу и, став на колени, погрузил лицо в темную воду.

Стало немного легче. Он смочил бескозырку и нахлобучил на голову. Только бы просидеть до утра. А там... Должен же «Смелый» заметить огонь.

Он снова вернулся к японцам. Кажется, они теперь спали по-настоящему, без нарочитого храпа и вздохов. Косицын еще раз пересчитал «рыбаков». Семь японцев лежали полукругом — головами к сопке, ногами к костру. Огонь и тот задремал: угли уже подернуло сединой.

Холодная вода стекала с лент бескозырки за шиворот. Комендант даже не шевелился. Пусть, так лучше. Рука от щипков онемела, а капли все-таки гнали сон.

Вскрикнула птица. Повис, нудно заныл над ухом комар. Ниже, ниже... Звенит, переливается, тянет... Скорей бы рассвет, птичий базар. На свету как-то меньше слипаются веки. Он отмахнулся от комара. Медлит, сверлит... Хоть бы ужалил... Нудьга! Не комар — провод в степи... Откуда степь? Ерунда... Ветер? Нет, песня... Странная песня.

Он смотрел на угли, стараясь понять, человек то поет или просто гудит усталая голова. А сквозь сонный плеск моря заметно пробивалась песенка — густая и простая.

То была песня-петля, песня-удавка. Прозрачная, безобидная, цепкая, она незаметно обволакивала тело и усталую волю бойца.

Он вскочил, отошел в сторону. Песня догнала его, пошла рядом, обняла за шею прозрачной рукой.

Душит, гнет, качает, баюкает... Что за черт! Кружатся звезды, качается берег, точно палуба. Ерунда! А быть может, почудилось?

Зябко стало коменданту. Он пошел быстрее, почти побежал. Песня смолкла, отстала...

Из темноты навстречу взметнулась скала. С разбегу привалился он к мокрому камню. Кровь сильно токала в царапину на плече. Промыть бы соленой водой... Завтра лекпом наложит повязку по форме...

Снова Косицын почувствовал вкрадчивое прикосновение песни. Она выползла откуда-то из темноты, из сырых водорослей, из камней, обняла и закрыла ладонью глаза.

Опускаясь на корточки, он твердил сквозь зубы себе самому:

— Я не хочу спать... Я не хочу спать... Не хочу.

Но песня была сильнее. Она сомкнула веки бойца, пригнула к коленям горячую голову. Спать! Спать! Все равно...

Он выпрямился, глянул с отчаянием в темноту. Коменданту почудилось, что на камне, напротив скалы, сидит шкипер. Руки синдо — локтями в колени, подбородок — в ладони. Лицо неподвижно, а под ресницами настороженно тлеют глаза. Вот оно что — песня сочится сквозь зубы.

И вдруг комендант понял: вяжут сонного! Еще минута — и песня шаг за шагом уведет его в темноту... Сволочи! Как быка!

Он рванулся, крикнул что было сил:

— Врешь! Не выйдет... Молчи!

И песня оборвалась. Стал слышен ленивый плеск моря.

— Хорсо,— сказал шкипер.— Я буду не петь.— Он оплел руками колени и добавил, мечтательно сузив глаза: — Извинице... я думал делать приятность. Сибираки любят красивые песни.

— Не сибиряк я... Молчи.

— Извинице, а кто?..

Косицын, пошатываясь, отошел от опасного места. Теперь он хоть видел в лицо врага. Темный страх, вызванный песней, сменился привычным ожесточением усталого и голодного человека.

— Спрашивать буду я,— сказал мрачно Косицын. — Не в своем болоте расквакались...

Они помолчали.

— Я думаю, вы, наверно, волжаник? — продолжал мечтательно синдо.— Волжанские песни тоже довольно приятны. Как это? Вы есть жив еще, моя старушек. Жив на привец тебе, привец... Наверно, так? Очень хоросо! — Шкипер подумал и сказал почти шепотом: — Признаюсь между нами, я тоже уважаю... свой добру старушек. Интересно, что думает счас моя стару, моя добру матерка?

Комендант пригорюнился, подпер кулаком небритую щеку.

— Думает... Известно, что думает.

— Да? Очень интересно. Скажите, пожариста.

— «Эх, и какую хитрую шельму я родила!»

— Ах, так,— сказал шкипер отрывисто.— Хорсо. Вы знаете правило: смеется кто сильный?

— Вот я и смеюсь.

— Кто вы? Командир? Нет. Хозяин? Нет. Просто солдат. Мы все одинаково робинзоны.

— А я полагаю, робинзонов тут нет,— сказал в раздумье Косицын,— одни жулики, а я при вас комендант. Понятно?

Он с трудом поднял голову и добавил, зевнув:

— Волжские песни не пойте. Боюсь... рыбы подохнут.

VI

Дружный крик японцев вывел коменданта из дремы. Возбужденные «рыбаки» толпились на песке возле самой воды, громко приветствуя белую шхуну. Радист, оравший громче других, сорвал желтую куртку и размахивал над головой, хотя на шхуне и без того заметили группу — до корабля было не больше десяти кабельтовых.

Шхуна шла прямо к острову, и японцы наперебой объясняли Косицыну невеселую картину близкой расправы. Больше всех старался боцман, самолюбие которого было сильно уязвлено комендантом. Встав на цыпочки, он обвел рукой вокруг коротенькой шеи и высунул язык:

— Что, дождался пенькового галстука? — Шкипер тут же любезно пояснил: — Это нас... Это императорски корабр. Скоро вы можете совсем отдыхац, господин... комендант.

— Вижу,— сказал Косицын невесело.

Он молча вынул наган, пересчитал пальцем японцев и, заглянув в барабан, заметил в тревожном раздумье:

— Семь на семь... как раз.

С этими словами он еще раз взглянул на корабль и отвернулся от моря.

Комендант не нуждался в бинокле. То была зна-

менитая «Кайри-Мару», голубовато-белая, очеиь длинная шхуиа с иадстройками на самой корме, что делало ее похожей на рефрижератор. Официальио шхуна принадлежала министерству земли и леса, но выполняла различиые деликатные поручения, оценить которые можно только с помощью уголовного кодекса. Стоило задержать в наших водах краболова или парочку хищных шхун, как на почтительном расстоянии от катера появлялась «Кайри-Мару» и затевала длинный разговор, полиый иамеков и прозрачных угроз. Не раз мы встречали ее по соседству с гидропортом, иовыми верфями или возле лежбищ морского бобра, и Сачков, сердясь, обещал отдать один глаз, чтобы увидеть другим «бычка на веревочке». Он горячился напрасно. Оба глаза нашего моториста были в полной сохраиности, а нахальиая «Кайри-Мару» третий год бродила вдоль побережья Камчатки, перемигиваясь по иочам с заводами арендаторов.

Все было кончено. Косицыи повериулся и пошел вдоль берега, стараясь определить место, к которому подойдет шлюпка с десаитом.

На что он надеялся, трудно сказать. Да и сам он не мог ответить на этот вопрос. Тяжелая кобура с дружеской неловкостью похлопывала его по бедру, точно желая в последний раз ободрить бойца.

Следом за Косицыным шли «рыбаки». Им надоело ждать, когда комендаит свалится сам. А вид «Кайри-Мару» и шипение шкипера подогревали решимость покончить с Косицыным прежде, чем шхуиа выбросит иа берег десант.

Если бы иа месте коменданта был Сачков или Гуторов, развязка иаступила бы гораздо скорее: трудно сохранить патроны (и свою голову), когда палец так и тяиется к спусковому крючку. Но Косицын был слишком нетороплив, чтобы ускорять события.

Он прибавил шаг, но и «рыбаки» зашагали иапористей. Упрямые, легкие на ногу, оии не произносили ни слова. Был слышен только быстрый скрип гальки да крики чаек, провожавших людей.

В молчании пересекли они ломкий плавниковый навал, перелезли через грядку камней и, спустившись вслед за Косицыным к морю, пошли по мокрой, твердой кромке песка.

Он обернулся и устало сказал:

— Эй, аната! Мне провожатых не надо.

Шкипер со свистом вобрал воздух, ответил учтиво:

— Прощальная прогулка, господин комендант!

Они пошли дальше. Это была странная прогулка. Впереди рослый, чуть сутулый краснофлотец с угрюмым и сонным лицом, за ним семь нахрапистых, обозленных «рыбаков» в костюмах из синей дабы и пестрых фуфайках. Когда шел комендант — шли «рыбаки», когда комендант останавливался — делали стойку японцы.

Так они обогнули остров и вышли на северо-западный берег — единственно удобное для высадки место. Маленькая бухта, которую пограничники окрестили впоследствии бухтой Косицына, изгибается здесь в виде подковы с высоко поднятыми краями, которые отлично защищают воду от ветра.

Тут Косицын заметил впереди себя две длинные тени. Радист и боцман, забежав вперед, стали на пути коменданта. Остальные зашли с левого фланга, и все вместе образовали мешок, открытый в сторону моря.

«Рыбаки» наступали полукругом. Позади них, на голой вершине, еще шевелился огонь. Дым стоял точно дерево с толстым стволом, и его широкая крона бросала тень на песок.

Шкипер крикнул что-то по-своему, коротко. И на этот раз Косицын сразу понял: смерть будет трудной. В руках радиста был гаечный ключ, боцман размахивал румпелем *, остальные держали наготове сучья и голыши.

Стрелять на близкой дистанции было неловко. Комендант попятился в воду и поднял наган. Странное дело, Косицын почувствовал облегчение. Насто-

* Румпель — рычаг от руля.

роженность, тревога, не покидавшие его трое суток, исчезли. Пропала даже сонливость.

Он стоял твердо, видел ясно: злость и страх боролись в японцах. Боцман шел сбычившись, глядя в воду. Шкипер закрыл глаза. Радист двигался боком. Все они трусили, потому что право выбора принадлежало коменданту. До первого выстрела он был сильней каждого, сильней всех... и все-таки они двигались.

Семь на семь. Ну что ж!

— Чего жмешься! — крикнул он боцману.— Гляди прямо. Гляди на меня!

Он стал тверже на скользких камнях и выстрелил в крайнего. Боцман упал. Остальные рванулись вперед. Два голыша разом ударили коменданта в локоть и в грудь, сбив верный прицел.

— А ну! Кто еще?

Целясь в синдо, он ждал удара, прыжка. Но «рыбаки» неожиданно замерли. Один шкипер, серый от злости и страха, весь сжавшись, зажмурившись, еще подвигался вперед.

В море выла сирена.

Вытянув шеи, «рыбаки» смотрели через голову коменданта на шхуну, и лица их скучнели с каждой секундой. Кто-то швырнул в воду камень.

— Са-а, — сказал оторопело радист. Синдо осторожно открыл один глаз, зашипел и разжал кулаки.

Косицын не мог обернуться: «рыбаки» были в двух шагах от него. Он смотрел на японцев, силясь угадать, что случилось на шхуне, и понял только одно: терять время нельзя.

Он поправил бескозырку, опустил наган и пошел из воды на противника.

Радист попятился первым, за ним остальные. «Рыбаки» отходили от моря все быстрей и быстрей. Потом побежали.

На берегу комендант обернулся. «Кайри-Мару» шла под конвоем пограничного катера, закрытого прежде высоким бортом, — теперь шхуна медленно разворачивалась, открывая маленький серый катер,

и зеленый флаг, и краснофлотцев, уже прыгавших в шлюпку.

...Как «Смелый» встретил «Кайри-Мару», рассказывать долго. Мы задержали ее в шести милях от Птичьего острова и сразу пошли на дымный сигнал (Сачков клялся, что на острове проснулся вулкан).

...Выскочив на берег, мы кинулись навстречу Косицыну. Но комендант, как всегда, не спешил. Славный увалень! Он хотел встретить нас по всей форме на правах коменданта Птичьего острова.

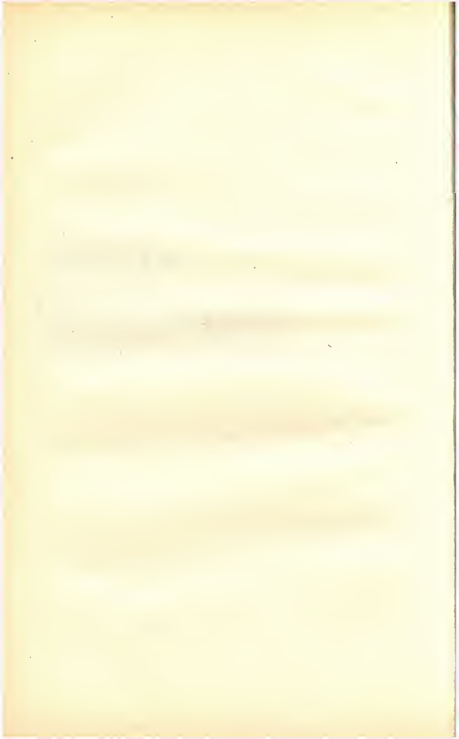
Мы видели, как он растопырил руки, приглашая японцев построиться, как переставил маленького шкипера на левый фланг и велел подобрать животы. После этого он отошел на три шага, критически осмотрел «рыбаков» и, скомандовав «смирно», направился к шлюпке.

Застегнув бушлат на все пуговицы, он степенно шел нам навстречу — отощавший, заросший медной щетиной.

Глаза коменданта были закрыты. Он спал на ходу.

Л. ГУМИЛЕВСКИЙ

СТРАНА ГИПЕРБОРЕЕВ

ЗАГАДОЧНЫЙ СПУТНИК

Из Колы, направляясь в глубь полуострова, вышел 24 июня 1913 года топографический отряд. Отряд, состоявший из шести человек, намеревался обследовать течение реки Умбы, вытекающей, как не многим известно, из озера того же названия.

Никто из участников этой экспедиции не вернулся. Для огромного большинства составителей карт точное местоположение реки и озера остается по-прежнему неизвестным. На всех просмотренных мной картах Кольский полуостров кажется в огромной своей части безводной пустыней, а на большинстве их загадочное озеро не означено вовсе, хотя величина его составляет не менее трети огромного Имандрского озера.

Об отряде не было получено никаких сведений. Ни обстоятельства гибели его, ни самое место трагедии не было никому известно. Однако никто из туземных жителей не сомневался в том, что топографы и их спутники погибли на пути к Острову Духов. Этот остров, о котором лопари говорят только днем, и то шепотом, находится в самой середине озера Умбы. Существует предание, в достоверности которого никто еще не решился усомниться, что всякий, пытавшийся переправиться с берега на остров, погибал в волнах Умбы.

Летом 1926 года, то есть тринадцать лет спустя, из той же Колы и совершенно по тому же направлению, имея целью своего путешествия также озеро Умбу, отправился другой отряд, хорошо снаряженный для путешествия, но состоявший всего лишь из двух человек. Одного из них, старого охотника с мурманского берега, Николая Васильевича Колгуева, в просторечии Колгуя, толпа зевак, провожавшая путешественников, знала так же хорошо, как и любого из соседей. Другой же не был известен обита-

телям Колы, а так как, кроме того, ои лицом, манерами и поступками совершенно отличался от всех колычаи, то и привлекал к себе всеобщее виимаиие. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что всего лишь за два дня до путешествия этот загадочиый спутник Колгуя, искавший в городе проводника, поставил иа ноги старого охотиика, лежавшего две недели в постели, дав ему шесть горьких порошков неизвестиого лекарства.

Местный врач за две недели перепробовал на больном все свои, правда ограничеииые, средства, но ие добился ни малейшего улучшеиия в положении Колгуя, называвшего свою болезиь просто лихорадкой. Тем большее удивление вызвал своим средством приезжий, получивший тогда же среди шептавшихся колычаи почтеииое наименование доктора. Впрочем, страиному путешественнику, искавшему в Коле проводиика до Умбы, действительно ие чужды были врачебиые познания. Во всяком случае, когда ои от десятка обывателей услышал, что, кроме Колгуя, нет такой отпетой головы в городе, кто согласился бы идти на Умбу, приезжий не задумался отправиться к охотнику, хотя и был предупрежден о его несвоевремеииой болезни.

Колгуй, скрипевший зубами ие столько от боли, сколько от злости на болезнь, уложившую его в постель, когда охотиики бродили и дни и ночи с ружьем, добывая песцов и лисиц, посмотрел на гостя не очеиь приветливо.

— Проведете ли вы меня,— сказал тот иа чистом русском языке, но с необычиой для постояиио говорящего на этом языке старательиостью выговаривая каждое слово, — до Умбы, если я вылечу вас?

Глубокие, но не старческие морщииы иа смуглом лице гостя и серые, почти бесцветиые, но слишком глубокие и беспокоящие пристальностью взгляда глаза его и самая маиера говорить с необычайиой простотою, за которой чувствовалось достоииство, виушили больиому доверие. Во всяком случае, иеобычиого посетителя он не послал к черту, как это де-

лал с другими, предлагавшими верные средства от болезни, хотя ответил не без резкости:

— Если вы меня поставите завтра на ноги, я послезавтра отведу вас не на Умбу, а на самый Остров Духов, если вы пожелаете. Лучше умереть у черта в лапах, чем на этих вонючих тряпках!

Он хлопнул исхудавшей ладонью по соломенному тюфяку так, как хлопал по рукам колычан, заключая какую-нибудь сделку. Колычане знали, что слово Колгуя, подкрепленное рукопожатием, вернее писаных векселей. Может быть, гость знал это, может быть, он догадался о том по одному взгляду на охотника, но он ответил тотчас же, коротко:

— Хорошо, я вас вылечу!

Он не был ни знахарем, ни фокусником, ни чародеем, потому что с внимательностью и тщательностью, свойственной далеко не каждому врачу, он, осмотрев больного, расспросил его о всех малейших проявлениях болезни. Напав на какой-то след, он сам досказал Колгую все остальное с такою точностью, что можно было подумать, будто он все две недели не отходил от постели больного, наблюдая за ним. Только после этого он ушел и вернулся с багажной сумкой, из которой извлек те шесть порошков, которые поставили Колгуя на ноги.

Обитателям древнего города Колы, как я уже сказал, все это было известно. Вот почему чужеземный доктор, к тому же избравший целью своего путешествия столь рискованное место, как Умба с его Островом Духов, привлек всеобщее внимание.

Впрочем, улицы Колы не велики, а сытые лошадки путешественников с такою охотой тронулись в путь, что маленький отряд не долго тешил своим видом зрителей. Колгуй, еще бледный и худой, но сидевший на лошади с большей уверенностью, чем в постели, помахал шапкой на прощание приятелям, и отряд скрылся с глаз зевак.

Спутник Колгуя оказался человеком не очень разговорчивым. До вечера он только раз, когда, увязая до щиколотки в болоте, лошади шли шагом, открыл рот.

— Не рано ли пустились мы в путь? — сказал он, впрочем, сейчас же добавляя: — Хотя вы, кажется, чувствуете себя хорошо!

— Я думаю, что нагуляю себе жиру скорее в дороге, чем дома! — проворчал Колгуй.

Они пробирались вересковым кустарником. Бившиеся о колена коней вечнозеленые листья багульника издавали свой горько-пряный запах, и старый охотник оживал от аромата, точно не дышал, а пил кружку за кружкой колычанское пиво, сдобренное для крепости пьянящим настоем багульника. Кисти колокольчатых цветов андромеды веселили темнозеленый ковер болота, но лошади пугливо поднимали головы прочь от ядовитой листвы ее, торопясь выбраться из топи на твердую почву.

— Тогда будем спешить! — отозвался спутник Колгуя сурово и замолчал надолго.

Колгуй, выбравшись из болота, молча последовал его совету и погнал коней вперед.

Безлесная равнина расстилалась впереди на десяток верст. Суровые ветры здесь сжигают все, что поднимается выше слоя снега, прикрывающего землю зимою. Низкорослый кустарник черники и брусники казался издали ровным луговым ковром.

Кони шли едва приметными и для острого глаза охотника тропинками. На сотни верст здешние дороги безлюдны, и Колгуй, привыкший, плутая в болотах и равнинах, молчать целыми днями, не очень тяготился молчаливостью своего спутника.

Однако на первом привале после полудневного пути и тряски, после сытного завтрака, запитого чашкой спирта, когда странный путешественник нетерпеливо поглядывал на щипавших траву лошадей, Колгуй не вытерпел.

— За каким, собственно говоря, дьяволом,— сказал он без всякой учтивости, законно исчезающей у людей среди диких равнин, не тронутых ногой человека,— несет нас, доктор, на Умбу?

Серые глаза доктора не оживились ни гневом, ни любопытством. Он ответил тихо и просто:

— Для чего бы я стал тратить время и слова на

объяснение того, что вам станет ясным и так через два дня?

— Дельно сказано,— смутившись, пробормотал Колгуй и. вытянулся на траве, словно не желая продолжать так ловко оборванный разговор, но тут же добавил, как будто для себя одного: — Я не верю ни в бога, ни в черта, но без большой нужды я не потащился бы на этот остров... Я таки отлично знал тех топографов, которые не вернулись оттуда...

— Оставаясь в постели, вы могли умереть несколько раньше, чем мы доберемся до Острова Духов,— с едва заметной усмешкой ответил доктор.

— Что? Я разве отказываюсь идти с вами? — вскочил Колгуй.

— Я не говорил этого,— тихо заключил доктор.

Можно было подумать, что разговор утомлял его больше, чем седло. Колгуй замолчал и молча пошел к лошадям.

— Я думаю, мы отдохнули довольно? — проворчал он.

Доктор молча кивнул головой, и через минуту они снова продолжали свой путь.

Спокойный и ровный путь этот, то незаметной тропою пробиравшийся в зарослях кустарника, то шедший между каменных скал, покрытых ржавым мхом, то выходивший в степь, то опускавшийся в болотистые низины, длился до таинственных северных сумерек, незаметно сменивших летний день на белую ночь.

Колгуй уже начинал поглядывать вопросительно на своего спутника, помышляя об отдыхе, и тихонько приглядывался к укромным уголкам, когда тот вдруг придержал лошадь и обернулся к проводнику.

— Что это? — спросил он, кивая в сторону.

Белая, прозрачная ночь сияла над миром, как загадка: не было теней, не было источника света. Все казалось прозрачным, все чудилось освещенным откуда-то изнутри. И развалины каменной стены, возвышавшейся над низкою порослью карликовых берез, были видны издалека.

Колгуй весело воскликнул:

— То, что нам нужио для ночлега, доктор. Мы не могли бы и желать здесь лучшего...

— Что это такое? — повторил тот, не замечая болтовни охотника.— Жилище?

— Да, иногда в них живут лопари... Я думаю, что им по тысяче лет, и те, кто их строил, были посильнее иас... Лабиринты — называли их топографы.

— Хорошо, мы ночуем там! — вдруг согласился тот и, круто повернув с дороги, направился к дряхлым камиям с такою поспешностью, что Колгуй с недоумением погиал за ним свою лошадь, не понимая, откуда вдруг появилась в докторе такая охота к ночлегу и отдыху.

СЛЕДЫ

Тот, кому случалось забираться в глубь Кольского полуострова, встречал, конечно, как и Колгуй, исколесивший его во всех направлениях, среди зарослей карликовой березы и стелющейся по земле ивы необычайиые каменные лабиринты, где лопари, остающиеся до сих пор язычниками, приносят жертвенных животиых своим сердитым богам.

Стены этих странных построек не высоки. Они сложены из огромных камней, заставляющих вспоминать о великанах, которым одиим только под силу могли быть подобиые сооружеиия. Внутреиность этих построек представляет собою ряд переплетающихся между собою ходами и выходами каменных коридоров. Они, кружась, в конце концов выходят к центру лабириита, где водружен тяжкий, как скала, каменный очаг.

Обычно вокруг этих построек ютятся в своих оленьих чумах лопари, стекающиеся сюда на суд шамана по множеству своих семейных, житейских и оленьих дел. Иногда стены лабириита, прикрытые земляной крышей, обращаются ими в постоянные жилища. Однако, глядя на низкорослых, заедеиных холодом, голодом, вшами и нуждою обитателей циклопических построек, невозможно предположить, что

онн сами, деды их или прадеды строили эти угрюмые дворы, заставляющие вспомннать о каменном веке земли.

Казавшийся издали бесформенной грудой камней лабирннт, привлекший внимание доктора, был брошенный на лето храм отправившихся к морю за рыбою лопарей. Колгуй, несколько удивленный поспешностью своего спутника, с которой тот направился в сторону мелькнувшей в зарослях постройки, признал в нем, кроме того, первый храм, лежавшнй на пути к Умбе.

Он спокойно последовал за доктором, спрыгнул, как и тот, с лошади, но вместо того чтобы броситься, как он, с необычайным проворством и волнением к заплесневелым камням, спокойно поймал лошадь своего спутника и вместе со своею пустил их на пышную и свежую траву, а затем, с удовольствием разминая ноги после седла, вернулся к нему.

— Мы на верном пути,— сказал он,— мы идем к Умбе, как по компасу. Завтра к вечеру мы встретим еще такой лабирннт, доктор! И послезавтра будем на Умбе!

Человек, не назвавший своего имени до сих пор и откликавшийся на признательное нменованне его доктором, стоял неподвижно, скрестив на груди руки, возле стены. На фоне огромных камней, ннчем не скрепленных друг с другом, но тяжестью своею связанных крепче, чем цементом, он был сам похож на каменное изваянне. Высокий и крепкий, запечатанный в кожаное пальто, отсвечивавшее в белой ночи шлифованным мрамором, он почудился старому охотнику выходцем из другого мира. И Колгуй вздрогнул, когда тот, не поворачнвая головы, сказал со спокойной уверенностью:

— Да, мы идем по верному пути!

В тот же миг, точно разбуженный от своей задумчивостн собственной речью, он перебрался через стену, доходившую ему до груди. Это движение отогнало странный призрак статуи, почудившийся Колгую, и он, встряхнувшись и оправляясь от минутного замешательства, крикнул сердито:

— Послушайте, доктор! Если вы знаете не хуже меня верный путь до Умбы, так на кой черт вы взяли с собой проводника?!

Вызывающий тон заставил странного путешественника поднять голову. Доктор посмотрел на Колгуя, но так, точно не видел его, и пояснил тихо:

— Я говорю не о том пути, о котором говорили вы.

— Что же, по-вашему, тут две дороги?

— Да, и каждый идет по своей!

Колгуй, бормоча себе под нос, посоветовал черту разобраться во всем этом деле и направился к лошадям. Когда он вернулся в лабиринт к очагу, долго путаясь в каменных коридорах с кошмами, одеялами, ужином и кожаными мешками доктора, туго набитыми не очень легким багажом, тот уже спокойно ожидал его.

Когда же все было разложено и ночлег приготовлен, к удивлению старого охотника, его спутник сам первый открыл рот.

— Вы сказали, что завтра к вечеру будет еще одно такое же сооружение? — спросил он.

— Да,— подтвердил Колгуй,— это будет один из самых больших и самых важных храмов. Он стоит на берегу Умбы, и туда приплывают лопари, отправляясь в море, чтобы заручиться согласием своих болванов и шамана... Там, я думаю, под залог наших лошадей, которые тем временем отдохнут для обратного пути, если, конечно, нам придется возвращаться, под залог лошадей мы достанем какую-нибудь посудину, чтобы выйти на озеро...

Он замялся, потом решительно досказал:

— Ну, и на Остров Духов, разумеется, если вы думаете в самом деле побывать там!

— Да, мы переправимся туда! — коротко сообщил доктор.

— Стало быть, я верно догадался, что лодку нам добывать придется.

Колгуй охотно стал бы продолжать завязавшийся не по его почину разговор, но собеседник его, устало

кивнув головой вместо ответа, уже заворачивался в шерстяное одеяло.

Колгуй не без досады улегся поблизости. Он не спал ночь, слушая лошадей, готовый подняться при малейшей тревоге. Поглядывая на своего спутника, он имел возможность не раз заметить, что и тот, погруженный в забытье, не спал, но отдыхал в какой-то особенной, каменной неподвижности.

Он откликнулся ранним утром на зов Колгуя тотчас же и встал со свежим, спокойным лицом, на котором нельзя было заметить ни малейших следов сна, делающих измятыми и серыми лица всех колычан.

Во всем этом не было ничего загадочного и таинственного. Однако, приготовив лошадей и трогаясь в путь, старый охотник искоса посмотрел на своего спутника, и во взгляде этом можно было прочесть далекое и смутное подозрение.

Впрочем, за весь день пути до самого вечера не было никаких новых поводов для того, чтобы подозрение это выросло. Наоборот, уступая ли ласковой настойчивости солнца, старавшегося расплавить и смягчить каменную недвижность изваянного лица доктора, отравляясь ли пьянящим ароматом багульника, загадочный спутник Колгуя не без удовольствия оглядывался по сторонам и не раз сам заговаривал со своим проводником о посторонних вещах.

Несомненно также, что если не радость, то заметное удовлетворение скользнуло по его лицу, когда, уверенно плутая по невидимым тропам и дорогам, Колгуй выбрался на поляну к каменному лабиринту, возле которого было раскинуто с полдюжины лопарских чумов.

Осматривая каменные стены издали, доктор оживленно спросил:

— Долго ли плыть до озера по реке?

— Пустяки,— ответил Колгуй,— до реки два шага отсюда, а лабиринт у самого истока реки...

— А до острова?

— Не плавал,— отрезал Колгуй,— не знаю. Толь-

ко с берега озера можно видеть остров, если нет тумана над водой. Я не совал своего носа в дела островных чертей, но если я сяду в весла, так доставлю туда вас не дольше, как за час работы...

— И столько же, чтоб вернуться назад? — с улыбкой спросил тот.

— Если мы выберемся обратно, я доставлю лодку назад, вероятно, за полчаса! — пробурчал Колгуй.

— Посмотрим,— просто заметил доктор, и впервые старому охотнику показалось, что все россказни об Острове Духов были по меньшей мере преувеличены.

Можно с уверенностью сказать, что Колгуй был первым из всех колычан, кто усомнился в достоверности известного предания, как верно и то, что он был первым, кто вскоре затем мог убедиться, что сказки об Острове Духов рассказывались не зря.

Впрочем, в тот момент ему некогда было думать об этом. Доктор бросил ему на руки поводья и немедленно отправился плутать по коридорам лабиринта, пробираясь к очагу. Колгуй же, устроив лошадей на попечение скалившего зубы лопаря, отправился бродить из одного чума в другой, расспрашивая о том, каковы были уловы рыбы, и осторожно осведомляясь, нельзя ли добыть к утру лодку.

Лодка нашлась, сделка после осмотра лошадей состоялась к обоюдному удовольствию. Однако старый, подмигивающий единственным глазом лопарь был заметно разочарован, когда на ехидный вопрос его — «не собирается ли охотник со своим товарищем отправиться на Остров Духов» — Колгуй сурово ответил:

— Как раз наоборот. Мы хотим спуститься вниз.

— А,— вздохнул лопарь,— конечно! Вы получите своих лошадей, когда захотите.

Доктор был доволен своим проводником. Он не только поблагодарил его, но уверил с улыбкой:

— Несомненно, что мы вернемся назад так же благополучно, как прибыли сюда, благодаря вашей опытности, ловкости, знанию и заботливости.

— Если бы вы были не только доктором, но и колдуном, я и тогда бы подождал до послезавтра вам верить! — проворчал Колгуй.

ОСТРОВ ДУХОВ

Жители Севера не избалованы судьбою. Упорная и тяжелая вечная борьба с угрюмой природою приучила их думать, что путь к счастью загроможден препятствиями. И, как всякий истый северянин, Колгуй видел в сцеплении удач скорее угрозу, чем благополучие. Поэтому он с большим удовольствием отчалил бы от берега в дырявом челноке, чем в просмоленной рыбацкой лодке, к тому же оказавшейся изумительно легкой на ходу.

Делать, однако, было нечего, и со вздохом он взялся за весла, которые не подавали ни малейшей надежды на то, что разлетятся вдребезги, если он ударит ими о подводный камень.

Все шло как нельзя лучше. Солнце разогнало туман с воды прежде, чем они выбрались по реке в озеро. Скалистый остров посредине его предстал перед ними в прозрачной дали с такою четкостью и голубоватая поверхность воды была так спокойна, что и последняя надежда Колгуя на опасность плавания исчезла. Ему ничего не оставалось, как покориться. Он закрыл глаза и налег на весла.

Лодка понеслась стрелою.

Каменистый берег острова, где скалы, как маяки, не давали никакой возможности уклониться от взятого направления, вырисовывался вдали все с большей и большей четкостью. Он же и придавал острову характер дикости, необитаемости. Крутые каменные обрывы, легко принимаемые издали за искусственно сложенные крепостные стены, охраняли остров с такой неприступностью, что в самом деле начинало казаться, что остров не мог быть жилищем человека.

Загадочный спутник Колгуя, стоя на носу лодки, спокойно смотрел вдаль. Он был недвижен, он не произнес еще ни одного слова после того, как они

выбрались из узкого истока реки на озеро. Колгуй, увлекаясь увеличивавшейся скоростью лодки, работал крепкими веслами без боязни их обломать. Он мгновениями начинал забывать о своих страхах: трудно в самом деле представить себе свору чертей, нападающих на путников среди веселого утра на голубом озере, к тому же спокойном, как совесть новорожденного ребенка.

И вдруг неожиданный шелест за его спиной, движения, колебавшие лодку, заставили его, подняв весла, оглянуться назад, на своего спутника. Доктора не было. Вместо него в лодке стоял высокий индус в шелковом шелестящем халате, отливавшем на солнце всеми цветами радуги. Белая чалма была глубоко надвинута на лоб, и, когда на крик Колгуя индус оглянулся, старый охотник не сразу признал в нем своего спутника.

Тот улыбнулся, сказал тихо:

— Что вы кричите?

Тогда Колгуй оправился от испуга.

Он опустил весла, но проворчал сердито:

— Если вы хотите распугать здешних чертей этим балахоном, так не мудрено испугаться и мне. Я не слыхал, как вы одевались.

— Это единственное средство быть принятым за гостя, а не за врага,— заметил доктор.

— Может быть, вы и на меня напялите что-нибудь вроде этого?

— Нет. Вы останетесь у лодки и не пойдете на остров. Я не могу позволить этого...

— Что за черт,— вспыхнул Колгуй,— не собираетесь ли вы и там распоряжаться?

— Я боюсь, что вы не справитесь за час, как обещали, если мы будем продолжать наш разговор,— сказал доктор, прекращая беседу и всматриваясь в даль.

Колгуй, выругавшись про себя, принялся грести со злостью. Это придавало ему новые силы. Лодка шла ровно и мерно, вздрагивая от удара весел. Если бы Колгуй мог и имел охоту понаблюдать за своим

спутником, он, вероятно, не раз бы имел повод для того, чтобы, вскинув весла, обратиться к доктору за объяснениями.

Но он не оглядывался. Доктор же, стоя на носу, вглядываясь вперед, поднял высоко руки, точно приветствовал кого-то, стоявшего на берегу. Были ли у него необычайно зорки глаза или он, не глядя даже на берег, не сомневался в том, что обитатели острова наблюдают за дерзкими путешественниками, выжидая удобной минуты, чтобы их погубить, но он не ошибался.

Когда Колгуй, отыскивая подходящее место для причала, оглянулся на берег, он также увидел бородатых, спокойных людей, стоявших на скале. Их было шестеро. Несомненно, они были вооружены, хотя оружие их было незнакомо Колгую. То были копья, мечи и луки. Однако они не изъявляли ни малейшей готовности вступить в бой с дерзкими пришельцами. Наоборот, своим маскарадом доктор как будто расположил их к себе настолько, что, когда лодка ткнулась в береговую крошечную бухточку, образованную лощинкой между двух каменных скал, вооруженные люди немедленно двинулись навстречу прибывшему гостю.

Доктор продолжал стоять на лодке, ожидая их. Они спустились со скалы с проворством и ловкостью людей, привыкших бродить по обрывистому берегу. Тогда, снова приветствуя их поднятыми руками, обращенными ладонями к приветствуемым, точно показывая, что в руках гостя не спрятан камень или какое-нибудь оружие, доктор произнес несколько слов на неведомом старому охотнику языке.

Обитатели острова молчали. Доктор повторил то же на ином языке, и тогда странные люди закивали головами и стали ему отвечать.

Колгуй разглядывал собеседников своего странного спутника в немом изумлении. Они не были похожи ни на чертей, ни на духов. Это были упитанные, сильные люди с хорошо развитыми мускулами. Черты их лиц были резки и не очень правильны. Яркие цветные рубахи, длинные, до колен, прикры-

вали стройные фигуры. На одном из них, должно быть старшем в отряде, был накинут синий шерстяной плащ. Откинув его, чтобы освободить правую руку для ответного приветствия, он обратился к доктору с короткой, как показалось Колгую, почтительной речью.

Доктор ответил на нее. Когда предварительные переговоры были окончены, доктор обернулся к своему проводнику и предупредил сухо:

— Вы не должны покидать лодки ни на минуту. По закону жителей острова, всякий, кто ступит ногою на их землю, становится жителем их страны и рабом и должен будет подчиняться их законам. Главнейший же закон их заключается в том, что никто, раз ступивший на остров, не может его покинуть... Вы понимаете, в чем дело?

— Если бы я даже и забыл о топографах, так мне не нужно было бы долго объяснять этого. А вы, доктор?

— Я пойду с ними и вернусь ночью.

— А закон?

— Они сделают для меня исключение. Я поручусь за вас, чтобы освободить береговую стражу от обязанности следить за вами...

— Да уж лучше, если они уберутся отсюда, чтоб не мешать мне выспаться за две ночи...

Доктор вышел из лодки. Начальник береговой стражи вновь приветствовал его, затем окружил своими воинами, очевидно для почета, и все они двинулись по лощине в глубину острова.

Старый охотник, покачивая головою, не без сожаления посмотрел им вслед. Он не сомневался в ловкости доктора, которому, конечно, удастся вырваться от этих людей, но сам предпочел бы не только не покидать лодки, но и носом ее не касаться земли, а стоять поодаль на воде.

Нельзя сказать, чтобы Колгуй не был охвачен любопытством. Еще рискуя только жизнью, он, может быть, и отправился бы на остров приглядеться поближе к его странным обитателям. Но, считая свободу свою и независимость ценностью, более суще-

ственной, чем жизнь, он не стал бы рисковать этими вещами даже и в том случае, если бы обитатели острова оказались бесплотными духами. К тому же, чувствуя себя связанным с доктором обязанностями проводника, он и подумать не мог о том, чтобы оставить его без своих услуг.

Поэтому, оглядев издали угрюмые скалы, утесы и обрывы каменного берега, Колгуй спокойно подчинился своей участи. Он устроил на дне лодки постель, прикрылся, как пологом, одеялом от солнца и растянулся с удовольствием путешественника, сделавшего добрую половину своего пути. Так как никто и ничто не нуждалось теперь в его охране, он спокойно заснул в тот же миг.

Две бессонные ночи и утомительный путь в седле на покачивающихся лошадках сделали свое дело: старый охотник спал как убитый весь день. Может быть, он проспал бы и до утра, если бы привычка спать настороже не заставила его очнуться от странного покачивания лодки и шороха шагов пробиравшегося к нему человека.

Колгуй открыл глаза, но не пошевельнулся, обманывая крадущегося врага своим спокойствием. Одеяло, прикрывавшее его от солнца, тихонько приподнималось. Прежде всего Колгуй увидел в прозрачных сумерках белой ночи руку, державшую край одеяла. Это была узкая длинная белая рука с тонкими пальцами, украшенными кольцами. Несомненно, это была женская рука, и Колгуй отказался от мысли, блеснувшей у него в первый момент, схватить эту руку и сшвырнуть человека в воду. Наоборот, он приподнялся тихо, чтобы не испугать женщину, и даже пробормотал что-то вроде извинения, скидывая с себя полог.

В лодке в самом деле была женщина. Даже и в сумерках белой ночи можно было заметить, что она принадлежала к обитателям таинственного острова. Черты лица ее были правильны и четки. Она была не молода, но красива. Широкий плащ стеснял ее движения, но не мешал угадывать под ним ее сильную, стройную фигуру.

Колгуй приподнялся и сел на скамью, готовясь вступить в разговор с нежданной и довольно-таки приятной гостьей. Но она, смутившись на мгновение, тотчас же вынула из складок плаща какой-то сверток и, протянув его Колгую, сказала глухо:

— Восьми и прошти после.

Старый охотник принял подарок, свистнув от удивления. Родной язык в устах этой женщины звучал самой странной вещью из всех виденных им до этого времени. Он раскрыл было рот спросить, что это за штука, но женщина с кошачьим проворством и ловкостью уже выбиралась из лодки.

— Эге, погоди, красавица! В чем дело? — крикнул он, стараясь схватить ее за конец плаща в помощь не действовавшему на нее окрику.

Прежде чем он мог, однако, сделать это, женщина уже была на берегу. Крики Колгуя только подгоняли ее, и через минуту раздувавшиеся на быстром ходу полы плаща ее уже казались смутною тенью, падавшей от прибрежных скал в лощину.

Колгуй выругался, сплюнул в воду и стал рассматривать нежданный подарок. Это был свернутый в трубку тончайший пергамент, развернув который Колгуй, к окончательному своему изумлению, увидел рукопись. Вглядевшись в строчки и мелкие корявые буковки, он был потрясен еще более: это были русские буквы и русские слова.

Ошеломленный нежданным открытием, Колгуй забыл о последнем слове женщины и немедленно принялся за чтение. И при свете дня он был не большим грамотеем, в сумерки же белой ночи рукопись пришлось разбирать, как ребус.

Тем не менее ему удалось прочесть вот это.

ГИПЕРБОРЕИ

«Кто может поверить мне и кто не сочтет эти записки бредом сошедшего с ума человека?

Я один из тех шести несчастных, кто был в топографическом отряде, вышедшем летом 1913 года на

юго-восток из Колы с целью точного определения местонахождения реки и озера Умбы и обследования всей центральной части полуострова, остающегося и до сих пор никем не исследованным. Кто бы мог предположить, что никто не вернется из нас назад, и кто бы из нас поверил в тот яркий, солнечный день, что в трехстах верстах от Колы, в глуши лесных чащ, среди незамерзающего озера есть этот страшный, загадочный остров, прозванный лопарями Островом Духов?

Кто б мог поверить, что предание об этом острове ближе к правде, чем то проклятое веселье и шутки, с которыми мы переправились сюда с берега озера?

Я не сомневаюсь, что через несколько дней меня постигнет участь моих товарищей. Пять мучительных лет, каждую весну происходит одно и то же. Жрецы бросают жребий, чтобы узнать, кого требуют боги в жертву, и вот пять лет подряд жребий при помощи непостижимых их жульнических уловок неизменно падал на одного из нас. Приближается шестая весна, из шести остаюсь я один.

Разве можно ошибиться в предсказании, кого нынче пожелают избрать боги?

Это буду я. Они берегут своих людей, они дрожат над каждым человеком, потому что это вымирающие люди. На острове насчитывают не больше двух сотен жителей. Но у них почти нет молодежи, почти не видно детей... Их женщины бесплодны, и я думаю, что девушка, ставшая моей женою, пришла ко мне по наущению этих седобородых жрецов, которые, кажется, живут по двести лет.

Шесть лет мы пасем с нею тонкорунных овец, и я видел, как, уча меня их языку, год за годом она сближалась со мной. Жалость к обреченному пленнику породила в ней ко мне настоящую, не то материнскую, не то женскую любовь.

Она привязалась ко мне, и только вчера я взял с нее клятву, что она отдаст мое завещание первому чужеземцу, которому удастся уйти с острова.

Я научил ее говорить по-русски: «Возьми и прочти после». И с этими словами она передаст эту ру-

копись тому счастливцу, который придет и уйдет отсюда.

Кто это будет? Когда это будет? И будет ли? И не предаст ли она меня после смерти?

Нет, они соблюдают клятвы, если уж дали их. Но до чего трудно было добиться ее обещания!

Кто эти люди, населяющие остров? Их язык напоминает мне тот школьный латинский язык, за который я неизменно получал в гимназии колы и двойки. В их нравах и обычаях есть многое, заставляющее вспоминать не то римлян или греков, не то египтян... И в то время как за полтысячи верст отсюда люди летают на аэропланах, ездят на автомобилях, здесь каждое утро собираются в священную рощу потомки какого-то тысячелетнего народа славить солнце... Оно или божество, являющееся его олицетворением, называется Апуллом, может быть, это искаженное Аполлон? Не знаю. Ему оказываются величайшие почести, и именно ему в жертву приносят ежегодно одного из обитателей острова на жертвеннике, помещающемся в таком же каменном лабиринте, которых с полдюжины мы встретили на несчастном пути сюда и в которых там живут лопари, а здесь...

А черт с ними — умереть лучше, чем чувствовать себя здесь рабом живых покойников.

В этой прекрасной роще, посвященной Апуллу, стоит тот самый шарообразный храм, который мы увидели с берега еще... И не я ли первый тогда настаивал на том, чтобы пойти посмотреть на эту штуку, когда некоторые из нас уже струсили и хотели удрать назад!

Этот храм украшен множеством приношений. Теперь там лежат и наш германский теодолит и все инструменты. Я видел там кремневое ружье, два допотопных револьвера и старинный бульдог: очевидно, не мы первые добрались сюда и, боюсь, не мы последние не вернемся отсюда.

Тут все жители старшего возраста — жрецы божества. А большинство обитателей острова — кифаристы. Это нечто вроде наших гуслей или цитры.

Они могут петь и играть целыми днями во славу своего божества... Да и нечего им больше делать.

Они выращивают на своих полях что-то похожее на пшеницу в таком количестве, что пресного хлеба им хватает на всех. Едят они к тому же не по-нашему. Кусочек сыра из овечьего молока и две лепешки, испеченные на раскаленных камнях, да кружка молока — вот все, чем они живы. По-моему, они вымирают просто от тоски и скуки. Еще летом ничего: и работа и роща — все развлечение... Но эти зимы, когда они уходят в каменные щели, живут в камне, спят на камнях... Это ужасно. Женщины ткут свои плащи и рубахи из тончайшей шерсти овец, которых я пасу... А мужчины положительно как медведи в берлоге: редко кто долбит на камне какую-нибудь надпись или трудится над шкурой, чтобы выделать вот такую вот тончайшую кожицу, на которой я могу писать.

Чудные люди!

Сколько раз мы умоляли главного их жреца и царя — Бореада, чтобы позволено было уйти нам. Разве они отпустят таких выгодных рабов, как мы! Бежать отсюда невозможно. До берега не доплыть никому. Озеро, как наша Екатерининская гавань на Коле, никогда не замерзает... Соорудить же хоть плотишко какой-нибудь нельзя, когда за тобой следят каждую минуту. Я пишу это только потому, что связал клятвой мою подругу... Но сколько мук принимает она, охраняя меня от чужих глаз и предупреждая о всякой опасности.

Спасибо и на том. Женщины! Нет, всегда и всюду они одинаковы.

Моя подруга, мне кажется, готова считать меня даже за самого Аварида, проживающего инкогнито среди них. Она надеется, что жребий не упадет на меня... Недаром же до сих пор я счастливо избегал этой участи.

Дело в том, что по существующему среди гипербореев преданию какой-то гиперборей Аварид тысячи полторы лет тому назад отправился куда-то путешествовать и пообещал вернуться... До сих пор о нем

нет ни слуху ни духу. Бореад, царствовавший в то время, отправил с ним десять свитков папируса, в которых изложена история этого странного народа. Предки его были выходцы из Египта, и, застряв здесь, потомки еще не теряют надежды этими папирусами списаться со своими родственниками. Только найдется ли где-нибудь человек, который разберется в их иероглифах?

Это трудновато, хотя понять их язык легче. Ведь у них, как это ни странно, есть чисто русские слова: «береза», например, и значит — береза, а напишут такими каракульками, что не понять. Много слов, какие слышал я у лопарей. Может быть, и наши лопари им родственники, только те одичали и все забыли, а эти дрожат над своею культурой и так цепляются за свое, что и еще тысяча лет пройдет — ничего здесь не переменится.

Аварид — тот умер и исчез, конечно, но папирусы где-нибудь хранятся. Один из моих товарищей помогал старшему жрецу работать над выделкой пергамента и узнал от него, что Аварид направился через Кавказ. Мы долго думали об этом путешественнике и решили, что он направился в Индию... Где-нибудь в Лхасе во дворце далай-ламы лежат эти папирусы, которые могли бы нас выручить из беды, если бы пришло кому-нибудь на ум разобрать их.

Но говорят, туда европейцев не пускают даже.

Аварид же пропадает тысячу лет, и только косоглазые гипербореи могут верить в его возвращение... Во всяком случае, до сих пор он не вернулся еще, но они ждут его постоянно. Это он не велел им переступать границы острова, и они свято блюдут этот закон, в ловушку которого попали и мы. Я думаю, что они дождутся какого-нибудь умного человека, который явится вместо этого Аварида и уничтожит закон...

Впрочем, едва ли кому-нибудь от этого большая радость. Если им показать автомобиль или аэроплан, они подохнут от страха... И что делать этим живым покойникам за чертой своей страны?

Меня же уже не спасти никакому Авариду.

День жребия приближается, и уверенность моей подруги едва ли поможет мне. Перехитрить жрецов невозможно. Пять лет наблюдаю я их и не могу разгадать фокуса, при помощи которого они заставляют вынимать жребий того, кто заранее для этого назначен.

Впрочем, повторяю, лучше подохнуть, чем жить в этой могиле, да еще на правах раба. Я буду рад уже и тому, что моя подруга сдержит свою клятву и тем или иным путем эта рукопись дойдет до сведения живых, настоящих людей, которые рано или поздно превратят этот остров в музей и, может быть, будут мне благодарными за то, что...»

ИНДИЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Шум шагов, звон оружия, ропот глухих голосов заставили Колгуя торопливо спрятать недочитанную рукопись. Огромное желтое солнце вздымалось над островом. На фоне багрового неба силуэты доктора и окружавшей его толпы вычертились необычайно отчетливо. Они спускались к берегу неторопливо и важно, сопровождая почетного гостя.

Колгуй встал, разглядывая странных людей, о которых повествовал на пергаменте несчастный топограф. Старый охотник, ошеломленный прочитанным, чувствовал себя, как во сне. Только спокойный вид доктора удержал его от немедленного бегства, но и это не помешало ему осторожно вытянуть со дна лодки старую, верную двустволку, опершись на которую поджидал он конца своего жуткого сна.

Доктор, облаченный все в тот же отливавший на солнце всеми цветами радуги шелковый халат, сошел первым на берег. Седобородые жрецы окружали его. Длинные плащи, свисавшие с их плеч, придавали им величественность. За ними стояли мужчины более молодые. Среди них находилось несколько воинов. Сзади толпились женщины. Детей не было видно вовсе, хотя не было никакого сомнения, что

на проводы доктора стеклось почти все население острова.

Прощальные речи гостя и провожавших были не длинны. Они были прослушаны в благоговейном молчании окружавших.

Когда доктор направился к лодке, жрецы затянули унылую песню. Может быть, это был гимн солнцу. Его немедленно подхватили все мужчины и женщины.

Доктор ступил на нос лодки и поднял руки для приветствия. Колгуй облегченно вздохнул: конец сна приближался, и сверх всякого вероятия он не мог не быть благополучным. Старый охотник оперся веслом о берег, готовый по малейшему знаку доктора оттолкнуться и погнать лодку прочь.

И вдруг в ту же минуту, прерывая стройное пение отчаянным стоном, женщина в синем плаще вырвалась из толпы и, нарушая благочиние, бросилась на колени перед седобородым жрецом. Она в безумном волнении рассказывала что-то, махая руками, о чем-то просила, чего-то требовала.

Колгуй замер. Он узнал ее.

Доктор с недоумением слушал крики женщины, потом обернулся к Колгую.

— Разве вы выходили на берег?

— Нет! — буркнул он.

— Что требует от вас эта женщина?

— Не знаю.

Жрецы приблизились. Доктор перемолвился с ними и тотчас же снова оглянулся на своего проводника.

— Что вам дала эта женщина?

— Бумажку какую-то...

— Отдайте ее назад, если не хотите остаться здесь навсегда...

Колгуй вынул скомканный пергамент и передал его доктору. Тот, не взглянув на него, вручил его жрецам. Старший из них принял его спокойно, не глядя на Колгуя, который бормотал себе под нос нелестную для него ругань.

Женщина, нарушившая порядок, вернулась в тол-

пу подруг. Они только изумленно отстранились от нее, но продолжали петь, не смея ни одним несоответствующим жестом или словом оскорбить солнечное божество, поднимавшееся над их головами. Колгуй счел минуту подходящей и, предупредив доктора, оттолкнулся от берега с огромной силою, с которой мог сравниться разве только гнев, душивший его.

Он взялся за весла. Лодка понеслась по зеркальной поверхности озера с невероятной быстротою, и скоро уже стройный гимн доносился с берега, как далекое эхо.

Дымящийся туман, как розовая вата, легко надвигаясь на остров, скрыл и самих певцов.

Доктор опустился на скамью.

Колгуй насторожился, полагая, что тот немедленно потребует от проводника объяснений всему происшедшему. Но странный путешественник не нарушил ни словом привычного молчания. Он снял свой костюм, уложил его в кожаный мешок спокойно и аккуратно. Под халатом на ремнях оказался фотографический аппарат. Доктор снял и его, уложив в тот же мешок. Затем, отдаваясь во власть теплого утра, он блаженно закрыл глаза и поднял лицо свое так, чтобы косые лучи солнца без помехи могли жечь его.

Колгуй не выдержал этого спокойствия.

— Я думаю, доктор, вы не пойдете со мной на спор против того, что будущей весной божество потребует в жертву к себе именно эту женщину? — воскликнул он, готовый насладиться изумлением своего спутника.

Но тот не открыл даже глаз, хотя счел нужным спокойно подтвердить:

— Вероятно, жребий падет на нее.

Колгуй со злостью налег на весла, вымещая гнев на воде, омывавшей проклятый остров, так как не имел ничего другого под руками для той же цели.

— Что же, вы так-таки и оставите все это?

— А что бы вы хотели предпринять?

Он открыл глаза и посмотрел на своего провод-

ника не без любопытства. Это подействовало на того, как поощрение.

— Как что? — закричал он, хлеща воду веслами со страстью и злобой.— Как что? Надо рассказать об этом, людей созвать... В газетах напечатать...

— Зачем? — холодно спросил тот.

— Как зачем? Чтобы все знали...

Серые глаза доктора впились в Колгуя с насмешливой ласковостью, но тут же погасли и затянулись, стали непроницаемо покойны и холодны.

— Не все ли равно,— серьезно и строго, не спрашивая и не отвечая, промолвил доктор,— не все ли равно, будут ли люди знать немножко больше или немножко меньше...

Колгуй сжал губы и замолчал. Каменное спокойствие его спутника было непреоборимо. От него веяло холодом тысячелетних лабиринтов, и в первый раз сорвалось с губ охотника резкое слово.

— Да кто вы такой, черт возьми? — крикнул он.

— Путешественник,— просто ответил тот.

— Откуда вы приехали?

— Из Индии.

— Зачем?

— Чтобы проверить, существует ли еще древний род гипербореев.

Простота и точность ответов обезоружили Колгуя. Он притих.

— Откуда вы знали, что они существуют?

— Из наших книг.

— И вы никому не объявите о том, что видели?

— Только тем, кто меня послал сюда.

— А я?

— Вы можете поступать так, как вам угодно.

Колгуй замолчал, налег на весла и больше уже не возвращался к прервавшемуся разговору.

Он не обманул своего спутника — обратный путь до реки и по реке до тропинки, по которой можно было подняться до чума лопаря, взявшего на себя заботу о лошадях, они совершили скорее, чем путь прямой — отсюда до острова.

Целодневный отдых на острове сделал свое дело.

Сменив лодку на лошадей, Колгуй охотно согласился со своим спутником немедленно продолжать путь.

Этот обратный путь совершался с не меньшим благополучием, но в большем молчании. Доктор положительно не открывал рта, тем более что и проводник его на этот раз не очень тяготился молчанием.

Старый охотник чувствовал себя необычно. Он был погружен в трудное и непривычное занятие: он думал. С тяжестью и неуклюжестью мельничных жерновов перемалывал он в молчаливой задумчивости все происшедшее. И только когда эта мучительная работа подходила к концу, он прервал молчание и тихо спросил доктора:

— Так вы, может быть, из Лхасы, от самого далай-ламы притащились сюда, доктор?

— Нет,— спокойно ответил тот,— я из Тадж-Магала, близ Агры, из Индии...

— Это там нашли вы папирусы?

— Да,— коротко подтвердил он.

— И позвольте уже узнать,— продолжал допытываться Колгуй, вспоминая рукопись, читанную им в лодке,— какой черт помог вам разобраться в том, что там было накорежено?

— Сравнительное языковедение,— просто, точно говоря о ночлеге, ответил доктор.— Я не знал,— с улыбкой добавил он,— что вы не дремали в лодке, а успели основательно познакомиться с пергаментом, который вручила вам женщина.

— Да уж поверьте, что я знаю теперь ненамного меньше, чем вы, доктор! Есть-таки у меня много нового, о чем можно будет поболтать за кружкой пива.

— Но вы не знаете самого главного!

— Чего же это?

— Того, что ничто не ново под луной!

И снова погрузились спутники в молчание, и снова зашевелил жерновами своего мозга Колгуй, впрочем, ненадолго, так как путь их уже приближался к концу.

Маленький отряд вернулся в Колу поздней ночью,

и надо сказать, что только это обстоятельство спасло путешественников от шумной встречи и выражений крайнего изумления по поводу их благополучного возвращения.

Только расставаясь со своим проводником, доктор точно пришел в себя и с большою учтивостью засвидетельствовал Колгую свою признательность крепким и теплым рукопожатием. Это растрогало старого охотника настолько, что он решился было снова возобновить разговор о гипербореях.

Однако доктор и на этот раз остался последователем индийской мудрости.

Он не изменил ей и впоследствии. Именно потому-то повесть о Стране Гипербореев и становится известной читателю из третьих рук.

А. ГРИН

РАССКАЗЫ

ПЛЕМЯ СИУРГ

I

— Элн Стар! Элн Стар! — вскрикнул бородатый молодой крепыш, стоя на берегу.

Стар вздрогнул и, спохватившись, двинул рулем. Лодка опнсала дугу, ткнувшись носом в жирный береговой ил.

— Саднсь,— сказал Эли бородачу.— Ты закричал так громко, что я подумал, не хватнл лн тебя за икры шакал.

— Это потому, что ты не мог отличить меня от дерева.

Род сел к веслам и двумя взмахамн их вывел лодку иа середину.

— Я не слыхал ни одного твоего выстрела,— сказал Стар.

Род ответил не сразу, а весла в его руках заходили быстрее. Затем, переводя взгляд с линии борта на лнцо друга, выпустнл град быстрых, сердитых фраз:

— Это нднотская страна, Эли. Здесь можно сгореть от бешенства. Пока ты плавал взад и вперед, я исколеснл прнлнчные для монх ног пространства и видел не больше тебя.

— Конечно, ты помирился бы только на антилопе, не меньше,— засмеялся Стар.— И брезговал птнцами.

— Какими птнцамн? — зевая, насмешливо спросил Род.— Здесь нет птиц. Вообще нет ничего. Пусто, Эли. Меня окружала какая-то особенная тишина, от которой делается не по себе. Я не встречал ничего подобного. Послушай, Стар, еслн мы повернем вниз, будем сменяться в гребле и изредка мочить себе головы этнм табачным настоем,— Род показал на воду,— то через два часа, выражаясь литературно,

благородные очертания яхты прикуют наше внимание, а соленый кровожадный океан вытрет наши лица угольщиков своим воздушным полотенцем. Мы сможем тогда, Эли, выкинуть эти омерзительные жестянки с вареным мясом. Мы сможем переодеться, почитать истрепанную алжирскую газету, наконец, просто лечь спать без москитов. Эли, какое блаженство съесть хороший обед!

— Пожалуй, ты прав,— вяло согласился Стар.— Но видел ли ты хоть одно животное?

— Нет. Я тонул в какой-то зеленой каше. А стоило мне взобраться на лысину пригорка — конечно, полнейшая тишина. К тому же болезненный укус какого-то проклятого насекомого.

— Ты не в духе и хочешь вернуться,— перебил Эли. — А я — нет.

— Глупости,— проворчал Род.— Я думал и продолжаю думать, что пустыня привлекательна только для желторотых юнг, бредящих приключениями.

— На палубе мне еще скучнее,— возразил Стар.— Здесь все-таки маленькое разнообразие. Ты посмотри хорошенько на эти странные, свернутые махры листвы, на нездоровую, желто-зеленую пышность болот. А этот сладкий ядовитый дурман солнечной прели!

— Вижу, но не одобряю,— сухо сказал Род.— Что может быть веселее для глаз ложбинки с орешником, где бродят меланхолические куропатки и лани?!

— Послушай,— нерешительно проговорил Эли,— ступай, если хочешь. Возьми лодку.

— Куда? — Род вытаращил глаза.

— На яхту.— Стар побледнел, тихий приступ тоски оглушил его.— Ступай, я приду к ночи. Спорить бесполезно, дружище,— у меня такое самочувствие, когда лучше остаться одному.

Вопросительное выражение глаз Рода сменилось высокомерным.

— Насколько я понимаю вас, сударь, — проговорил он, свирепо махая веслами, — вы желаете, чтобы я удалился?

Вот именно.

— А вы будете разгуливать пешком?

— Немного.

— Хм! — задыхаясь от переполнявшей его иронии, выпустил Род. — Так я вам вот что сообщу, сударь: в гневе я могу убить бесчисленное количество людей и животных. Бывали также случаи, что я закатывал пощечину какой-нибудь мало естественной личности только потому, что она не имела чести мне понравиться. Я могу при случае стянуть платок у хорошенькой барышни. Но бросить вас одного на съедение гиппопотамам и людоедам — выше моих сил.

— Я поворачиваю, — сухо сказал Стар.

— Никогда! — вскрикнул Род, стремительно ударяя веслами, причем конечное «да» вылетело из его горла наподобие пушечного салюта.

Стар вспыхнул — в эту минуту он ненавидел Рода больше, чем свою жизнь, — и круто повернул руль. Через несколько секунд, в полном молчании путешественников, лодка шмыгнула носом в колыхающуюся массу прибрежных водорослей и остановилась. Стар спрыгнул на песок.

— Эли, — с тупым изумлением сказал огорченный Род, — куда ты? И где ты будешь?

— Все равно. — Стар тихонько покачивал ружье, висевшее на плече. — Это ничего; дай мне побродить и успокоиться. Я вернусь.

— Постой же, консерв из грусти! — закричал Род, кладя весло. — Солнце идет к закату. Если ты окочуришься, что будет с яхтой?

— Яхта моя, — смеясь, возразил Эли. — А я свой. Что можешь ты возразить мне, бородатый пачкун?

Он быстро вскарабкался на обрыв берега и исчез. Род изумленно прищурился, подняв одну бровь, другую, криво усмехнулся и выругался.

— Эли, — солидно, увещевательным тоном заговорил он, встревоженный и уже решившийся идти по следам друга, — мы, слава богу, таскаемся три года вместе на твоей проклятой скорлупе, и я достаточно

изучил ваши причуды, сударь, но такой подлости не было никогда! Отчего это у меня душа болела только раз в жизни, когда я проиграл карамбольный матч косоглазому молодому в Нагасаки?

Он ступил на берег, тщательно привязал лодку и продолжал:

— Близится ночь. И эта проклятая, щемящая тишина!

Легли тени. Бесшумный ураган мрака шел с запада. В величественных просветах лесных дебрей вспыхивало зеленое золото.

II

Стар двинулся к лесу. У него не было иной цели, кроме поисков утомления, той его степени, когда суставы кажутся вывихнутыми. Ему действительно по-настоящему хотелось остаться одному. Род был всегда весел, что действовало на Эли так же, как патока на голодный желудок.

Высокая горячая от зноя трава ложилась под его ногами, пестрея венчиками странных цветов. Океан света, блиставший под голубым куполом, схлынул на запад; небо стало задумчивым, как глаз с опущенными ресницами. Над равниной клубились сумерки. Стар внимательно осмотрел штуцер — близился опасный час. Впрочем, он боялся зверей лишь в меру своего самолюбия — быть застигнутым врасплох казалось ему унизительным.

Он вздрогнул и остановился: в траве послышался легкий шум; в тот же момент мимо Стара, не замечая его, промчался человек цвета золы, голый, с тонким коротким копьем в руках. Бежал он как бы не торопясь, вприпрыжку, но промелькнул очень быстро, плавным, эластичным прыжком.

Смятая бегущим трава медленно выпрямлялась. Неподвижный, тихо сжимая ружье, Стар мысленно рассматривал мелькнувшее перед ним лицо, удивляясь отсутствию в нем свирепости и тупости — то были обычные человеческие черты, не лишенные своеобразной красоты выражения. Но он не успел хоро-

шенько подумать об этом, потому что снова раздался топот, и в траве пробежал второй, вслед за первым. Он скрылся; за ним вынырнул третий, блеснул рассеянными, не замечающими ничего подозрительного глазами, исчез, и только тогда Стар лег на землю, опасаясь выдать свое присутствие.

Нахмурившись, потому что неожиданное появление людей лишало его свободы действий, Стар пытливо провожал взглядом ритмически появляющиеся смуглые мускулистые фигуры. Одна за другой скользили они в траве, прокладывая ясно обозначающуюся тропинку. На их руках и ногах звенели металлические браслеты, а разукрашенные прически пестрели яркими лоскутками.

«Погоня или охота», — мысленно произнес Стар.

Стемнело; представление кончилось, но Стар, прислушиваясь, ждал еще чего-то. Разгорясь, вспыхивали на небосклоне звезды; тишина, подчеркнутая отдаленным криком гиен, наполнила путешественника смешанным чувством любопытства и неудовлетворенности, как будто редкая таинственная душа обмолвилась коротким полупризнанием.

Стар поднялся. Ему хотелось двигаться с такой же завидной быстротой, с какой эти смуглые юноши, размахивая копьями, обвеяли его ветром своих движений. Головокружительный дурман мрака тяготил землю; звездный провал ночи напоминал бархатные лапы зверя с их жутким прикосновением. Маленькое сердце человека стучало в большом сердце пустыни; сонные, дышали мириады растений; улыбаясь, мысленно видел Стар их крошечные полураскрытые рты и шел, прислушиваясь к треску стеблей.

В то время воля его исчезла: он был способен поддаться малейшему толчку впечатления, желания и каприза. Исчезли формы действительности, и нечему было повиноваться в молчании преображенной земли. Беззвучные голоса мысли стали таинственными, потому что жутко-прекрасной была ночь и затерянным чувствовал себя Стар. Один ужас мог бы вернуть его к обычной замкнутой рассудительности, но он не испытывал страха; черный простор был для него музы-

кой, и в его беззвучной мелодии сладко торжествовала лишь душа Эли.

Тьма мешала идти быстро; он вынул электрический карманный фонарь. Бледный круг света двинулся впереди него, ныряя в траве.

— Эли Стар! Эли Стар!

Это кричал Род. Стар обернулся, вздрогнув всем телом. Крик был совершенно отчетливый, протяжный, но отдаленный; он не повторился, и через минуту Стар был убежден, что ему просто послышалось. Другой звук — глухой и мягкий, с ясным металлическим тембром — повторился три раза и стих, как показалось, в лесу.

III

— Эли, — сказал себе Стар, пройдя порядочный кусок леса, — кажется, что-то новое.

Он был спрятан со всех сторон лесом; желтый конус карманного фонаря передвигался светлым овалом со ствола на ствол. А с этим боролся живой свет гигантского бушующего костра, разложенного посредине лесной лужайки, шагах в сорока от путешественника. Красные тени, вспыхивая озаренными огнем листьями, ложились в глубину чащи, у ног Стара.

Лужайка кишела дикарями; они теснились вокруг костра; там были мужчины, дети и женщины; смуглые тела их, лоснящиеся от огня, двигались ожерельем. Гигантский, освещенный снизу, дымный, мелькающий искрами столб воздуха уходил в поднебесный мрак.

Некоторые сидели кучками, поджав ноги; оружие их лежало тут же — незатейливая смесь шкур, железных шипов и острий. Сидящие ели; большие куски поджаренного мяса переходили из рук в руки. К мужчинам приближались женщины, маленькие, быстрые в движениях существа, с кроткими глазами котят и темными волосами, заплетенными в сеть мелких кос. Женщины держали в руках тыквенные бутыли с горлышками из болотного тростника, и утоливший жажду мгновенно возвращался к еде.

Эли смотрел во все глаза, боясь упустить малейшую подробность ночного пиршества. Слышался визг детей, кудрявыми угольками носившихся из одного уголка поляны в другой. Взрослые хранили молчание; изредка чье-нибудь отдаленное восклицание звучало подобно крику ночной птицы, и опять слышался лишь беглый треск пылающего костра. Голые — все были в то же время одеты; одежда их заключалась в их собственных певучих движениях, лишенных неловкости раздетого европейца.

Стар вздрогнул. Тот же, слышанный им ранее, звучный и веский удар невидимого барабана повторился несколько раз. Пронзительная, сиплая трель дудок сопровождала эти наивно торжественные «бун-бун» унылой мелодией. Ей вторило глухое металлическое бряцание, и неизвестно почему Стар вспомнил вихлявых, глупоглазых щенков, прыгающих на цветочных клумбах.

Барабан издал сердитое восклицание, громче завыли дудки; высокие голоса их, перебивая друг друга, сливались в тревожном темпе.

Стремительно зазвенели бесчисленные цимбалы, и все перешло в движение. Толпа теснилась вокруг костра; то было сплошное мятущееся кольцо черных голов на красном фоне огня. Новый звук поразил Стара — жужжащий, как полет шмеля, постепенно усиливающийся, взбирающийся все выше и выше, трубящий, как медный рог, голос дикого человека.

Голос этот достиг высшего напряжения, эхом пролетел в лесу, и тотчас пение стало общим. Огонь взлетел выше, каскад искр рассыпался над черными головами. Это была цветная, пестрая музыка, напоминающая нестройный гул леса. Душа пустынь сосредоточилась в шумном огне поляны, дышавшей жизнью и звуками под золотым градом звезд.

Стар напряженно слушал, пытаясь дать себе отчет в необъяснимом волнении, наполнявшем его смутной тоской. Несложная заунывная мелодия, состоявшая из двух-трех тактов, казалось, носила характер обращения к божеству; ее страстная выразительность уси-

ливалась лесным эхом. Положительно, ее можно было истолковать как угодно.

Стар взволнованно переступал с ноги на ногу; эта музыка действовала на него сильнее наркотика. Древней, страшно древней стала под его ногами земля, тысячелетиями обросли сырые, необхватные стволы деревьев. Стар напоминал человека, мгновенно перенесенного от устья большой реки, где выросли города, к ее скрытому за тысячи миль началу, к маленькому ручью, омывающему лесной камень.

Пение, усилившись, оборвалось криком, протяжным, пущенным к небу всей силой легких. Крик усиливался, сотни рук, поднятых вверх, дрожали от сладкой ярости возбуждения; хрипло стонали дудки. И разом все смолкло. Толпа рассыпалась, покинув костер; в то же мгновение ночная птица крикнула в глубине леса отчетливо и приятно, голосом, напоминающим часовую кукушку.

IV

Девушка, для которой это было сигналом, условным криком свиданья, выделилась из толпы и, оглянувшись несколько раз, медленными шагами подошла к группе деревьев, сзади которых стоял Стар, рассматривавший цветную женщину. Не думая, что она войдет в лес, он спокойно оставался на месте. Девушка остановилась; новый крик птицы заставил Эли насторожиться. Неясная для него, но несомненная связь существовала между этим криком и быстрыми движениями женщины, нырнувшей в кусты; лицо ее улыбнулось. Стар успокоился — эти любовные хитрости были для него неопасны.

Он не успел достаточно насладиться своей догадливостью, как возле него, в пестрой тьме тени и света, послышался осторожный шорох. Встревоженный, он инстинктивно поднял ружье, но тотчас же опустил его. Темная, голая девушка, вытянув шею, медленно шла к нему, далекая от мысли встретить кого-нибудь, кроме возлюбленного, принадлежавшего, вероятно, к другому племени. Ночная птица крикнула в третий

раз. Не давая себе отчета в том, что делает, повинуясь лишь безрассудному толчку каприза и забыв о могущих произойти последствиях, Стар нажал пуговку погашенного перед тем фонаря и облил женщину светом.

Если он позабыл прописи, твердящие о позднем раскаянии, то вспомнил их мгновенно и испугался одновременно с девушкой, тоскливо ожидая крика, тревоги и нападения. Но крик застрял в ее горле, изогнув тело, откинувшееся назад резким, судорожным толчком. Миндалевидные, полные ужаса глаза уставились в лицо Стара; таинственный свет в руке белого человека наполнял их безысходным отчаянием. Девушка была очень молода; трепещущее лицо ее собиралось заплакать.

Стар открыл рот, думая улыбнуться, как вдруг вытянутые смуглые руки упали к его ногам вместе с маленьким телом. Комочек, свернувшийся у ног белого человека, напоминал испуганного ежа; всхлипывающий шепот женщины звучал суеверным страхом; возможно, что она принимала Стара за какого-нибудь бога, соскучившегося в небесах.

Эли покачал головой, сунул фонарь в траву, нагнулся и, крепко схватив девушку выше локтей, поставил ее рядом с собой. Она не сопротивлялась, но дрожала всем телом. Боязнь неожиданного припадка вернула Стару самообладание; он мягко, но решительно отвел ее руки от спрятанного в них лица; она пригибалась к земле и вдруг уступила.

— Дурочка, — сказал Стар, рассматривая ее первобытно-хорошенькое лицо с влажными от внезапного потрясения глазами.

Он не нашел ничего лучшего, как пустить в ход разнообразные улыбки белого племени; умильную, юмористическую, лирическую, добродушную, наконец, несколько ужимок, рассчитанных на внушение доверия. Он проделал все это очень быстро и добросовестно.

Девушка с удивлением следила за ним. Первый испуг прошел; рот ее приоткрылся, блеснув молоком зубов, а дыхание стало ровнее.

Эли сказал, указывая на себя пальцем:

— Эли Стар, Эли Стар. — Он повторил это несколько раз, все тише и убедительнее, продолжая сохранять мину веселого оживления. — А ты?

Несколько слов дикого языка, тихих, почти беззвучных, были ему ответом.

— Я ничего не понимаю, — сказал Стар, инстинктивно делаясь педагогом. — Послушай! — Он осмотрелся и протянул руку к дереву. — Дерево, — торжественно произнес он. Затем указал пальцем на электрический свет в траве: — Фонарь!

Женщина механически следила за движением его руки.

— Эли Стар, — повторил он, переводя палец к себе под ложечку. — А ты?

Рука его коснулась голой груди девушки.

— Мун! — отчетливо сказала она, блестя успокоенными глазами, в которых, однако, светилось еще недоверие. — Мун, — повторила она, гладя себя по голове худощавой рукой.

Стар засмеялся. Он чувствовал себя опущенным в глубокий теплый родник с лесными цветами по берегам. Быть может, он нравился ей, этот смуглый полубог в костюме из полосатой фланели. В нескольких десятках шагов от горна чужой жизни, освещенный снизу фонариком, безрассудный, как все теряющие равновесие люди, он чувствовал себя отечески сильным по отношению к коричневому подростку, не смевшему пошевелиться, чтобы не вызвать новых, еще более таинственных для нее происшествий.

— Мун! — сказал Стар и взял ее задрожавшую руку. — Мун мне не нравится; будь Мунка. Мунка, — продолжал он в восторге от жалких зародышей понимания, немного освоивших их друг с другом. — А это кто, чей балет я только что наблюдал? — Он показал в сторону красноватых просветов. — Это твои, Мунка?

— Сиург, — сказала девушка. Это странное слово прозвучало в ее произношении, как голубиная воркотня.

Она тревожно посмотрела на Стара и выпустила еще несколько непонятных слов.

— Вот что, — сказал, улыбаясь, Эли, — это, милая, надеюсь, совершенно развеселит тебя.

Он вынул золотые часы, играющие старинную народную песенку, завел их и протянул девушке. Приятный маленький звон шел из его руки; раскачиваясь на цепочке, часы роняли в траву микроскопическую игру звуков, нежных и тонких.

Девушка выпрямилась. Изумление и восторг блеснули в ее глазах; сначала, приставив руки к груди, она стояла, не смея пошевелиться, потом быстро выхватила из рук Эли волшебную штуку и, хватая ее то одной, то другой рукой, как будто это было горячее железо, подскочила вверх легким прыжком. Часы звенели. Девушка приложила их к уху, к глазам, к губам, прижала к животу, потерла о голову. Часы, как настоящее живое существо, не обратили на это никакого внимания; они добросовестно заканчивали мелодию, старинные часы работы Крукса и К°, подарок опекуна.

— Мунка, — сказал Стар, — если бы ты говорила на моем языке, ты услышала бы еще кое-что. Но я могу говорить только жестами.

Он дотронулся до нее рукой и почувствовал, что тело ее приближается к нему, занятое, с одной стороны, часами, с другой — таинственным, прекрасным белым человеком — мужчиной. Повинуясь логике случая, Стар обнял и поцеловал девушку, и еще меньше показалась она ему в задрожавших руках...

Он отскочил с диким криком испуга, потрясения, разрушающего идиллию. Хорошо знакомый, охрипший голос Рода гремел невдалеке, полный чувства опасности и решимости:

— Стар, держись! Бей черных каналий! Стреляй!

Девушка отбежала в сторону. Эли, машинально взводя курок, крикнул:

— Мунка, не надо бежать!

Двойной выстрел разбудил пустыню; огонь его блеснул молнией в темноте. Выстрелив, Род кинулся

к Эли, спасать друга. Он отыскал его, бросившись на свет фонаря.

Пронзительный, полный страданий и ужаса вопль огласил лес. Вне себя, Стар бросился в сторону крика. Темный, извивающийся силуэт корчился у его ног. Он опустил на землю фонарь и вскрикнул: смертельно раненная девушка билась у его ног. Стар обернулся к подбежавшему Роду и взмахнул прикладом.

— Я тебя убью, — хрипло сказал он.

— Стой! — закричал Род. — Это я, не дикарь!

Девушка, перестав биться и визжать, вытянулась. В руке ее, замолкшие, как и она, блестели золотые часы.

— Безумец! Безумец! — сказал Эли. — Зачем ты помешал жить мне и ей?

— Эли, клянусь богом!.. Разве они не напали на тебя! Я видел убегающий, воровской, черный изгиб спины. — Род плюнул. — Хоть убей, не понимаю.

Эли, подняв безжизненное тело, нервно смеялся. Пот выступил на его бледном лице. В лесу, где горел костер, раздавались крики испуга и смятения, костер гас, и щупальца страха ползли к сердцу Рода.

— Эли, бежим! — с тоской вскричал он. — Они окружают нас, Эли!

Стар нежно положил девушку и бросил ружье.

— Да, — сказал он, — ты прав. Бежим, но только отстреливайся ты один, ты, меткий убийца!

— Мне показалось, видишь ли... — торопливо заговорил Род и не кончил: послышался медленный свист стрелы. Он, заряжая на бегу карабин, помчался в сторону реки, за ним Стар.

А дальше был страшный ночной сон, когда, кружась во тьме, кланяясь ползущему свисту стрел и падая от изнеможения, два человека, из которых один, сохранивший ружье, бешено стрелял наугад, пробрались к темной реке и лодке.

V

Однообразный плеск морских волн помогал капитану сосредоточиться. Он сидел под тентом, рассматривая морскую карту.

Из кают-компании вышел доктор, обмахиваясь брошюркой. Доктору надоело читать, и он бродил по судну, приставая ко всем. Увидев погруженного в занятие капитана, доктор остановился перед ним, сунув руки в карманы, и стал смотреть.

Капитан сердито зашуршал картой и стукнул карандашом по столу.

— Не мешайте, — мрачно сказал он. — Что за манера — прийти, уставиться и смотреть!

— Почему вы в шляпе? — рассеянно спросил доктор. — Ведь жарко.

— Отстаньте.

— Нет, в самом деле, — не смущаясь, продолжал эскулап, — охота вам париться.

— Я брошу в вас стулом, — заявил моряк.

— Согласен. — Доктор зевнул. — А я принесу энциклопедический словарь и поражу вас на месте.

Капитану надоело препираться. Он повернулся к доктору спиной и тяжело засопел, шаря в кармане трубку.

— А где Эли? — спросил доктор.

— У себя. Уйдите.

Доктор, напевая забористую кафешантанную песенку, сделал на каблуках вольт и ушел. Скука томила его. «Хорошо капитану, — подумал доктор, — он занят, скоро подымем якорь; а мне делать нечего, у меня все здоровы».

Он спустился по трапу вниз и постучал в дверь каюты владельца яхты.

— Войдите! — быстро сказал Эли.

В каюте рокотал и плавно звенел рояль. Доктор, переступив порог, увидел в профиль застывшее лицо Стара. Потряхивая головой, как бы подтверждая самому себе неизвестную другим истину, Эли торопливо нажимал клавишн. Доктор сел в кресло.

Эли играл второй вальс Годара, а впечатлительный доктор, как всегда, слушая музыку, представлял себе что-нибудь. Он видел готический пустой храм. В храме, улыбаясь, топая ножками, расставив руки и подпевая сама себе, танцует маленькая девочка. Она кружится, мелькает в углах, исчезает и появ-

ляется, и нет у нее соображения, что сторож, заметив танцовщицу, возьмет ее за ухо.

Неодобрительно смотрит храм.

Эли оборвал такт и встал. Доктор внимательно посмотрел на него.

— Опять бледен, — сказал он. — Вы бы поменьше охотились, вообще сибаритствуйте и бойтесь меня. А где Род?

— Не знаю. — Эли задумчиво тер лоб рукой, смотря вниз. — Сегодня вечером яхта уходит.

— Куда?

— Куда-нибудь. Я думаю — на восток.

Доктор не любил переходов и охотно бы стал уговаривать юношу постоять еще недельку в заливе, но расстроенный вид Эли удержал его.

«Когда человек отравлен сплином, не следует противоречить, — думал доктор, покидая каюту. — Почему люди тоскуют? Может быть, это азбука физиологии, а может быть, здесь дело чистое... Существует ли душа? Неизвестно».

Ветер, поднявшийся с утра, не стих к вечеру, а усилился, и море, волнуя переливы звездных огней, ленивым плеском качало потонувшую во мраке яхту.

Матросы, ворочая брашпиль, ставя паруса и разматывая концы, оживили палубу резкой суетой отплытия. На шканцах стоял Эли, а Род, начиная сердиться на Стара «за принимание пустяков всерьез», вызывающе говорил, проходя мимо него с капитаном:

— Дьявольская страна, провались она сквозь землю!

К Эли, неподвижно смотрящему в темноту, подошел доктор, настроенный поэтически и серьезно.

— О ночь! — сказал он. — Посмотрите, друг мой, на это волшебное небо, и грозный тихий океан, и огни фонарей, — мы живем среди чудес, холодные к их могуществу.

Но Эли ничего не ответил, так как прекрасные земля и небо казались ему суровым храмом, где обижают детей.

ТРИ ПОХОЖДЕНИЯ ЭХМЫ

I

БЕЛЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Я читал Понсон-дю-Террайля, Конан-Дойля, Буагобэ, Уилки Коллинза и многих других. Замечательные похождения сыщиков произвели на меня сильное впечатление. Из них я впервые узнал, что настоящий человек — это сыщик. В это время я жил на очень глухой улице, в седьмом этаже. Моя пища, подобно пище Эмиля Золя во дни бедствий, состояла из хлеба и масла, а костюм, как у Беранже, из старого фрака и солдатских штанов с лампасами. Из моего окна виднелось туманное море крыш.

Однажды, переходя мост, я решил сделаться сыщиком. Как раз на этих днях из конюшни графа Соливари была уведена лошадь ценой в пятьдесят тысяч рублей. Это был белый, как молоко, жеребец. Никто не мог напасть на след похитителей, и граф Соливари объявил путем газет премию в 10 тысяч рублей тому, кто отыщет знаменитого скакуна. Зная, что я, Эхма, не обделен от природы умом, я решил на свой риск и страх осчастливить себя и графа.

Чтобы не ошибиться в методе розыска, я еще раз внимательно перечитал всего Конан-Дойля. Знаменитый бытописатель рекомендовал дедуктивное умозаключение. Но я рассуждал так: жеребец не иголка, не какая-нибудь Джиоконда, которую можно свернуть в трубку и сунуть в валторну, а также не Гейсмар и Далматов, требующие почтительного наблюдения. Жеребец — это лошадь, которую не так-то легко спрятать, а если ее не нашли, то лишь потому, что за дело взялись глупцы.

Очень долго все мои старания были напрасны. Недели три я посещал цирки, конные заводы и цыганские таборы, но безрезультатно. Наконец в один прекрасный день я, проходя окраиной города, увидел

в стороне от шоссе огороженное забором место. Забор был сделан из ровных, поставленных вертикально, высоких досок; доска от доски отделялась очень узкой, как шнурок, щелью, что произошло, вероятно, вследствие высыхания дерева. И вот за этим забором я услышал голоса людей, шаги, топот и ржание.

Думая только о лошади, я инстинктивно вздрогнул. Первой моей мыслью было влезть на забор и посмотреть, что там делается, но я тотчас сообразил, что злоумышленники, если они действительно находятся за забором, увидев меня, примут нежелательные и враждебные меры. Но увидеть, что делается в огороженном месте, не было никакой возможности. Напрасно я искал дырок, их не было, и не было инструмента, чтобы просверлить дыру, а в узкие щели почти ничего не было видно. Что-то происходило не далее десяти шагов от забора. Наконец в одну из щелей я увидел белую шерсть лошади. Желая осмотреть ее всю, хотя бы по частям, я посмотрел в другую щель, досок через десять от первой щели, но тут, к величайшему изумлению, увидел черную шерсть. Тогда меня осенила мысль, достойная Галилея. Я применил принцип кинематографа. Отойдя от забора шагов на шесть, я принялся быстро бегать взад и вперед с удивительной скоростью, смотря на забор неподвижными глазами; отдельные перспективы щелей слились, и получилась следующая мелькающая картина: жеребец Соливари стоял как вкопанный, а два вора красили его в черный цвет из ведра с краской: весь зад жеребца был черный, а перед — белый.

Я вызвал по телефону полицию и арестовал конокрадов, а граф Соливари, плача от радости, вручил мне десять тысяч рублей.

II

СТРЕЛА АМУРА

Разбогатев, я захотел жениться. Неподалеку от меня жила артистка театра «Веселый дом», очень своенравная и красивая женщина. Она презирала мужчин

и никогда не имела любовников. Я влюбился по уши и стал размышлять, как овладеть неприступным сердцем.

Заметив, когда обольстительная Виолетта уходит из дому, я подобрал ключ к ее двери и вечером, пока артистка была в театре, проник в ее спальню, залез под кровать и стал ждать возвращения прелестной хозяйки. Она вернулась довольно поздно, так что от неудобного положения я успел отлежать ногу. Виолетта, позвав горничную, разделась и осталась одна; сидя перед зеркалом, красавица с улыбкой рассматривала свое полуобнаженное отражение, а я скрипел зубами от страсти; наконец, набравшись решимости, я выполз из-под кровати и упал к ногам обнаженной Виолетты.

— О боже! — вскричала она, дрожа от страха. — Кто вы, милостивый государь, и как попали сюда?

— Не бойтесь... — сказал я. — Вы видите перед собою несчастного, которому одна дорога — самоубийство. Моя фамилия Эхма. Давно, пылко и пламенно я люблю вас, и, если вы откажетесь быть моей женой, я пробью себе грудь вот этим кинжалом.

Виолетта, заметив, что я действительно размахиваю дамасским кинжалом, вскочила и звонко расхохоталась.

— Кто бы вы ни были, — сказала она, — и как бы вы ни страдали, я могу лишь вас попросить выйти отсюда. Убивая себя, вы будете десятым по счету сумасшедшим, а я держала пари, что набью десяток. Ну, режьтесь!

Видя, что угрозы не действуют, я переменил тактику.

— Я сделаю, — воскликнул я, — сделаю вас очень богатой женщиной! Я засыплю вас золотом, бриллиантами и жемчугом! Ваш каприз будет для меня законом!

— Я честная девушка, — сказала розовая прелестница, — и не продаюсь. А любить мужчину я не могу, они мне противны.

— Сокровище мое, — возразил я, уступая, как всегда в критических случаях, непосредственному

вдохновению, — если я сделаюсь вашим мужем, то это будет самый необыкновенный на свете муж. Вы будете гордиться мной. Вы не подозреваете даже, каков я... Вы не поверите.

— Говорите, я вам приказываю!

— Но...

— Он еще разговаривает! Вы же сами твердили, что мой каприз — закон!

— Я...

— Ну?!

— У меня, — надменно и торжественно сказал я, — кожа полосатая, как у зебры, поэтому я вправе считать себя необыкновенным человеком.

Красавица рассердилась. Затем удивилась и долго смотрела на меня пылающими от любопытства глазами, а я, подбоченясь, не спускал с нее глаз.

Разумеется, ей было неловко просить меня показать кожу, и она, чтобы видеть занятную игру природы, вышла в скором времени за меня замуж. К моему великому удивлению, она заплатила мне за обман тем, что родила в первый же год мулата.

— Обман за обман, — сказала она, и я проглотил пилюлю.

III

ПОЛЕТ МИНИСТРА

Лет через десять произошло событие, окончательно упрочившее мою карьеру. Я стал инспектором тайной полиции. Это случилось таким образом.

Министр иностранных дел вскоре после своего назначения искал популярности и стал поощрять искусства, спорт, садоводство и все, чем интересуется широкая публика. Желая часто видеть свои фотографии в газетах и журналах, министр подымался на воздушном шаре, плавал на подводной лодке, а однажды захотел полетать на аэроплане.

Авиатор Клермон, бравый красавец, с орлиным взглядом и начинающими уже расти на голове вместо волос перьями, выкатил при огромном стечении публики свой победоносный «фарман» и усадил меня

с министром (я сопровождал министра на случай крушения).

Когда мы поднялись и полетели, я, к ужасу своему, заметил, что Клермон пьян. Он громко распевал неприличные песни, клевал носом и поносил республику, а кроме того, управлял аппаратом так, что мы ежеминутно могли упасть вниз.

Министр, бледный как смерть, нюхал английскую соль.

Однако моя находчивость спасла всех. Выждав, когда Клермон начал делать отчаянные крутые виражи, я крикнул:

— Клермон!

Он повернулся, а я, сорвав с груди орден Почетного легиона, помахал им перед носом пьяного авиатора; он протрезвился и кивнул головой. Некоторое время все шло прекрасно.

Тогда, не желая ослаблять впечатления, я спрятал орден, показывая его Клермону лишь в критические минуты, и мы таким образом благополучно спустились на землю.

За свои заслуги, как я уже сказал, я был сделан инспектором тайной полиции, а Клермон получил от министра орден.

Расскажу еще, как (это было в августе) я имел случай наглядно вспомнить о всех этих моих самых выдающихся приключениях.

Я шел по Сен-Антуанскому предместью. Мне нужно было накрыть шайку апашей.

Вдруг я увидел чудесного белого жеребца Соливари под персидским бирюзовым седлом; на жеребце сидел граф, рядом с ним, тоже верхом, на гнедой кобыле ехала моя жена, нежно улыбаясь величественному лицу графа, а сзади на велосипеде перебирал ногами авиатор Клермон с ленточкой Почетного легиона в петлице.

— Мой милый, — сказала Виолетта Клермону, — я назначаю вам среду и пятницу, а вам, граф, понедельник и четверг.

— Куда же вы девали, — хмуро сказал граф, — воскресенье, вторник и субботу?

— Суббота, пожалуй, мужу, а вторник и воскресенье — моему бедному негру.

После этого я долго стоял на углу, кормил голубей и плакал по чину тайными слезами.

ИСТРЕБИТЕЛЬ

I

Когда неприятельский флот потопил сто восемьдесят парусных судов мирного назначения, присоединив к этому четырнадцать пассажирских пароходов со всеми плывшими на них, не исключая женщин, стариков и детей; затем, после того как он разрушил несколько приморских городов безостановочным трудом тяжких залпов, часть цветущего побережья стала безжизненной; ее пульс замер, и дым и пыль бледными призраками возникли там, где ранее стойко отстукивали мирные часы жизни.

Нет ничего банальнее ужаса, и, однако, нет также ничего стремительнее, что действовало бы на сознание, подобно сильному яду. Поэтому-то в прибрежных городах и селениях появилось множество сумасшедших. Глаза и неуверенность нелепых движений существенно выдавали их. Они никогда не плакали — безумие лишено слез, — но произносили темные тоскливые фразы, от которых у слышавших их сильнее стучало сердце. Между тем неприятельский флот остановился в далеком архипелаге, где, как в раю, солнце мешалось с розовым отблеском голубой воды, — среди нежных пальм, папоротников и странных цветов; пламенные каскады лучей падали в глубину подводных гротов, на чудовищных иглистых рыб, снующих среди коралла. Из огромных труб неподвижных стальных громад струился густой дым. Тяжелое лю-

бопытное зрелище! Крепость и угловатость, зловещая решительность очертаний, соединение колоссальной механичности с океанской стихией, окутанной туманом легенд и поэзии, сказочная угрюмость форм, причудливых и жестких, — все вызывает представление о жизни иной планеты, полной невиданных сооружений!

В одно из чудесных утр, среди ослепительного сияния радужного тумана, в неге сверкающей голубой воды, взрывая пену, к крейсеру «Ангел бурь» понеслась таинственная торпеда. Удар пришелся по кормовой части. «Ангел бурь» окутался пеной взрыва и погрузился на дно. Флот был в смятении; трепет и тревога поселились среди команд; назначались меры предосторожности; охранители, сторожевые суда и дозорные миноносцы, получив приказание, зарыскали по архипелагу, а в далекой стране сотни молодых женщин надели траурные платья, и сны многих осенило угрюмое крыло страха. Меж тем самые тонкие хитрости не помогли открыть виновников катастрофы, и это казалось изумительным, так как в тех диких водах не было других судов, кроме судов флота, разрушившего цветущие берега.

— Вы посмотрите, — сказал неделю спустя командир огромного броненосца «Диск» старшему лейтенанту, — посмотрите на эти орудия: они напоминают упавшие стволы лесов Калифорнии. Из всех жерл вылетают конденсированные воздушные поезда, сжавшие в своих округлостях вихри и землетрясения.

Он замолчал и повелительно осмотрел вечернее небо. В этот момент «Диск» дрогнул; свирепый гул скатился по его железным сцеплениям в потрясенную тьму, и броненосец получил смертельную рану.

В течение следующих недель были потоплены миноносец «Раум», крейсеры «Флейш», «Роберт-Дьявол» и две подводные лодки. Невозможно было предугадать или отразить катастрофические удары. Их как бы наносил океан. Казалось, в глубоких недрах его отражением напряженной действительности рождались громоподобные силы, принимающие сверхъестественным образом внешность реальную. Морской простор

стал угрозой, небо — свидетелем, корабли — жертвами. Угрюмость и отчаяние поселились среди моряков. Тогда, желая раз и навсегда покончить с невидимым ужасным врагом, адмирал велел тайно вооружить две парусные шхуны, с тем чтобы, плавая по архипелагу, они, защищенные безобидностью своего мнимого назначения, старались отыскать неприятеля. Последний, несмотря на всю осторожность, с какой действовал, мог, наконец, пренебречь ею в виду парусной скорлупы, чего, конечно, не допустил бы с военным разведчиком. Одна шхуна называлась «Олень», другая «Обзор». На «Олене» был капитаном Гирам, человек странный и молчаливый; «Обзором» командовал Лудрей, веселый пьяница апоплексического сложения. Пустившись на розыски, суда взяли противоположные направления: «Обзор» двинулся к материку, а «Олень» — к югу, в пустынное лоно вод, где изредка можно было встретить лишь скалистый риф. На рассвете следующего дня был густой белый туман. К «Обзору» кинулась бесшумная торпеда, разорвала и потопила его, а «Олень», застигнутый тем же туманом, находился в это утро неподалеку от архипелага. Паруса, заполоскав, сникли. Ветер исчез.

Гирам вышел на палубу. В матово-белой тьме, насыщенной душной влагой, царило совершенное молчание. Дышалось тяжело и тревожно. На баке матрос чистил гвоздем трубку, и скрип железа о дерево был так явственно близок, как если бы эти звуки раздавались в жилетном кармане.

II

Гирам некоторое время смотрел перед собою, словно мог взглядом разогнать туман. Затем, бессильный увидеть что-либо, он сел на складной стул в странном, полугипнотическом состоянии. Оно пришло внезапно. Капитан не дремал, не спал, его ум был возбужден и ясен, но чувствовал он, что при желании встать или заговорить не смог бы выполнить этого. Однако он не беспокоился. Ему случалось переходить за границу чувств, свойственных нашей природе, довольно час-

то, начиная именно подобным оцепенением, и тогда что-нибудь вне или внутри него принимало особый истинный смысл, родственный глубокому озарению. Скоро он услышал шум воды, рассекаемой невидимым судном. По стуку винта можно было судить, что оно проходит совсем близко от «Оленя». Два человека разговаривали на судне; не громко, но так явственно, что все слова с грустным и величественным оттенком их были слышны, как в комнате:

— Что происходит с нами?

— Не знаю.

— Мы как во сне.

— Да, это не может быть действительностью.

— Где остальные?

— Все на том свете.

— Кругом море, и нам не уйти отсюда.

— Кажется, сегодня туман.

— Я чувствую сырость и тяжесть в груди.

— О, как мне больно, как безысходно горько!

— В тьме родились мы и в тьме умираем!

Шум отдалился, голоса стихли.

Гирам встрепенулся. Стоя за его плечами, вахтенный офицер вполголоса приводил свои соображения относительно неизвестного судна. Он думал, что оно весьма подозрительно.

— Вы слышали разговор, Тиррен? — спросил капитан.

— Я слышал действительно невнятное бормотание, но был ли это разговор или проклятие, решать не берусь.

— Нет, это был разговор, и очень странный, чтобы не сказать больше.

— А именно?

— Признаюсь, я не мог бы передать его содержания. Однако туман редеет.

Туман точно редел. Под белым паром просвечивала заспанная вода, а вверху наметился мутный голубой тон. Вскорости, рассекаемый золотым ливнем, туман распался стаями белых теней, в апофеозе блистающих облаков открылось океанское солнце. Сникшие паруса, взяв ветер, крылато потянулись вперед,

и «Олень» двинулся дальше, на поиски истребителя. Как ни осматривал горизонт капитан Гирам, нигде не было видно следов недавно проскользнувшего судна.

III

Прошла неделя. «Олень» безрезультатно вернулся к своему флоту, который тем временем потерпел еще две значительные потери. Так как не было оснований ожидать прекращения военных действий со стороны невидимого врага, то адмирал дал приказ идти в море. Флот направился к берегам Новой Зеландии.

Когда он ушел, когда его одуряющее присутствие, его гарные запахи и металлические звуки исчезли, архипелаг вернул своим лагунам и островам их прежнее выражение — роскошь страстного творчества, и снова стало казаться мне, свидетелю тех событий, что к этим оазисам в живописном сиянии тонко окрашенных лучей летят райские птицы с оранжевыми и синими перьями.

В бурную ночь, когда дьявол тьмы, взбесившись, приподнимал истерзанные волны, целуя их с пеной у рта, за борт почтового парохода упал матрос Кастро. Он хорошо плавал, но, выбившись, наконец, из сил, потерял сознание и очнулся на пустынных камнях, в утренней тишине маленького залива, куда погибавшего выбросило случайной волной. Кастро был разбит ужасом и усталостью. Однако уголок океана, приютивший его, был так прелестен, что к несчастному немедленно снизошло настроение ясной живости. Тесный круг сияющих скалистых зубцов отражался в дымчатой синеве моря, а глубина залива, полная облаков, дышала сказочными намеками. Оглядевшись, Кастро заметил недалеко от себя спину подводной лодки, дремлющей в тени каменного навеса. Удивленный таким неожиданным обстоятельством, матрос долго рассматривал опасное судно, пока на его площадку не вышли изнутри два человека, из которых один был, видимо, слеп, так как двигался неуклюжей ощупью, с закрытыми глазами; его лицо, завешенное изнутри тьмой, было грубовато и грустно.

Второй, явный моряк, бородач, решительной внешности, говорил с первым, наклонясь к его уху, и Кастро, хотя прислушивался, ничего не расслышал. Затем оба они скрылись внутри лодки; через несколько минут она продвинулась к скале, и тот же моряк вышел на мостик один, с сумкой за плечами и палкой в руке. Он спрыгнул на камни и, поспешно шагая, скоро увидел Кастро.

— Остановитесь, приятель, — сказал матрос, — и если прогулка наша не выйдет длинной, уделите мне чуточку чего-либо съестного.

— Что ты за человек? — подозрительно спросил неизвестный.

— Я человек, умеющий хорошо плавать. В эту ночь меня смыло за борт; но я очень сердит; я рассердился и спасся.

— Идем, — помолчав, сказал моряк. — Моя прогулка длинна, но нам хватит галет.

И молча, осторожно рассматривая друг друга, они выбрались из каменного хаоса прибрежья в тихую пустыню.

IV

— Приятель! — заговорил, не выдержав, Кастро. — Я по природе не любопытен, но если вы не видите во мне врага, то расскажите, как попала в это глухое место подводная лодка? Мы идем вместе. Я ем вашу галету, путь, кажется, предстоит не близкий, так как нет нигде признаков какого-либо селения, а потому осмеливаюсь просить вас приоткрыть маленький уголочек сих странностей.

Неизвестный ничего не ответил, улыбнулся и заговорил о другом, а Кастро в течение дня еще раза три пытался навести разговор на ту же тему, но лишь когда они заночевали у костра под придорожной скалой, моряк открыл тайну подводной лодки:

— Мы плыли из Европы с минным отрядом и — долго рассказывать, как это произошло в подробностях, — после трех суток бурной погоды потеряли из виду свой отряд, крейсируя вблизи этого берега.

Наконец волнение стихло; мы остановились неподалеку от старенького монастыря, погрузившего свои белые стены в зелень и аромат цветущих апельсиновых садов. Там жили слепые, тринадцать человек, схоронившие блеск дня и алмазные огни ночей в унылой тьме трагического рождения. Скоро, нуждаясь в пресной воде, я, захватив часть команды, отправился в монастырь.

Пока матросы, руководимые монахами, делали свое дело, я присел в саду; обвеянный теплым ветром, уставший, я не мог противиться смыканию глаз и скоро уснул, а когда очнулся, была ночь. Взошла луна, разостлавшая белый мир среди черных теней. Я вскочил и тревожно стал звать команду. Тогда вздохи и шорохи наполнили сад, и тринадцать слепых мужчин медленно окружили меня, всматриваясь слепыми глазами.

— Вот наш командир, он ждал нас, и мы пришли.

— Мы знаем его, — сказали другие, — но он еще не узнает нас. Капитан Трен, ведите свою команду!

Я был в страхе, но не мог противиться ничему, что совершалось в ту ночь, как не мог бы противиться вулканическому эксцессу. Я спросил:

— Где мои люди?

— Посмотри, — сказали они, указывая на лужайку, блистающую лунным покоем, — они теперь дома и пробудут среди семей до тех пор, покуда мы не вернемся.

Я увидел всех пришедших со мной и тех, кто остался на «Этне». Как попали они сюда? Все спали в траве, с улыбкой сладкого отдыха. Тогда нечто сильнее меня наполнило мою душу трепетом и грустным безмолвием. Я двинулся, окруженный слепыми, к морю: с ними же вошел в подводную лодку и здесь, друг Кастро, я увидел, что слепые все видят.

Да, я подозреваю, что мои сны, мои отчетливые сновидения за прошедший месяц, были действительностью. Я просыпался около полудня, всегда в той бухте, где ты встретил меня, как будто «Этна» никогда не покидала ее, и со мной были подлинные слепые,

бродившие ощупью в непривычном им сложном помещении военного судна; они громко жаловались на диковинную перемену жизни, спали, много ели и вечно ссорились, и я — объясни мне это! — не мог уйти, как если бы лодка висела на высоте тысячи метров; но, мгновенно засыпая с закатом солнца, видел во сне, что отдаю приказания, что все тринадцать слепых с быстротой и опытностью истинных моряков летят к самому пеклу неизвестного военного флота, мы топим суда, всегда ускользая обратно, а после этого плачем в безысходном отчаянии.

Сегодня меня оставила эта чужая сила, как тучи оставляют поля; я глубоко вздохнул и ушел... Слепые исчезли, остался один, самый старый и равнодушный ко всему, что может произойти с ним. Быть может, на «Этну» скоро вернутся мои проснувшиеся матросы.

— Что же это за монастырь? — спросил Кастро. — Какие демоны живут в нем?

— Не знаю. Но здесь вообще, как я слышал, появилось множество сумасшедших. Они бродят и бредят — всегда бредят о сияющих берегах, разрушенных синевой моря.

А. ПЛАТОНОВ

ТАКЫР

1

Давио в иочиое время сорок или больше всадииков ехали мирным шагом в долине Фирюзи по краю речиого потока. Горы Копет-Дага оберегающе и иеясно стояли по сторонам прохладного ущелья — меж Персией и равниной вольных туркмеи. Древияя иранская дорога уже тысячу лет иесла иа себе либо торжествующее, либо плачущее, либо мертвое человеческое сердце. И в ту давно мииувшую ночь четырнадцать человек шли пешком рядом с линией конного отряда, связаиные одной веревкой. Среди пеших были девять молодых женщин и одна маленькая девушка. Она шла без веревки и отставала от усталости. Душа пеших людей иастолько утомилась, что они перестали чувствовать свое существоваиие и шли, как без дыхания. Но сорок всадников были счастливы и осторожио хранили свое удовлетвореиие, чтобы приехать с иим на родииу, которая была еще далеко за горами в темноте пустыни. Один же коиный человек был мертвым; его убили курды в Иране, и теперь ои ехал, иизко склоиившись, привязаииый к седлу и к шее своей уцелевшей лошади, чтобы его семейство имело возможиость увидеть его и заплакать.

В полиочь наступил свет в долине — от луны, преодолевшей высоту гор, и речиой поток от этого света стал как бы неслышным. Отряд расположился в теии старой чинары, растущей к иебу и ие умирающей много веков. Коиные спешились, снизили лошадей, как верблюдов, уложили рядом пленников и сами легли. На выходах из ущелья еще могли появиться курды вдогоику, иесущие пограиичную персидскую службу, еще стояли иа ближайших горах сторожевые башии, сложениые из берегового камня и глииы.

В этих башнях раньше селились обыкновенно дежурные солдаты персидских аулов и базаров, чтобы стеречь дорогу от туркменских аламанов и заранее известить об опасности в Персию — посредством дыма из внутренних очагов — по всей очереди башен в глубину своей родины. Самым же опасным был русский пограничный разъезд, пост которого отряд миновал вчерашнею ночью кругом по горам. Туркмены знали про то и держали ружья близ груди, чтобы убить всякого показавшегося врага.

Это было позднее время последних аламанов. Вскоре персидские пленники уснули, и горе в них прекратилось от потери сознания. Лишь в одной маленькой женщине по имени Заррин-Тадж ум бился наравне с сердцем, и она не спала. Ей было четырнадцать лет, она чувствовала тоску, удушающую ей горло, и глядела в темную сторону Хорасана, откуда ее увели. Иногда ей слышались звуки, помимо шума потока, она думала тогда, что это, наверно, из Ирана в Туран уезжает поезд, который Заррин-Тадж видела однажды в детстве и запомнила, как гудит его бегущий дым. Туркмены, усталые от набега и бедствий пустынной жизни, закрывали по одному глазу, чтобы дремать и видеть наполовину; лежащие лошади вытянули морды вровень с землей и громко дышали, не трогая близкой травы. Заррин поднялась с места. Ночной ветер медленно дул из Персии по ущелью, слышен был запах цветов, одинокая птица напевала где-то далеко в слепых горах, потом она умолкла; лишь река неслась и работала на камнях — всегда и вечно, во тьме и в свете, как работает раб в туркменской равнине или неостывающий самовар в чайхане.

Персиянка поглядела на старинную чинару — семь больших стволов разрослись из нее и еще одна слабая ветвь: семь братьев и одна сестра. Нужно было целое племя людей, чтобы обнять это дерево вокруг, и кора его, изболевшая, изъеденная зверями, обхватанная руками умиравших, но сберегшая под собой все соки, была тепла и добра на вид, как земляная почва. Заррин-Тадж села на один из кор-

ней чинары, который уходил вглубь, точно хищная рука, и заметила еще, что на высоте ствола росли камни.

Должно быть, река в свои разливы громила чинару под корень горными камнями. Но дерево въело к себе в тело те огромные камни, окружило их терпеливой корой, обжило и освоило и выросло дальше, кротко подняв с собою то, что должно его погубить. «Она тоже рабыня, как я! — подумала персиянка про чинару. — Она держит камень, как я свое сердце и своего ребенка. Пусть горе мое врастет в меня, чтобы я его не чувствовала». Заррин-Тадж заплакала. Она была беременна второй месяц от курда-пастуха, потому что ей надо было любить хотя бы одного человека. Ближний туркмен смотрел на нее обоими глазами, довольный, что девушка скоро привыкнет быть женой, если умеет плакать, и смирно умрет под яшмаком в Туркменистане.

Луна скрылась за черные горы, стало опять глухо, ветер шел тенью по лицу Заррин-Тадж, она легла на землю среди всех.

«Гель-Эндам давно увели эрсари, — шептала персиянка себе в сердце, чтобы сравнить свое горе с наибольшим страданием и тем утешиться. — Фатьма утонула в Дарье, а милая, лучшая моя Ханом-Ага, я слышала, живет у джафарбайцев, на берегу моря, и рожает детей. Я тоже буду с ними?!»

Персиянка уснула, успокоившись воспоминанием о подругах, которые также прошли когда-то через это прохладное, травяное ущелье и не умерли.

Наутро верховые туркмены вывели пленников из гор Копет-Дага; тогда некоторые курдские и персидские женщины, как только увидели чужую пустыню и странное небо с другим светом, чем на родине, то заплакали от наступившей печали. Но Заррин-Тадж не плакала: выросшая в нагорной хорасанской роще, она с любопытством глядела в пустой свет туркменистанской равнины, скучной, как детская смерть, и не понимала, зачем тут живут.

Туркмены переждали день во впадине горного подножия. Они считались с курдами, которые иногда

идут в преследование через русскую границу до самых открытых песков, и не хотели растратить победу на краю родины.

Всю другую ночь и еще полдня туркмены гнали пленников в даль своих мертвых песков. Потом отдыхали и ночевали в глиняной курганче аула, обнимали пленных девушек и снова шли дальше. Вскоре Заррин-Тадж узнала своего мужа и хозяина — Атах-бабу, туркмена из племени текэ, человека более сорока лет. Он имел бороду и всегда одинаковые темные глаза, неустающие и несчастливые. Атах-баба изредка звал к себе Заррин-Тадж и отставал ото всех, чтобы жить с нею на песке.

Лежа внизу, персиянка прислушивалась, как движется понемногу песок сам по себе: у него тоже была небольшая разнообразная жизнь. Вблизи стояла в ожидании лошадь Атах-бабы и рассматривала обоих людей. Во время любви, раскинув свои руки, Заррин-Тадж пересыпала ими песок, наблюдала высоту над собою и думала постороннее. Атах любил ее угрюмо и серьезно, как обычную обязанность, зря не мучил и не наслаждался. «С ним я проживу!» — молча полагала Заррин, видя, что это не страшно и не интересно; для себя она не получала никакого чувства, кроме тяжести Атах-бабы и его бороды.

2

На двенадцатую ночь после родины пленников аламана пригнали к кибиткам близ колодца Таган; здесь жило несколько семейств из рода Канджин племени текэ. Атах-бабу встретили четыре его жены и обрадовались ему лишь одним выражением своих лиц, а к Заррин-Тадж отнеслись без внимания. Атах отвел персиянку в кибитку и велел ее кормить и класть спать в семействе. Сам Атах отправился отдать убитого в аламане родственника, уже истлевшего в пути, отчего лошадь его, надышавшись трупом, мало пила воды на водопоях.

Заррин-Тадж села на полу кибитки в недоумении перед чужбиной. На родине она с шести лет соби-

рала хворост и отсохшие сучья в горных рощах Хорасана для своего господина, у которого жила за пищу два раза в день; там жизнь была привычна, и годы юности проходили без памяти и следа, потому что тоска труда стала однообразна и сердце к ней притерпелось. Лучшее время то, которое быстро уходит, где дни не успевают оставлять своей беды.

Одна старая жена Атах-бабы спросила у персиянки по-курдски, какого она рода и в чьей кибитке родилась.

— Я не знаю, когда рожалась, — сказала Заррин-Тадж. — Я уже давно была.

Она действительно не помнила отца и матери и не заметила, когда начала жить: она думала, что так было вечно.

Вдруг послышались плач и шум озлобления. Три босые и жалобные женщины вошли в кибитку и сели вокруг персиянки на поджатых ногах. Сначала они непонятно, грустно заговорили, а потом подползли к Заррин-Тадж, обхватили ее и стали царапать ногтями по лицу ее и худому телу. Персиянка сжалась и стала маленькой для своей защиты, но втайне она замечала, что злоба женщин бедна силой, и терпела боль без испуга. Пришедший назад Атах-баба постоял немного в молчании, а потом сказал: «Этого довольно, она молода, а вы старые дырки», — и выгнал чужих женщин прочь.

Они ушли и снаружи опять заплакали по убитому мужу.

Ночью Атах-баба лег спать рядом с пленницей; и когда все уснули и пустыня, как прожитый мир, была у изголовья за войлоком кибитки, хозяин обнял тело персиянки, обнищавшее в нужде и дороге. Было все тихо, одно дыхание выходило у спящих и слышалось, что кто-то топал мягкими ногами по глухой глине — может быть, шел куда-то скорпион по своему соображению. Заррин-Тадж лежала и думала, что муж — это добавочный труд, и терпела его. Но когда Атах-баба ожесточился страстью, то две другие жены зашевелились и встали на колени. Вначале они яростно шептали что-то, а потом сказали мужу:

— Атах! Атах! Ты не жалей ее, пусть она закричит.

— Помнишь, как с нами было, зачем ты ее ласкаешь?

— Искалечь ее, чтобы она к тебе привыкла!

— Ишь ты, хитрый какой!

Заррин-Тадж не слышала их до конца, она уснула от утомления и равнодушия среди любви.

3

Заррин-Тадж стала жить кочевницей. Она доила верблюдов и коз, считала овец и доставала воду из колодцев на такыре по сто и по двести бурдюков в день. Больше она никогда не видела птиц и забыла, как шумит ветер в древесных листьях. Но время молодости идет медленно; еще долго тело персиянки томилось жизнью, точно непрестанно готовое к счастью.

Когда овцы начинали худеть или дохнуть от бестравия, Атах-баба велел снимать кибитку, собирать в узлы домашнее добро и уходить в дальнейшее безлюдие, где земля свежее и еще стоит нетронутой бедная трава. Весь небольшой род снимался с обжитого места и шел через горячий такыр в направлении одинакового пустого пространства. Впереди ехали аксакал и умные мужья на ишаках; ишачки везли бугры сложенных кибиток и старых жен, позади брели вразброд, как безумные, овечьи стада, а Заррин-Тадж и прочие рабы шли пешком, унося на себе тяжелое серебро, подарки мужу старых друзей и еду в горшках.

Персиянка радовалась, если приходилось идти по песчаным холмам, утопая ногами в их теплоту; она следила, как ветер тревожит и уносит дальше какое-то давно засохшее растение, рожденное, может быть, в синих смутных долинах Копет-Дага или на сырых берегах Аму-Дарьи. Но часто нужно было проходить долгие такыры, самую глинистую нищую землю, где жара солнца хранится не остывая, как печаль в сердце раба, где бог держал когда-то своих мучеников,

но и мученики умерли, высохли и легкие ветви, и ветер взял их с собою.

Новое место всегда было труднее старого. Надо было расчищать и готовить колодцы, устраивать пастбища и разыскивать вдалеке, где уцелел занесенный песками саксаул.

С течением времени Заррин-Тадж начала отвыкать от своих интересов и от самой себя. Когда Атахбаба ел плов, а мясные остатки доставались только другим его женам, персиянка не мучилась от голода и зависти, она всегда молчала и постоянно заботилась о животных, не сознавая своей души, чтобы она ни о чем не тосковала.

Иногда она ложилась от утомления среди такыра, пустота и свет окружали ее. Она глядела на природу — на солнце и на небо — с изумлением своего сердца. «Вот и все!» — шептала Заррин-Тадж, вот вся ее жизнь чувствуется в уме, и обыкновенный мир стоит перед глазами, и больше ничего не будет.

Она пробовала свое тело руками, кости были уже близко, кожа засыхала от усталости, руки сработались до жил — это исчезает понемногу ее жизнь; луна восходит медленно, но закатывается скоро.

Через несколько месяцев Заррин-Тадж родила маленькую девочку. Атах-баба обрадовался этой чужеродной жизни, потому что девочка останется у него рабыней, и велел назвать ее Джумалью. Персиянка прижала ребенка к себе и поняла, что не все еще прожито ею. Была зима, с такыра текла в колодцы дождевая вода, осел кричал с такою грустью, что будто он остался на свете круглой сиротою и теперь заболел печалью.

Через некоторое время Заррин-Тадж ослабела, ее здоровье пропало, она легла и не могла подняться; ребенок лежал при ней и согревался о ее горячее тело. Кибитку продувало из-под низу, мертвый такыр шумел от потоков дождя.

Атах-баба стоял над персиянкой, и слезы его капали на ее кошму; он страдал, что не может жить

с нею дальше, такой худой и не помнящей его. Он ежедневно ел баранье мясо и сало, тяжкая сила любви скоплялась в его сердце, не зная облегчения с милой женщиной, которая лежала горячая и безумная. Изредка в заглохшие ночи Атах-баба откладывал ребенка от Заррин-Тадж и обнимал ее в тоске своей мертвой силы. Но время шло, как шумит ветер над песками и уносит весенних птиц в зеленые влажные страны. Персиянке представлялось в жарком, больном уме, что растет одинокое дерево где-то, а на его ветке сидит мелкая, ничтожная птичка и надменно, медленно напевает свою песню. Мимо той птички идут караваны верблюдов, скачут всадники вдаль и гудит поезд в Туран. Но птичка поет все более умно и тихо, почти про себя: еще неизвестно, чья сила победит в жизни — птички или караванов и гудящих поездов. Заррин-Тадж проснулась и решила жить, как эта птица, пропавшая в сновидении. Она выздоровела. Однако Атах-баба хранил ее ради ребенка и не велел несколько дней работать.

Другие жены давали ей пищу на кошму с бранью, оттого что она лежит здоровая, а они, старые и больные, мучаются одни в скучном труде.

Заррин-Тадж вскоре встала сама; ей нечего было ни думать, ни чувствовать, поэтому легче было шевелиться в беспрестанной заботе по хозяйству и изживать понемногу свое сердце. Она стала опять спокойной, когда положила Джумаль в повязку за спиной и, склонившись, стала доить коз, собирать на топливо ишачьи остатки и вытаскивать воду из колодца. Если бы даже она была счастлива, она все равно занималась бы этими делами, потому что, чтобы сберечь счастье, надо жить обыкновенно.

Джумаль долго лежала за спиною у матери, свернувшись в комок от страха пережитого рождения и слушая с удивлением звук своего собственного сердца — в ожидании, когда оно остановится, чтобы уснуть; потом Джумаль начала постепенно ходить самостоятельно и понимать свое существование. «Это я!» — думала она с удивлением и трогала хрящи своих будущих костей.

Но еще долго Джумаль не отходила от матери и гладила ее низко согнутую спину, горячую и влажную, где она лежала, грелась и спала. Ей стало нравиться жить, и она ела глину, траву, овечий помет, уголь, сосала тонкие кости животных, павших в песке, хотя ей достаточно было материнского молока. Ее маленькое тело опухло от веществ, которые все пошли ей в пользу и в рост. Глаза, свежие от сырости недавнего прозрения, глядели внимательно и точно на все обычные вещи, к биению своего сердца она уже привыкла и не боялась, что оно остановится.

4

Долго шло ее детство. Каждый день горело солнце на небе, начинался и кончался ветер, играли и плакали дети в затишье песчаных холмов, потом солнце делалось красным, огромным и тяжелым, оно тонуло вдали, и легкая луна, как серебряная тень солнца, светила в измученное лицо стареющей матери, всегда занятой работой; выдаивая верблюдицу, мать глядела на луну, на этот свет нищих и мертвых, потом персиянка ложилась на кошму и успевала только немного ласкать свою дочь, потому что сон быстро разлучал ее с нею.

Весной Заррин-Тадж в первый раз показала дочери на птиц, летевших высоко над песком неизвестно куда. Птицы кричали что-то, точно жалели людей, и вскоре пропали навсегда.

— Кто они? — спросила Джумаль.

— Они счастливые, — сказала мать, — они могут улететь за горы, где растут листья на деревьях и солнце прохладно, как луна.

Джумаль не знала, что это такое, и не тосковала о реках и листьях; она росла здесь, между барханами, и с высоты песков, насыпанных ветром, видела, что земля повсюду одинакова и пуста. Мать же плакала иногда и прижимала к себе девочку — она теперь была для нее дальней рекою, забытыми горами, цветами деревьев и тенью на такыре.

— Тебе хорошо там было, на реке и на горе? — спросила Джумаль.

— Нет, я там мучилась, — сказала Заррин-Тадж.

— А зачем думаешь, что хорошо?

— Я не думаю, мне кажется, — ответила Заррин-Тадж.

Маленькая Джумаль озадачилась; она взяла мать за палец и посоветовала ей:

— Тебе кажется... А ты люби меня одну, вот тебе и будет хорошо! А горы и реки не надо.

При расставании с местом Джумаль всегда долго и грустно прощалась с тем, что остается одиноким: с кустом саксаула, у которого она играла, с куском стекла, с высохшей ящерицей, служившей ей сестрою, с костями съеденных овец и разными предметами, названия которых она не знала, но любила их в лицо. Джумаль мысленно тосковала, что им будет скучно и они умрут, когда люди уйдут от них на новое кочевье. В низкой былинке травы, сухой и жесткой, как жестяная стружка, заключалось все, чем питались верблюды и овцы. Ослы помнили, вероятно, лучшую еду в забытом мире и часто кричали в своей нужде по ней.

По кочевым дорогам Джумаль ехала на самом маленьком ишаке; пустыня шла мимо ее опущенных ног, она глядела на громадную голову осла, больше, чем у лошади, на его уши, в которые попадает ветер, и думала, что осел — это остаток великана, но стал маленьким от горя, работы и редкой еды.

5

Когда прошло долгое время и Джумаль стала двенадцатилетней девушкой, она стала полной и хорошей, лицо ее покрылось красотой, точно на нем выступила любовь и страсть ее неизвестного отца к Заррин-Тадж. Ничто — ни нищета рабыни, ни уныние — не помешало Джумаль стать ясной, взрослой и чистой. И пища ее, как она ни была бедна и

однообразна по виду, она была создана светом солнца, весенним ветром, водой дождя и росы, теплотою песков — и поэтому тело Джумаль было нежно, а глаза смотрели привлекательно, как будто внутри нее постоянно горел свет.

Мыться ей было негде, воды еле хватало только овцам, и, когда Джумаль становилось тяжело от сала на коже, она выходила туда, где дует ветер, чтобы ветер и песок освежали и очищали ее своим движением.

Однажды Атах-баба довел кибитки до угрюмого места, где лежала на целый день пути одна темная глина, и велел остановиться. Такого печального такыра ни Джумаль, ни Заррин-Тадж еще не видели. Поэтому, вероятно, здесь давно никто не селился и у края такыра ютилась добрая трава, прячась от жары и гибели в песок. К своей середине такыр понижался, и там, в глинистой тьме, стояла ветхая каменная башня. В той башне Атах-баба разместил свою семью; Заррин-Тадж и все другие женщины кочующего рода стали расчищать колодезь, бывший вблизи древней башни. Никто не знал, чья это башня и что в ней делали в старое время — молились или убивали.

Нижняя наружная стена башни была убрана голубыми изразцами, а маленький купол был покрыт плитами синего цвета, и золотая змея лежала нарисованная на этих плитах.

Джумаль вместе со всеми матерями работала на колодце; она относила влажный песок в отдаление и находила в нем чьи-то кости. На краю песков слабо виднелись небольшие горы, уснувшие тучи до зимы лежали на них, а в другую сторону, говорил Атах-баба, были Аму-Дарья и богатая Хива. Ночью Джумаль лежала около стены в нижнем помещении башни, она слышала, как шевелятся скорпионы в глинистых ущельях, следила через открытый вход за одною звездой, которая движется в сумраке, как кочевница, и понимала заунывный звук текучего песка у подножия башни: слезы и счастье жизни находились около ее сердца, но Джумаль дыша-

ла осторожно и с недоумением, не понимая значения жизни.

Атах-баба приподнялся с кошмы и начал подкрадываться к Заррин-Тадж через других спящих жен. Джумаль подождала время, а потом позвала мать, чтоб она испугалась Атаха. Но мать промолчала, а Атах-баба нашел ее. Джумаль повернулась лицом вниз, в шерсть своей подстилки, и озябла от горя. В это время неизвестный темный человек сошел вниз из верхнего помещения башни и остановился среди лежавшего семейства, сделав рукою знак мира и приветствия. Пришедший человек был чужд и ни на кого не похож; он был громаден и худ, лицо его глядело добрым, как у животного, и глаза, несмотря на сумрак, смотрели на маленькую Джумаль с такою печалью, точно он был мертв.

Заррин-Тадж, увидев дочь и другого человека, сказала им:

— Это наше дело на нашей кошме, а вы уйдите отсюда, — и она снова обняла своего хозяина и мужа.

Джумаль схватила руку пришедшего гостя и заплакала по матери; однако гость не мог успокоить плачущую: он бросился бежать вон по такыру в дальнюю ночь, потому что Атах-баба вскочил и погнался за ним. Джумаль, увидя это и свою жалкую мать, также побежала вслед за гостем.

Их бег звенел по такыру; но отчаяние сильнее злобы, и безвестный гость, миновав спящие кибитки, пропал вперед во тьму от обессилевшего Атах-бабы. Джумаль бежала следом за ними — неизвестно куда: она теперь почувствовала, что ей настала пора жить одной, с нею нет никого, даже мать живет отдельно от нее — своим сердцем и своей неволей. Она легла на холодную, ночную глину и умолкла от одиночества — под нею тоже была умолкшая земля.

Атах-баба шел обратно с погони, постаревший и опухший со времени последнего персидского аламана. Он увидел Джумаль, молодую и с жалобным телом. Она выросла на его стадах и стала теперь

угрюмой от юности. Атах поднял Джумаль с земли и сжал ее небольшое неумелое тело, унося его в глушь такыра. Джумаль впилась ногтями в горло Атах-бабы, но, если бы даже ему отрезали сейчас голову, он не оставил бы ее, — поэтому он не чувствовал боли от девушки, с жадностью нюхая запах полыни и ветра в ее волосах.

На другой день Джумаль не вернулась домой. Она ушла на дальний край такыра, пела там одна, выдумывая песни, и жить больше не хотела. За такыром начиналась новая земля — песок был смешан с суглинком, здесь трава росла гуще, и овцы, впившись в нее, мочили землю жадными слюнями.

Вечером, когда Джумаль уснула, ее нашла мать, разбудила и повела домой, потому что Атах-баба ее продал и уже получил половину калыма — четыреста русских рублей и шестьдесят голов разного скота. Джумаль считалась гранк, то есть она не имела чистой туркменской породы, и ценилась наравне с курдянкой.

Жених ее, пожилой Ода-Кара, сидел на ковре с Атахом и рассуждал об общем течении жизни в пустыне, о том, что делается в Гассан-Кули и по берегам Аму, что в Бухаре, говорят, опять открылся базар рабов. Ода-Кара знал многое, но он говорил, что ум его начинает путаться в бороде, потому что ему не хватает молодой жены для утешения.

Атах-баба согласился, что без утешения жить никому нельзя: пусть лучше из человека выходит плоть, чем слезы.

— Но ты, Ода, уже взял недавно жену из кибитки Курбан-Нияза, — сказал Атах. — Она тоже не стара еще, и лицо ее хорошо.

— Я взял ее, — согласился Ода-Кара. — Но пусть будет теперь другая: у меня жили в семействе шесть старых жен, одна умерла, а овцы окотились, и ослицы дали приплод. Кто будет с ними справляться? Старые жены стареют, потом помирают, — надо взять двух молодых, чтоб они не скоро померли.

— Ты недорого ценишь молодых, — сказал Атах-баба, — и калым не враз даешь.

Ода-Кара возразил:

— Нет, дорого! Я много думал — кого мне взять: трех старых привычных старух или двух молодых. Но старые мясо не жуют и много его глотают, а молодые едят мало, но много беспокоятся. Я решил взять молодых.

Атах-баба засмеялся. Ода-Кара тоже захохотал.

— Беспокоиться будут, Ода, твои новые жены... Где у тебя, старика, любовь осталась для них?

— У меня есть две жены, которых я никогда не касался, — улыбаясь, произнес Ода. — Они прожили в хозяйстве тридцать лет, и я их спрашивал: старухи, где же ваша любовь, куда она вышла...

— А они тебе что? — улыбался Атах.

— А они: слезами, потом ушла в песок, говорят. А я им говорю: нет, лучше я пойду спрошу про то у старых ишаков с кобелями!

Заррин-Тадж и Джумаль сидели снаружи башни, у входа, и слышали разговор. Постаревшая персиянка плакала и прижимала к себе свою дочь. Джумаль тоже ласкалась к матери и не обижалась на нее за то, что было ночью, — ее детское сердце еще жило без памяти.

— Мама, к нам гость приходил из темноты, когда ты спала с Атахом, — сказала Джумаль, — он на такыр убежал.

Заррин-Тадж сказала дочери, что другие женщины слышали про этого одинокого гостя из песков. Он воевал с русскими далеко, в том краю, где леса и озера, — его русские взяли в аламан, а он убежал от них в пески и теперь живет один в страхе и бегстве.

— Значит, он скоро умрет: ему ведь нечего есть! — догадалась Джумаль.

— Он бежит второй год, — сказала мать. — Он лепит горшки из глины и оставляет их на кочевых дорогах, за это ему бросают битых овец, а горшки берут... Ода говорил, что гость бывает и в аулах,

там он чинит самовары в чайхане, шьет чужие халаты и кормится...

Джумаль задумалась. Ее влекла таинственность жизни, пространство и далекий шум, который ей слышался несколько раз, когда она спала ухом на земле. Заррин-Тадж встала, чтобы подать новый чай гостю и мужу, но вдруг вся потемнела лицом и потеряла свою силу, не дойдя до ковра, где сидел Ода-Кара; она непочтительно легла около гостя, и влажное бешенство смерти выступило у нее на губах. Ода-Кара вскочил и ушел в испуге, а Атах-баба пихнул жену ногой, чтобы она отвернула от него свое страшное лицо. Заррин-Тадж повернулась сама и затихла; она чувствовала жар, который сжигает ее усталые кости и внутренности, и ей становилось легче, точно все, что так давно изболелось и утомилось в ней, потягивалось и потрескивало.

6

Наутро кочевье было пусто. Атах-баба еще ночью велел гнать стадо и бросил на месте все предметы и имущество ежедневной жизни. Род убегал от чумы, которой заболела персиянка в ветхой башне, — и теперь на сто лет это место останется безлюдным, потому что народ в песках живет слухом и долгой памятью. Джумаль залезла по стоптанным, когда-то каменным ступеням и спряталась в верхней комнате башни; там лежала на полу деревянная ложка, валялся кусок чурека и стояли три недоделанных горшка; здесь, наверно, жил и прятался неизвестный гость, убежавший опять в пески.

Спустившись немного по ступеням вниз, Джумаль видела, что делается внизу около матери. Заррин-Тадж лежала одна на каменном полу, черная и спокойная от сознания своей грустной смерти. К ней пришла поглядеть на нее издали Зулейха, персиянка, похищенная в юности вместе с Заррин-Тадж. Потом явились перс Касем и два батрака — Агар и Лала; они коснулись руками каменного ложа, на котором лежала умирающая, и ушли, унося в себе чувство

вечного прощания. Джумаль боялась сойти к матери, потому что ее могли увезти отсюда, и ждала, когда люди отойдут далеко.

Пришедший после всех Атах-баба оглядел все помещения, жалея, что пропадают ковры, кошма и посуда. Он остановился вдалеке от Заррин-Тадж и громко сказал ей свои слова — те, которые обычно шепчут мертвому на ухо в промежутках между поцелуями, — чтобы умирающая запомнила их и передала через смерть к богу на небо.

— Скажи там, пожалуйста, богу: тебе все равно, ты ведь мертвая, — скажи там, чтоб я один остался на свете! Овец стало мало, они дохнут — я один с ними управлюсь, а люди пусть станут душами и живут у бога на небе, где ты будешь жить.

Он ушел, но скоро вернулся опять, вместе с Ода-Карой, чтобы найти и взять с собою Джумаль, за которую уже были уплачены средства. Тогда Джумаль побежала вниз, приникла к матери и обняла ее всеми силами. Заррин-Тадж еще чуть дышала, и душа ее жила в жизни.

Ода-Кара и Атах побоялись брать эту невесту, обнимавшуюся с чумой, и ушли, проклиная общие убытки: один недополучил, а другой уплатил ни за что.

— Смерть, говорил Мохаммед, это великая разлучница людей, — сказал Ода-Кара. — А меня она разлучила с овцами и баранами.

7

Все люди, стада и собаки ушли далеко; такыр был пуст и глух, как туркменское небо. Джумаль стала заводить хозяйство из оставшихся вещей. Она нашла шесть туш баранов, лишь отчасти истраченных на пищу и брошенных в бегстве от смерти. Она сварила суп для матери и покормила немного ее. Заррин-Тадж все еще понемногу была жива, боясь окончательно ожить, чтобы потом сразу не умереть. Вечером Джумаль глядела с высоты башни

в пустыню, она ждала, что придет гость, бегущий где-то в песках. Но никто не шел, по такыру катилась трава, исчезая отсюда дальше, где она снова может расти.

Садилось солнце и снова вставало: время шло, чтобы мучение, томящееся в сердце каждого человека, стало привычным. Заррин-Тадж оправлялась и начинала ходить и существовать по-прежнему.

Когда им нечего стало есть, Заррин-Тадж пошла с дочерью через такыр, чтобы дойти до хивинского караванного пути. Однако, пройдя лишь половину такыра, Заррин-Тадж опустилась на глину и не могла дальше идти.

— Мама, давай с тобой умрем, — сказала Джумаль.

Она легла с матерью рядом и закрыла глаза в терпении.

— Ты тоже закрой глаза и не смотри на меня! — попросила Джумаль. — Так мы скорей умрем. Чего зря глядеть — ведь нечего, мы все уж видели...

Джумаль прижала мать к себе и заметила, какая она стала высохшая, старая и маленькая — меньше ее. Она попробовала ее пошевельнуть: Заррин-Тадж была легка, как сухая ветвь.

Джумаль встала и подняла свою мать. Она справлялась с нею и понесла вдаль по такыру, задумав умереть немного позже. Вечером Джумаль донесла Заррин-Тадж до песчаной границы такыра и легла с нею ночевать в теплое углубление.

Утром они увидели чужого человека, сидевшего около них. Он поздоровался с матерью и дочерью и вынул из своего мешка кусок баранины для угощения. Джумаль сразу узнала в нем пустынного гостя и обрадовалась ему. Гость не был туркменом, хотя и говорил на туркменском языке; он имел одежду серого цвета, давно изношенную, и молодое, ясное лицо, привычное к горю и бедствиям.

— Ты кто? — спросила его Джумаль.

— Я австриец, Стефан Катигроб, — сказал бродячий гость. — А ты?

Джумаль никогда не слышала про австрийцев: лишь два раза она видела, как живут люди в оседлых курганчах, и еще не знала, что есть на свете города, книги, война, леса и озера.

Пока Джумаль говорила, ела и смеялась с Катигробом, Заррин-Тадж, лежавшая одна в песке, молча умерла.

Джумаль через некоторое время хотела кормить мать и позвала ее, но персиянка не ответила. Тогда Джумаль подошла и попробовала ее; она подняла на ней одежду и увидела грудь, похожую на два темных умерших червя, въевшихся внутрь грудного вместилища, — это были остатки молочных сосудов, некогда выкормивших ее, а кожа матери провалилась меж ребер, и сердце было незаметно, оно больше не билось. И вся грудь ее была так мала, что только немногое и сухое могло там находиться — чувствовать что-либо счастливое старухе было уже нечем, ее силы могло хватить лишь для мучения. Такая грудь ничего уж не могла делать — ни любить, ни ненавидеть, но над ней самой можно было склониться и заплакать. Рабыня умерла.

Катигроб стоял в стороне и наблюдал, как дочь ласкает умершее тело своей матери, наполняясь думой и скорбью. Затем, когда Джумаль прошептала в ухо матери свою просьбу на небо о счастливой судьбе, Стефан Катигроб приблизился к умершей, чтобы поднять ее и нести хоронить. От Заррин-Тадж не исходило ни запаха, ни теплоты, — Катигроб обследовал ее, как минерал, и сердце его сразу устало и разум пришел в ожесточение. Он сам заплакал и отвернулся... Где-то была его родина, шла война, он убежал отовсюду и скрылся надолго, может быть, навсегда, в этой худой пустыне, давно рассыпавшей свои кости в прах и прах истратившей на ветер. Он, венский оптик, видит теперь одни миражи, исчезающие эфемеры света и жизни.

Катигроб опомнился от своей мысли. Перед ним в ожидании стояла Джумаль, выросшая в тоске, в голоде, рабстве, но живая, чистая и терпеливая. Авст-

рнец поднял ее к себе иа рукн н поцеловал в темные доверчивые глаза.

Ночью Катигроб отнес покойную Заррии-Тадж далеко за пределы такыра и там закопал ее в песчаиую глубииу. Сверху он насыпал холм; но его мог скоро развеять ветер, поэтому австрийский солдат произвел шагомериую съемку местности, прнвязавшнсь к постояиной пограннчной черте такыра; он не хотел, чтобы человек, даже мертвый, был забыт. Съемку он запнсал себе в памятную кннжку.

Джумаль усиула иа прежием месте, где умерла ее мать. Катигроб разбуднл ее н повел жнть в глиняную башию посредн такыра. Ои понимал, что туркмены возвратятся туда ие скоро, когда окончится одна война в Европе и, может быть, иачнется другая, а к тому времени он умрет в одиночестве.

На другой день Катигроб оставнл Джумаль одну в башне с остаткамн еды нз своей сумки, а сам пошел за сто верст иа хнвннскую караваиную дорогу, где был колодезь Боркаи.

Он прожил там шесть дией; мимо него прошли два каравана купцов, затем проследовалн пешком воры и дезертиры, скрывавшиеся к Каспийскому морю. Кому что нужио, тем работал Катигроб, получая в ответ баранину, рис, лук, спнчки и виио. Он чиннл обувь, дорожную утварь, смазывал болячкн верблюдам н ишакам, показывал фокусы и рассказывал сказкн.

На девятый илн десятый деиь он обычно возвращался к Джумаль иа такыр с пнщей н заработанным добром; однажды ои привел больного нщака, которого броснл караваи, н Джумаль вылечила н воспнтала его. В другой раз Катнгроб прииес девушке бусы нз ракушек Аральского моря н поцеловал ее в губы. Джумаль ие протнвнлась его чувству, но сама была равнодушна и не поимала, за что можно любить человека. Она поминла умершую мать и других жеищнн своего племеин — многие нз них, когда умирал муж, смачнвали водой яшмаки, чтобы иметь слезную влагу для сухих глаз.

8

Они пробыли вместе шесть лет, а такыр перед глиняной башней лежал по-прежнему без звука, без жизни, — пустой, как судьба Джумаль. Стефан Катигроб по-старому ходил время от времени на караванную дорогу, но караваны пропали, лишь изредка ему удавалось заработать полмешка риса или тощую овцу.

В одну серебряную ночь, когда Катигроба не было, Джумаль услышала далекие выстрелы. Она взяла кинжал, спички, немного риса, села на осла и поехала в ту сторону, где кто-то стрелял. Она ехала всю ночь и весь день до вечера, ей никто не встретился, осел устал в глухих горячих песках и остановился. Джумаль сошла с него и потянула за повод вперед, чтобы встретить человека или найти колодезь.

Заночевав в неизвестном месте, наутро Джумаль снова повела своего осла вдаль и к вечеру дошла до маленького такыра, около которого был колодезь с блоком и бурдюком. Джумаль достала воды. Осел начал пить и выпил три бурдюка, пока не опился и не умер. Джумаль, зная, что завтра она тоже умрет, жалела лишь, что будет далеко лежать от матери.

Ночью Джумаль задремала, и дремота ее стала непроходящей, — она забыла, что живет, и делала что попало: то вставала и ходила, то снова ложилась, потом опять бежала, улыбалась и плакала и все время вспоминала что-то все более забываемое, уносящееся от нее в сумрак, пропадающее, как дальний вопль, и протягивала за ним руки.

Ночью ей представлялись тысячи людей, бегущих по такыру, выстрелы, крик. Она хватала кинжал и бежала за ними, пока не падала в слезах своего отчаяния и одиночества.

Однажды она проснулась спокойной. Было прохладно. Луна светила ей в лицо, кругом тихо говорили люди: Атах-баба, Ода-Кара и четверо незнакомых. За такыром, в песках, паслись оседланные лошади, горел маленький костер, и котел с водой кипел над огнем.

Джумаль встала; ей никто не обрадовался и не удивился, что она еще цела, — наверно, у этих людей были свои неразлучные заботы. Но все же Ода-Кара дал Джумаль кусок чурека, и она разглядела ружья, лежащие около каждого человека. Ее спросили, видела она красных или нет, но Джумаль не знала, что это такое. Атах ей не поверил.

— Это ты отравляешь колодцы! — закричал он.

— Нет, — сказала Джумаль.

— Врешь, шпионка, — не поверил Атах, — поганая гранк! Рабы все красные!

— Дайте мне попить, — попросила Джумаль. — У вас вода в котле паром уходит.

— Завтра напьешься, — сказал Атах-баба. — Эта вода солона для тебя.

Они стали пить чай и выпили всю воду из котла. Джумаль отвернулась от них и от злобы перестала хотеть пить этой воды.

Под утро все уснули, кроме Ода-Кары, который остался сторожить лошадей и оружие. Но, вспомнив, что Джумаль — проданная ему жена, Ода-Кара подполз к ней и лег рядом с Джумаль. Потом, когда он крепко обнял ее и занял этим свои руки, Джумаль схватила его за бороду и воткнула ему в горло кинжал.

Ода-Кара вместо крика только успел прошептать последнее слово и умер.

Джумаль свалила с себя мертвеца и приподнялась на локтях. Все пятеро спали, луна садилась в утреннее небо, кругом было просторно и чисто. Она решила, что, если ее мать-рабыня лежит мертвая где-то, пусть погибают в песках и все эти свободные и богатые.

Джумаль встала на ноги, пошла к лошадям и без предосторожности освободила от пут стреноженных степных коней. Одну же лошадь она повела за собой, собрала винтовки у спящих, связала их, чтобы они не расходились концами, и взяла с собою поперек седла. Ударив по лошади, Джумаль поехала рысью в пески, свежая от утреннего времени и вспомнившая себя, точно напившись росы. Свободные лошади,

не поенные давно, также бросились за нею и бежали, не отставая, думая, что будет вода.

Спустя два или три часа она встретила красноармейский разъезд, который разоружил ее и велел дать сведения про басмаческую шайку Атах-бабы.

9

После того события Джумаль долго не была на такыре с глиняной башней — десять лет. Она прожила все это время в Ашхабаде и Ташкенте и окончила сельскохозяйственный институт.

Джумаль Таджиева (она носила фамилию по имени матери) справлялась везде про австрийского военнопленного Катигроба, но о нем не было никаких сведений.

Джумаль знала, что где-то есть близ Заунгусской впадины небольшой заповедник древних растений и там живет всего лишь один человек с винтовкой и двумя собаками. Там же, вероятно, находилась глиняная башня и большой такыр. Но выехать ей было некогда, и год за годом она откладывала поездку.

Одною истекшей весною Таджиевой поручили определить место для опытного садоводства в глубине Каракумов. Естественно, что садоводство лучше приурочить к такырной земле, чем к эоловым минеральным пескам. Джумаль Таджиева сняла свою европейскую кофту и юбку, надела персидское черное платье, покрылась белою тонкой шалью и утром верхом на лошади выехала одна из Ашхабада. У нее была десятиверстная карта пустыни, и она соображала по ней, где может быть большой такыр. Но вперед она направилась в заповедник древних пустынных растений — она интересовалась этим как специалистка и жительница пустыни.

На пятый день скучного пути она неожиданно увидела синий купол башни с золотой змеей и вечный такыр, окружающий ее.

Копыта лошади зазвенели по плотным плитам глины, как по мерзлоте; все так же было печально кру-

гом, как будто время не миновало и сама Джумаль осталась юной и угрюмой, не видев городов и рек, не зная в мире ничего, кроме ветра, поющего над ее пустым сердцем.

Был полдень, майское солнце освещало всю песчаную, глинистую, великую и грустную родину Джумаль. Она подъехала к заброшенной башне, построенной когда-то ветхим, погибшим народом. Она сообразила: такыр велик, около него есть обильный колодезь с пресной водой, я здесь поселюсь, и мы посадим сад, здесь лежит моя бедная родина.

Джумаль вошла в башню. По-прежнему пусто и неуютно было нижнее помещение. На плитах пола лежала раздавленная фаланга. В углу находился скелет человека, покрытый остатками одежды, и кости его были вдавлены от посмертного надругательства. Джумаль наклонилась к скелету — кости его давно иссохли, свернутый череп глядел в стену, нескольких ребер не хватало и грудь была смята, точно ударом кувалды.

В лохмотьях австрийской куртки она нашла карман, но никаких знакомых ей бумаг и памятной книжки там не оказалось. Лишь на стене у выхода осталась надпись химическим карандашом по-немецки:

«Ты придешь ко мне, Джумаль, и мы увидимся».

— Я пришла к тебе, и мы встретились! — сказала Джумаль вслух одна в гулкой башне, под спудом ее высоты.

Выйдя из башни, она поехала по такыру кругом, чтобы снять с него глазомерный план для суждения о размерах будущего садоводства. Проехав несколько верст, она увидела в стороне, в песках, изгородь из колючей проволоки и направилась к ней. За изгородью росли редкие травинки, вдалеке стоял домик сторожа, а среди огороженного участка находились три русских креста над чьими-то могилами и один обычный самородный камень, поставленный вертикально; на камне имелась насеченная надпись латинскими буквами: «Старая Джумаль».

Джумаль сошла с лошади и опустилась на колени

перед колючей проволокой, закрыв лицо персидским платком, она не знала, что ей нужно сделать иначе. Она вспомнила слова, которые жалобно говорила про кого-то ее покойная мать: «И что это за плохое горе мое, тот, кто ушел, назад никогда не вернется».

Отняв платок от лица, Джумаль разглядела древнее реликтовое растение — серый стебель, росший около камня матери, — она его узнала по рисунку, названию и еще по детской памяти, но значения его раньше не понимала. Следовательно, она доехала куда хотела, здесь и был заповедник растений, исчезающих с земли.

А. БЕЛЯЕВ

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

I. В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ

Сбор ровно в полдень на этой поляне. Жозеф Морель кивнул головой двум своим спутникам, поправил за спиной дорожный мешок и, помахивая сачком для ловли насекомых, углубился в чащу.

Это были владения пальм, папоротников и лиан.

Морель беспечно напевал веселую песенку, зорко всматриваясь сквозь стекла очков в зеленоватые сумерки тропического леса. Молодой ученый был в наилучшем настроении. Ему повезло в жизни. Морелю не было еще сорока лет, а он уже имел звание профессора. Его труд о пауках удостоился премии, и вот теперь он получил научную командировку в Бразилию, в малоисследованные верховья реки Амазонки, этого рая для энтомологов.

«Науке известно двести тысяч видов насекомых. Чарлз Риде допускает, что их не менее десяти миллионов. Каждый год описывается не менее шести с половиной тысяч новых видов. Будет недурно, если прибавится в этом году еще шесть тысяч, открытых Жозефом Морелем. Какой великолепный памятник из насекомых воздвигнет себе Морель!» — уносился в честолюбивых мечтах профессор. И его мечты были вполне осуществимы. В этом лесу хватило бы материала не на один «памятник». Пестрые кусочки будущего величия в виде красивых разноцветных бабочек носились перед ним, как хлопья снега. Надо было только собрать воедино эти сверкающие всеми цветами радуги хлопья — и научное бессмертие Мореля обеспечено. Его зоркий глаз ученого уже заметил несколько необычных форм бабочек, но Морель не спешил. Среди этого неистощимого богатства он мог позволить себе роскошь быть разборчивым. При-

том его больше интересовали пауки, а здесь их встречалось мало.

Чем больше углублялся Морель в чащу, тем гуще становились тени, молчаливее лес. Огромные стволы пальм, как колонны, уходили высоко вверх, закрывая свет солнца сплетающимися листьями. К косматым стволам пальм присосались растительные паразиты — орхидеи и бромелии. А внизу молодые пальмы и папоротники разбрасывали свои веерообразные листья, образуя густой подлесок. И от пальмы к пальме, от ствола к стволу протянулись, как змеи, узластые лианы — эти проволочные заграждения тропических лесов. Местами ярко-желтый луч солнца прорезал зеленоватый полумрак леса, и в золоте лучей вспыхивало красное крыло попугая, бриллиантом сверкал пролетевший колибри, пламенем зажигался цветок орхидеи.

«О-а! О-а! Ха-ха-ха!» — резко кричал попугай. Ему отвечала большая обезьяна. Вися на хвосте, она ритмически раскачивалась, пытаясь дотянуться рукой до попугая. Но попугай, прикинув расстояние скошенным глазом, сидел неподвижно и продолжал свое ворчливое «о-а», как сосед, который затеял ссору от скуки. Две маленькие обезьянки заметили человека и некоторое время следовали за ним, ловко перебираясь на руках по лианам. Одна обезьяна ухватила за хвост другую. Та завизжала, оскалила зубы, и вот они начали драться, забыв о Мореле.

Лес жил своей жизнью...

Ноги Мореля мягко ступали по устланной мхом и перегнившими листьями земле. Становилось все труднее идти. Влажный, оранжерейный воздух был наполнен ароматами цветов и растений так сильно, что Морель задыхался. Как будто над этим лесом прошел ливень из одуряюще-пряных духов. Сачок путался в ветвях. Морель падал, зацепившись за лианы или поваленные стволы, обросшие мхом. Ученый прошел не более трех километров, а уже чувствовал усталость и весь был покрыт испариной. Он решил выйти на открытое место. Осмотревшись, Морель заметил вправо от себя светлое пятно, как будто там

занималась заря, и пошел на этот просвет. Скоро он вышел на лесную прогалину, шедшую вдоль высохшего русла одного из бесчисленных мелких притоков Амазонки. В период дождей по этому руслу бушевала настоящая река, увлекавшая в своем стремительном течении бурелом. Но теперь дно было сухо и покрыто острыми болотными травами. Лишь по краям и кое-где по дну были разбросаны перегнившие стволы деревьев, оставшиеся от половодья.

Морель спустился в сухое ложе реки и вдохнул в себя более сухой и разреженный воздух. В ту же минуту его внимание было привлечено огромной бабочкой, имевшей размах крыльев более метра. Морель даже пригнулся, готовый к прыжку. В нем заговорил ученый и страстный охотник на насекомых.

«Совершенно новая разновидность — «мертвая голова», — подумал Морель, следя за полетом бабочки.

Спина бабочки была не бурая с серовато-голубым отблеском, как обычно, а золотистая, с темно-синим рисунком черепа и скрещенных костей. Передние крылья ее были такого же золотистого цвета, а задние — лазоревые. Морель с огорчением подумал о том, что его сачок слишком мал, чтобы захватить такое большое насекомое. Но выхода не было. Он должен был поймать эту бабочку, хотя бы с риском повредить ей крылья. И Морель прыгнул на бабочку, взмахнув сачком. Потревоженная бабочка издала свистящий звук и полетела вдоль ручья, как бы подзадоривая охотника. Морель, прыгая и падая, побежал за ней. Еще за минуту до этого единственным его желанием было растянуться в траве и отдохнуть. Но теперь он забыл об этом и стал гоняться за бабочкой с таким жаром, как будто ловил собственное бессмертие. А бабочка, медленно махая мягкими крыльями, продолжала манить его за собой, как болотный огонек, ловко увертываясь от сачка в своем зигзагообразном полете. Русло реки извивалось, разветвлялось на несколько русел, делало крутые повороты, что еще больше затрудняло погоню. С Мореля пот лил ручьем, заливая глаза; мешок за спиной и ящик для насекомых болтались на нем, как на

взбешенном верблюде, но он ничего не чувствовал и не видел, кроме порхавшего в воздухе «золотого руна». Десятки раз он был близок к победе и уже издавал торжествующий крик, но бабочка была неуловима, как сказочная синяя птица. Морель давно уже перестал замечать дорогу для обратного пути. Если бы сейчас половина Бразилии провалилась сквозь землю, он не заметил бы, загипнотизированный «мертвой головой».

Крутой поворот русла — и перед Морелем внезапно поднялась целая стена бурелома, преграждавшая ему путь. Бабочка легко вспорхнула и перелетела бурелом. Морель бросился на приступ и тотчас увяз в перегнившей трухе. Тогда он побежал в обход. Но время было упущено. Бабочка порхала вдали и скоро скрылась за кустами парагвайского чая. Еще раз мелькнули золотисто-лазоревые крылья над густо-зелеными листьями молочайника и исчезли...

Морель пробежал еще несколько десятков метров, но все было напрасно. Бабочки не было. Почти без сил ученый опустился на траву и бросил сачок.

«В конце концов не одна же такая бабочка существует в этих лесах!» — успокаивал он себя, несколько отдышавшись.

II. ЧЕЛОВЕК И ПАУК

Раскинув широко руки, Морель лежал на спине, давая отдых своему измученному телу. Потом он поднялся и посмотрел на часы. Десять часов сорок пять минут. Пожалуй, он опоздает к завтраку. Морель оглянулся, чтобы сообразить, в какую сторону ему идти. Прямо перед ним к высохшему руслу ручья скатывалась застывшим водопадом зеленая масса леса. Позади него почва отлого поднималась. Здесь были владения папоротников. Сочные, огромные, с пышной темно-зеленой листвой, они покрывали весь склон.

«Какая буйная, пышная растительность! — с невольным восхищением подумал Морель. — Целый лес папоротников! Можно подумать, что я каким-то чудом

перелетел в прошлое, за триста миллионов лет, в каменноугольный период...»

Этот уголок леса был молчалив, как миллионы лет назад. Ни зверей, ни птиц... Только насекомые — мириады насекомых, летавших в воздухе, ползавших по листьям деревьев, копошившихся в траве... Пауки! Их было больше всего. Они протягивали огромные полотнища паутины между папоротниками, пронизывали воздух тончайшими нитями, кишели среди мха и корней. Казалось, сюда собрались пауки со всего света — от едва заметных микроскопических паучков до огромных волосатых птицеедов. Темно-коричневые, красные, полосатые, черные, серые — всех цветов и окрасок пауки наполняли воздух и землю. Даже в луже, сохранившейся в русле высохшей реки, копошились водяные пауки. От такого необычайного количества «дичи» у Мореля перехватило дыхание. На одном квадратном метре здесь было пауков больше, чем в университетском музее! Морель был поражен. Мысль его работала лихорадочно. Он классифицировал, с жадностью истого ученого намечая жертвы своей любознательности.

Огромный, величиною с кулак, паук, покрытый темно-коричневыми полосами, набежал на Мореля, с недоумением остановился и вдруг принял самую воинственную позу: поднялся на задние ноги, так что стало видно его брюшко, передние ноги приподнял, как боксер, готовый нанести удар, и неожиданно бросился на Мореля. Ученый едва успел отбежать от врага в сторону и оглянулся. Паук не преследовал его, но длинные черные серповидные челюсти насекомого угрожающе двигались. Морель знал, что укус этих челюстей иногда на много лет оставляет после себя острую боль. И все же ученый не мог отвести глаз от паука, до такой степени интересовало его это страшилище. И они смотрели друг на друга несколько минут — человек и паук, два существа, разделенные полумиллиардом лет происхождения. Морель уже не смотрел на паука как на свою жертву. В эти мгновения их роли поменялись. У него невольно пробуждался страх далеких предков человека перед своим

извечным врагом. В душе человека каменного века этот небольшой по размерам враг возбуждал едва ли не больший ужас, чем огромный, как гора, мастодонт. Малый размер паука при его необычайной подвижности делал его особенно опасным. Паука трудно было убить, он подстерегал человека повсюду, нападал внезапно и поражал прежде, чем человек успевал шевельнуть рукой. Впервые за все время своей ученой деятельности Морель посмотрел на паука не как на интересный экземпляр для коллекции, а как на страшного врага. К счастью для Мореля, у паука были дела поважнее. Помахав несколько раз мохнатыми лапами, как бы грозя кулаками, паук неожиданно повернулся и скрылся под папоротником.

Урок был дан. Морель уже с осторожностью ступал по траве, стараясь не дразнить кишевших в ней пауков. Завидев черного тарантула, он обошел его сторонкой и сделал огромный прыжок, чтобы перескочить через многоножку...

«У гаучосов есть хорошая баллада, — думал Морель, пробираясь к руслу, — о том, как на город Кордову некогда напала армия чудовищных пауков. Жители вышли за город с ружьями, барабанами и развевающимися знаменами, чтобы отразить нападение, и начали стрелять, но после нескольких залпов люди побросали ружья и обратились в бегство, не будучи в силах сдержать несметные полчища пауков. Я думаю, это вполне возможная история».

Мысли Мореля были неожиданно прерваны. С угрожающим видом прямо на него бежал новый враг — паук необыкновенных размеров, ярко-серого цвета, с черным кольцом посередине туловища.

«Ликоза», — по привычке определил Морель, в то время как ноги его как будто без всякого приказа со стороны двигательных центров перешли сразу в карьер. Ликоза — самый хищный, свирепый и подвижной из всех пауков: спастись от его преследования бывает нелегко даже на лошади. И не мудрено, что Морель развил такую скорость, какой даже не подозревал в себе. Он не бежал, а летел на крыльях ужаса. Панический страх овладел им. В эти минуты он уже

не был ученым, профессором. Он был дикарем каменного века, убегавшим от смертельного врага. Морель делал гигантские прыжки, скакал через поваленные деревья, прорывал густые заросли...

Вот и высохшее русло реки. Здесь бежать стало легче. Но зато и его преследователь катился со скоростью кегельного шара, пущенного под уклон сильной рукой.

Морель задыхался. Ноги его подкашивались. Раз или два он споткнулся и с трудом поднялся на ноги. Паук выиграл несколько метров и уже преследовал Мореля по пятам, по-видимому не чувствуя ни малейшей усталости. Будет ли конец этому бешеному состязанию? Мореля охватывал ужас. Еще несколько шагов — и он упадет от усталости, страшный паук прыгнет на него и начнет кусать поверженного врага твердыми, как железо, черными челюстями... Морель оглянулся и увидел, что паук на бегу делает огромные прыжки, пытаясь вспрыгнуть ему на ногу. Столкновение было неизбежно. Морель повернулся и попытался ударить паука сачком. Сетка сачка еще не прикоснулась к пауку, как он уже вскочил на нее и, как электрическая искра, пробежал по палке. Морель отбросил от себя палку в тот момент, когда косматая нога паука коснулась его руки. Теперь Морель выиграл несколько шагов, но положение его было попрежнему безнадежным.

Русло сделало крутой поворот, и Морель вдруг увидел ручей в полтора метра шириной. Напрягая последние силы, Морель перепрыгнул через ручей и уже чувствовал себя спасенным. Но, посмотрев на врага, с ужасом увидел, что паук бросился вслед за ним в воду и поплыл. Течение отнесло паука на несколько метров ниже, пока он перебрался на сторону Мореля. Морелю ничего больше не оставалось, как прыгнуть обратно. Это повторялось несколько раз. Морель перепрыгивал через ручей, а паук переплывал, вылезая на берег несколько ниже Мореля.

Такая игра не могла продолжаться долго. Передышки были слишком коротки, чтобы отдохнуть, а Морель находился в последней степени изнеможе-

ния. И он решился на отчаянное средство. Вооружившись палкой, Морель вошел в ручей и стал поджидать врага. Оставалось принять бой и умереть или победить. Другого средства избавиться от паука не было.

В воде паук был менее подвижен и не мог делать прыжков. Когда косматый враг приблизился, Морель начал неистово его бить. Паук погружался в воду, но тотчас всплывал и пытался уцепиться за палку.

Несколько раз это ему удавалось. Тогда Морель бросал палку, выбегал на берег, брал новую и вновь погружался по пояс в воду. Он изумлялся живучести насекомого. Две передние ноги паука были повреждены, но это, казалось, только увеличило его ярость. Еще одна нога бессильно повисла. Пауку уже трудно было справляться с течением. Его относило все больше. Наконец Морель решился выйти из ручья. Паук вылез вслед за ним и все еще пытался преследовать. Но он ковылял медленно, и Морель, наконец, отделался от своего преследователя и уже шагом пошел вперед.

— Битва окончилась в пользу человека, — сказал Морель, шатаясь от усталости. — Иначе и не могло быть. Иначе земной шар был бы населен одними пауками!

Несмотря на усталость, Морель прошел еще добрый километр, пока не нашел места, свободного от пауков; тут он свалился на поляне. Откинувшись на спину, он заметил, что солнце уже прошло через зенит.

«Опоздал к завтраку!..» — была его последняя мысль. Морель уснул крепким сном человека, уставшего до полного бесчувствия...

III. СНОВИДЕНИЯ НАЯВУ

«...Солнце — огромный золотой паук, пробегающий по небу, и радуга — паутина его. Я, Морель, первый открыл это!»

«Что за чепуха лезет мне в голову!» — подумал Морель и открыл глаза. Но он, вероятно, еще не со-

всем проснулся, потому что то, что он увидел, могло быть только сном. Морель как будто опустился на дно океана. Сквозь розоватый туман виднелись смутные очертания зеленых пятен. В этом тумане колыхались длинные полосы, подобно змеям необычайной величины. Темное огромное пятно, как сорвавшаяся с орбиты планета, сновало в этой розовато-зеленой мгле, закрывая собою чуть ли не четверть всего поля зрения. И удивительнее всего было то, что движение этого темного пятна напоминало суетливый бег паука.

Морель несколько минут с полным недоумением наблюдал этот новый загадочный мир.

«Неужели я с ума сошел? Или это бред?» Он закрывал глаза, открывал вновь, но видение не исчезало. Морель потрогал рукою лоб. Он был влажный, горячий, но не слишком. Нет, это не бред. Рука Мореля задела очки, и в тот же момент планетообразный черный шар закатился за горизонт, очистив поле зрения.

«Очки! Секрет открывается просто». Морель снял очки и посмотрел на стекла. Они были покрыты потом, испарениями и паутиной. По левому стеклу бегал паучок величиною с булавочную головку.

«Так вот она, сорвавшаяся со своей орбиты планета!» — с улыбкой подумал Морель, сбивая пальцем паучка и протирая стекла платком. Он надел очки и осмотрелся вокруг. «Неужели я все еще не проснулся?» Опять сон, но на этот раз сон изумительно прекрасный.

Был вечер. Косые лучи солнца золотили папоротники и пальмы, стоявшие вправо от Мореля. Левая сторона поляны была погружена в синюю тень. Воздух, освещенный солнцем, светился всеми цветами радуги, как калейдоскоп. Как будто радужная паутина «паука-солнца» разорвалась на мелкие части и закружилась вихрями самоцветов. Это был танец бриллиантов и алмазов. Каждый бриллиант был окружен легкой дымкой самых нежных цветов. В беспрерывном движении они прорезывали воздух, изменяя на пути полета окраску, вспыхивая то глубоким

зеленым, то ярко-красным, то синим огнем, и как будто оставляли после себя светящийся след — так быстро резали они воздух. Фейерверк, калейдоскоп, северное сияние, радуга — ничто не могло сравниться по красоте с этим волшебным зрелищем пляски жемчужной росы, сверкающих алмазов и летучих огоньков...

Один из этих бриллиантиков опустился на цветок. Туманная оболочка рассеялась. Сложились крылышки, и Морель увидал маленькую невзрачную птичку с единственным ярким пятном на оперении. Колибри! Но и после того как тайна раскрылась, Морель еще долго не мог оторвать глаз от воздушного танца пернатых балерин.

Однако проза жизни уже настойчиво стучалась в дверь. Морель почувствовал, что все тело его зудит. Он посмотрел на руки и увидал, что они искусаны москитами, а в кожу впились мелкие красные клещи. Это вернуло Мореля к действительности.

Не только завтрак, но и обед давно был пропущен. Надо было спешить к своим, пока совершенно не стемнело. Морель почувствовал острый приступ голода и вспомнил о вкусных блюдах, которые обещал сегодня изготовить их повар (он же носильщик) негр Джим. Морель поднялся, потянулся и, посмотрев на солнце, пошел вверх по ручью. Он дошел до того места, где сражался со страшным пауком, и нашел брошенный сачок. Подняв его, Морель стал соображать, куда идти. После некоторого размышления он повернул налево и углубился в чащу леса. Здесь было уже почти темно. Только кое-где сумеречный свет проникал сверху, освещая змееобразные лианы. Вдруг словно неведомое существо погасило этот последний слабый свет. Ночь на экваторе наступает внезапно. Мореля окружила густая темнота. Он сделал несколько шагов и упал.

«Придется ночевать в лесу, — подумал он. — И хоть бы кусочек хлеба!..»

Испарения усиливались. Тропическое солнце нагрело за день исполинский котел Амазонки, наполненный душистыми травами, пряно пахнущими смо-

листыми и эфирными деревьями и болотными цветами, и теперь Морель дышал густым паром этой гигантской парфюмерной фабрики.

Тишина леса нарушалась только разноголосым тончайшим звоном комаров и москитов, которые мириадами кружились над Морелем. Скоро к этим флейтистам присоединились низкие голоса лягушек. Никогда еще Морелю не приходилось слышать такого громогласного концерта. Пение этих болотных певцов не напоминало отрывистого кваканья обычных лягушек. Оно было довольно мелодично и протяжно, как завыванье ветра. В конце концов оно нагоняло тоску.

Когда глаза привыкли к темноте, Морель увидел полосы фосфорического света — это летали светящиеся насекомые. Москиты, комары и клещи, которыми была усыпана трава, не давали Морелю уснуть.

«Хоть бы скорее рассвет!» — мучительно думал он, ворочаясь во мху и расчесывая руки и шею. Только под утро он заснул тревожным сном.

Его разбудил визг обезьян. Они сидели в ветвях над самой его головой и пронзительно кричали и визжали. На обезьяньем языке эти звуки, очевидно, обозначали крайнее удивление, потому что на шум сбегались новые стаи обезьян посмотреть на редкое зрелище — очкастую обезьяну, лежащую на земле. Более смелые спустились по лианам и, держась хвостом, размахивали руками на расстоянии какого-нибудь метра от головы Мореля с явным намерением познакомиться с ним поближе.

Но Морелю было не до обезьян. Он поднялся, махнул на них сачком и зашагал в глубь леса. Обиженные таким приемом, обезьяны загалдели с новой силой и долго преследовали Мореля.

Морель шатался от голода и усталости, но упорно пробирался сквозь чащу. Наконец он вышел к небольшой речке, струившейся в заболоченных берегах. Несколько огромных лягушек прыгнуло в воду при его приближении...

«Все дороги ведут в Рим, — рассуждал Морель. —

Все речки впадают в Амазонку. Если я пойду по этой речке, то выйду на Амазонку немного выше или ниже нашей экспедиционной базы. Это будет дальше, но вернее, чем искать по лесу обратный путь».

И он отправился вниз по реке.

Однако через час пути он с разочарованием увидел, что речка впадает в одно из болот, которыми так изобилует бассейн Амазонки.

— Неужели я заблудился? — прошептал Морель. И эта мысль впервые заставила его подумать обо всей серьезности положения.

Он был один среди девственного леса. На тысячу миль вокруг нет человеческого жилья. Сачок для ловли насекомых был его единственным оружием, а в небольшом мешке и фанерном ящике лежали только его научные принадлежности: увеличительное стекло, шприц, булавки, пинцеты...

Небольшой ручей, впадавший в болото, пересек Морелю дорогу. На сырой земле были видны отпечатки звериных следов. Здесь же валялись кости тапира, съеденного каким-нибудь крупным хищником, всегда подстерегающим животных в местах водопоя. Это открытие для Мореля было не из приятных. Морель перешел ручей и почувствовал под ногами более сухую и твердую почву. Здесь пальмы чередовались с фикусами и лавровыми деревьями, а еще выше поднимался лес фернамбуков, палисандров и кастанейро.

Морель поднял валявшийся на земле плод кастанейро величиною с детскую голову, разбил его, вынул орехи, заключенные в твердую кожуру, и начал поглощать маслянистые сердцевины.

«Здесь по крайней мере не умрешь с голоду, — подумал он. — Подкреплюсь, отдохну и отправлюсь на поиски дороги».

И вдруг неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Солнце — огромный золотой паук! — и в тот же момент его охватил приступ сильнейшего озноба. — Лихорадка! Этого еще недоставало! — проворчал Морель, щелкая зубами.

IV. «СУМАСШЕДШАЯ» ПУМА

Что было дальше? Много дней спустя, вспоминая это время, Морель с трудом мог восстановить в памяти последовательность событий.

Солнце — «золотой паук» спустился по вертикальной паутине с неба и впился в голову Мореля, охватив ее огненными лапами. Морель закричал от ужаса и бросился бежать. Отовсюду — с листьев пальм, из-под корней деревьев, из цветков орхидей — выбегали огненно-красные пауки, кидались на Мореля и впивались в его истерзанное тело. И тело горело как в огне, разрываемое бесчисленными челюстями огненных пауков. Морель кричал как безумный и бежал, бежал, отрывая от своего тела воображаемых пауков. Потом он упал и провалился в черную бездну...

Когда припадок лихорадки прошел, Морель открыл глаза. Он не мог определить, сколько времени пролежал без сознания. Было утро. В траве и на листьях копошились пауки — серые, рыжие, черные, красные. Но это были обыкновенные пауки. И солнце было только солнце. Оно поднималось над лесом, освещая золотистых ос, пестрые крылья бабочек, яркие наряды попугаев. Мысли Мореля были ясны, но он чувствовал во всем теле такую слабость, что едва мог приподнять голову. Нестерпимая жажда томила его. У края поляны протекал ручей. Но Морель не мог добраться до него. Вид струившейся воды увеличивал его страдания, и Морель испытывал настоящие муки Тантала. А солнце поднималось все выше. Зной становился нестерпимым. Морель обливался потом, еще больше ослаблявшим его.

«Если я сейчас не выпью глотка воды, то погибну», — подумал Морель и сделал попытку подняться. Шатаясь и опираясь на руки, он сел на землю. Потом он опустился на четвереньки и пополз к ручью. Этот путь, в несколько десятков метров, показался ему бесконечно долгим. Но все же он дополз и, лежа на животе, прикоснулся почерневшими губами к воде и начал пить. Казалось, он хотел выпить ручей. Вода освежила его. Отдохнув у ручья, Морель почувство-

вал себя настолько хорошо, что смог подняться на ноги. Но в тот же момент он едва не свалился снова.

На поляну выбежал огромный зверь с густой короткой желтовато-красной шерстью. На спине шерсть была темнее, на животе — красновато-белая.

«Пума!» — с ужасом подумал Морель, напрягая все усилия, чтобы не упасть и этим не привлечь к себе внимания зверя.

Пума не могла не заметить Мореля, и тем не менее она не обращала на него никакого внимания, как будто желая продлить пытку человека, обреченного на смерть. Эта огромная кошка, достигавшая вместе с хвостом почти двух метров длины, вела себя как домашний котенок: она бесшумно прыгала по поляне, гоняясь за летавшими крупными бабочками. И надо сказать, что она это делала гораздо лучше Мореля. Несмотря на весь ужас своего положения, Морель невольно залюбовался изящными ловкими прыжками золотистого зверя. Испуганные бабочки поднимались выше, и пума, наконец, обратила внимание на Мореля. Час его настал. Мягкой волнистой походкой пума приближалась к человеку.

«Только бы не показать, что я боюсь ее», — подумал Морель и сделал несколько шагов навстречу зверю. Пума махнула хвостом, сделала небольшой прыжок и остановилась перед Морелем. Глаза их встретились. Животное сощурило глаза, подобрав находившиеся под ними белые пятнышки. Оно будто смеялось...

«Да ну же, ешь скорее!» — подумал Морель, не будучи в силах перенести эту пытку. Но пума продолжала свою странную игру. Она подошла к Морелю вплотную и толкнула его пушистой головой, как бы ласкаясь. Этого мягкого толчка было достаточно, чтобы сбить Мореля с ног.

«Конец!» — подумал он.

Но это было только начало. Пума упала на землю рядом с Морелем, перевернулась на спину и начала толкать его в бок головой, как бы приглашая играть. При этом она мурлыкала, как кот.

«Это какая-то сумасшедшая пума! — думал Мо-

рель. — Она, вероятно, помешалась от жары, поэтому и делает такие безумные поступки: ласкается, вместо того чтобы сожрать меня».

Морель не был склонен поддерживать игру. Подражая животным, он решил притвориться мертвым. Пуме это не понравилось. Чтобы растормошить свою игрушку, она легла на грудь Мореля и, слегка прижав его плечо одной лапой, другую подняла над его лицом и открыла пасть, обнаруживая ряд страшных клыков.

«Вот когда конец!» — подумал Морель. Но и на этот раз он ошибся. Неодобрительно фыркнув, пума вскочила и убежала в заросли кустарников.

Это было невероятно! Морель поднялся без единой царапины.

Оправившись от потрясения, он почувствовал сильный приступ голода и отправился на поиски орехов.

Вечером Морель вновь почувствовал приближение приступа малярии. Но прежде чем он потерял сознание, «сумасшедшая» пума еще раз навестила его. Она, как тень, выскользнула из кустарников, уже погруженных в сумрак, подошла к лежавшему Морелю и обнюхала его лицо. Морель не шевелился. Пума улеглась рядом с ним и широко зевнула, как бы располагаясь на ночлег вместе с ним.

Почти совсем стемнело. Стихли крики обезьян, хлопотливо размещавшихся на ночлег в высоких ветвях, умолкли птичьи голоса. Не слышалось даже лягушечьих заунывных песен. Лес засыпал. Ни звука. Только тонкое жужжанье комаров, не нарушая безмолвия ночи, пронизывало воздух...

«Гаучосы называют пуму другом человека. Они уверяют, что она никогда не нападает на человека и не трогает ни спящего, ни ребенка. Неужели это правда?» — думал Морель, искоса поглядывая на своего косматого соседа. Пума лежала неподвижно. Только уши зверя едва заметно шевелились, точно он прислушивался к отдаленным звукам. Как ни напрягал Морель слух, он ничего не мог уловить, кроме жужжанья комаров. Лихорадка все сильнее овладевала Морелем. Он старался не дрожать, но от времени

до времени его тело судорожно напрягалось, и его подбрасывало вверх, как на пружине. Однако, видимо, не это беспокоило зверя. Пума протянула лапы, выпустила когти и собралась в клубок, словно готовясь к прыжку на невидимого врага. Прошла еще минута напряженного ожидания, и Морель заметил в густых зарослях у ручья две светившиеся зеленоватым огнем точки. Это могли быть только глаза хищного зверя. Мысли Мореля мутились. Бред охватывал его, и ему казалось, что зеленые точки расширяются, на них вырастают мохнатые лапы... Два чудовищных зеленых паука приближаются к нему... Морель застонал и потерял сознание... Среди бредовых кошмаров ему слышались ужасающий рев, крики, стоны, словно тысячи злых духов сорвались с цепи, ревел ураган, завывал ветер, рычали звери, и кто-то хохотал громовыми раскатами. И опять черная бездна тишины. Небытие...

Зарево тропического утра. Солнца еще не видно, но небо уже пылает пурпуром. Морель открывает глаза. Он все еще жив. Кругом буйная жизнь играет всеми цветами, кричит тысячеголосым хором пернатых и насекомых. И опять жажда, нестерпимая жажда...

Морель тащится по земле, как змея с перешибленной спиной, к ручью. Здесь он видит необычайное зрелище. У самой воды лежит распростертый труп огромного ягуара — этого вечного врага пумы. Его красивая золотистая шерсть с черными продолговатыми пятнами изорвана в клочья. Правое ухо откушено. Один глаз вытек. На шее огромная рана. Земля залита вокруг кровью. Трава вырвана и разбросана, кустарник изломан. Здесь была страшная битва не на жизнь, а на смерть. Морель наклонился над убитым зверем и с жутким любопытством посмотрел в единственный сохранившийся глаз, тусклый, остекленевший. Неужели глаза этого зверя преследовали его по ночам? Морель вспомнил, что несколько раз замечал две фосфорические точки, мелькавшие в кустах. Но он не был охотником и думал, что это ночные светящиеся насекомые, которых так много в тропических лесах. Да, его подстерегал ягуар.

И вот он лежит поверженный! Морель оглянулся кругом и увидел, что кровавый след уходит в сторону и пропадает в кустах. Ученый не верил своим глазам. Но все, что он видел, не оставляло сомнения в том, что пума спасла его. Она охраняла его во время болезни и, рискуя сама, храбро бросилась на врага, чтобы спасти жизнь человека.

Это была неразрешимая загадка инстинкта. Невольно Морель почувствовал благодарность и даже нежность к своему спасителю. Но спаслась ли она сама? Бедная необычайная пума! Она уползла в чащу зализывать свои раны и теперь, быть может, издыхает, даже не сознавая своего героизма.

V. ВОЗДУШНОЕ ЖИЛИЩЕ

Мореля охватило желание разыскать раненого зверя и, если можно, помочь ему. Несмотря на слабость, он отправился по следу. Но кровавый след уходил в густую чащу. Морель был еще слишком слаб, чтобы продолжать поиски. Сделав несколько десятков шагов, он упал у зарослей хинного дерева, вдыхая душистый запах розовых и желто-белых цветов. У ног его валялась четырехгранная сломанная ветка.

«А ведь это хина! Почему бы мне не полечить свою лихорадку?» — подумал он и, отодрав зубами кору, начал жевать ее, морщась от горечи. Морель начал лечить лихорадку хинной корой, подобно индейцам, которые издавна пользуются этим народным средством. Приступы лихорадки начали ослабевать, и скоро Морель почувствовал себя здоровым. Но он был еще очень слаб. Ему приходилось питаться только растительной пищей. К орехам он скоро прибавил новое блюдо — муку, которую он добывал из корня кассовы. Из этой муки он умудрялся даже печь лепешки, разжигая огонь увеличительным стеклом. Иногда ему удавалось полакомиться даже печеной рыбой. Он ловил ее на крючок, сделанный из булавки и воткнутый в конец прута. Приманкой служили черви и насекомые.

Морель еще не оставлял мысли найти своих спутников или спуститься по одному из притоков к Амазонке и достигнуть жилых мест. Для этого он хотел использовать дождливое время года: с ноября по март беспрерывные ливни превращают ручьи в широкие реки. О направлении заботиться не нужно. Морель устроит плот, сделает запасы пищи и отправится в путь.

Однако в ожидании этого времени надо было подумать о более оседлом существовании. До сих пор Морель жил, как лесной зверь: день бродил в поисках добычи и засыпал там, где заставала его ночь. Но так продолжаться не могло. Его лицо и руки были совершенно изъедены москитами и комарами. Когда Морель смотрелся в стоячие воды, он не узнавал себя: так опухло его лицо. Клещи заползали под одежду. Вырвать их с головой не удавалось. Если же в теле оставалась голова, на этом месте образовывался нарыв, который причинял Морелю большие страдания, чем живой, сосущий его кровь клещ. И Морель принужден был терпеть на теле целые колонии паразитов.

Но это было еще не все. Каждую минуту он рисковал встретиться с лесными хищниками: ягуаром, мексиканской дикой кошкой, красным волком, дикой собакой. Из них ягуар был самым страшным. Один ягуар погиб в борьбе с пумой, но тысячи их еще бродили в лесу. Иногда Морель замечал во тьме зеленые точки и спешил развести костер, добывая огонь кремнем. Но огонь нужно было поддерживать, и Морель не высыпался. В конце концов он решил, что самое безопасное — проводить ночь на ветвях высокого дерева, как это делали далекие предки. Он влезал на высокое дерево, усаживался среди сучьев и привязывал себя ремнем к стволу. Морель долго не мог привыкнуть к такой «спальне». Когда он засыпал, голова его опускалась, и ему казалось, что он падает с дерева. Морель в ужасе просыпался, инстинктивно хватаясь за ветви. Но со временем он привык к воздушной кровати и хорошо высыпался. На высоте москиты и комары меньше беспокоили его. Крупные

хищники не замечали добычи, укрывшейся в густой зелени дерева.

Постепенно из каких-то глубин его существа поднимались и оживали первобытные инстинкты, утраченные человеком на протяжении тысячелетней культурной жизни. Морель научился крепко спать и в то же время прислушиваться к малейшему шуму. Слух и обоняние его обострились. Только глаза ученого оставались такими же близорукими. Впрочем, в очках он видел неплохо. Эти очки составляли предмет его постоянных забот. Однажды, когда он спал на земле, положив возле себя очки, какая-то птица, очевидно такая же любительница блестящих вещей, как сорока, подхватила клювом очки и унесла. Взмахи крыльев разбудили Мореля, и он погнался за птицей. К счастью, она уронила очки. С тех пор Морель никогда не снимал очков, даже во время сна.

Была середина сентября, и дожди перепадали уже довольно часто. Они неожиданно налетали, опрокидывая на лес целые водопады, и так же быстро проходили. Ветви деревьев не могли защитить Мореля, и он промокал до костей. И Морель занялся устройством кровли над головой из ветвей и листьев. Это была трудная работа. Несколько раз он едва не срывался с дерева. Вдобавок ему приходилось вести борьбу с обезьянами. Достаточно было Морелю спуститься с дерева за сучьями и хворостом, как целые стаи обезьян собирались на его стройку и пытались «помогать». Может быть, они делали это с самыми лучшими намерениями, но после их набегов Морелю каждый раз приходилось начинать строить заново. Так продолжалось несколько дней, пока Морелю не посчастливилось найти очень прочные и тонкие вьющиеся растения, которыми он туго связал остов крыши. Убедились ли обезьяны, что человек хорошо справляется с работой без их помощи, или им надоела эта новая забава, но скоро они оставили его в покое, и Морель благополучно достроил свое временное жилище. Теперь он был защищен от дождя. Морель втащил к себе на дерево даже некоторые запасы пищи; муки из корня кассовы, орехов и меда ме-

довых мух — свое новое приобретение. Эти запасы могли пригодиться во время плавания. Вместе с тем они освобождали его от необходимости искать пищу во время дождя.

В его новом жилище было подобие кровати, сделанной на ветвях и устланной мхом и листьями. Теперь он мог с некоторым комфортом растянуться. Когда дождь мешал ему заниматься устройством плота, Морель лежал у себя на дереве и переносился мыслью в Париж. Но это было так далеко и так не похоже на то, что окружало Мореля, что Париж казался ему далеким сном.

В солнечные дни Морель усиленно трудился над устройством плота. Без топора работать было трудно. Морель нашел несколько острых кремней и попытался сделать каменный топор, перейдя, таким образом, к следующей ступени культуры — в каменный век. Зажав кремень в рогатину, Морель привязал его к топорищу тонкими лианами. Но кремень соскочил с топорища при первом же ударе. Тогда Морель решил сделать топор по всем правилам искусства, пробив дыру в кремне ударами другого кремня. Этот египетский труд истомил его. Морель с отчаянием бросил работу.

«Нет, видно, я не гожусь в робинзоны!»

Однако мысль о топоре не оставляла его. Дерево легче поддается обработке. Надо начать с топорища. Морель нашел подходящий корявый сук крепкого железного дерева и начал прожигать углями «игольное ушко» — продолговатую дыру. Это была тоже египетская работа, но все же дерево поддавалось обделке легче кремня. Скоро «игольное ушко» было готово. Морель вставил острый плоский кремень и закрепил его растительными волокнами, старательно для этого приготовленными. Этот топор скорее напоминал булавку с необычайно большим набалдашником — так много намотал Морель «веревок», но все же это был топор. Он перерубал, вернее перебивал, ветви в палец толщиной. Он мог служить некоторой защитой. Таким топором можно было даже срубить толстое дерево. Но, занявшись «хронометра-

жем», Морель высчитал, что на каждое дерево потребовалось бы не менее месяца. А ему для плота нужен был по крайней мере десяток деревьев. Морель приуныл. При такой скорости работы ему не выбраться ранее чем через год.

Тогда Морель решил использовать для плота бурелом и стволы подходящей длины, валявшиеся в руслах высохших рек. Их приходилось тащить отовсюду, часто издалека. Морель изнемогал от этой непосильной работы. Чтобы найти бревно подходящей длины, ему иногда приходилось уходить на расстояние целого дня пути от своего жилища. В этом лесу, однообразном, несмотря на все растительное многообразие древесных пород, очень легко заблудиться. И Морель, уходя на поиски стволов, делал кремневым топором отметки на деревьях.

Наконец материал для плота был собран. Морель торопился. Проливные дожди шли уже каждый день, и высохшие русла речек наполнялись водой. К счастью, вода прибывала не так быстро, как ожидал Морель: высохшая почва впитывала в себя огромное количество влаги, прежде чем насыщалась и пропускала воду дальше.

Морель связал плот, сделал небольшое прикрытие от дождя для себя и запасов пищи, сзади прикрепил руль из шеста с вилкообразным концом, переплетенным растениями, и начал ждать, ежедневно посматривая на уровень воды. Наконец она поднялась до плота, лежавшего на берегу. В этот день дождя не было.

«Сегодняшнюю ночь я еще могу провести на дереве, — подумал Морель. — Но это будет моя последняя ночь. Через несколько дней из древесного жителя я превращусь в человека двадцатого века».

И он забрался на свое дерево.

VI. НЕУДАЧНОЕ ОТПЛЫТИЕ

Ночь была тихая, но необычайно душная. Изредка бесшумно вспыхивали молнии далекой грозы. «А дождь все-таки будет. Ни комаров, ни

москитов нет — попрятались», — думал Морель, засыпая.

Перед утром страшный удар грома разбудил его. Гроза разразилась внезапно; кругом гремело, словно кто-то открыл двери гигантской кузницы. Лес полыхал голубым мерцающим пламенем. Раскаты, словно канонада пушек, стрелявших у самого уха, слились в невообразимый гул. Зловещий зеленовато-белый свет зажегся на небе. Ветер все усиливался, но дождя еще не было. Внезапно небо опрокинуло на землю целый океан воды. Это был не дождь, даже не ливень. Водная стихия обрушилась сплошною массой.

— Пора! — крикнул Морель, но он не услышал своего голоса. Наскоро собрав пожитки, Морель спустился по дереву, цепляясь за сучья. Несмотря на то, что его защищали навес и густая листва, Морель через минуту был мокр, как рыба в воде. Падавший с неба водопад оглушал его, слепил глаза, давил на череп. Но Морель бежал не останавливаясь. Вот он у плота. При свете непрекращавшейся молнии Морель увидел, что вода залила половину плота. Морель взбежал на плот и влез в шатер. К его удивлению, здесь было почти сухо. Недаром он потрудился, густо устилая крышу крупными и плотными листьями!

«По крайней мере я не буду испытывать во время путешествия недостатка в пресной воде», — подумал он, чувствуя нервный подъем духа. Однако эта радость скоро сменилась беспокойством: вскоре он почувствовал, что вода появилась на поверхности плота. Морель приподнялся, но вода скоро достигла щиколоток ног и прибывала беспрерывно. Его плот решительно не всплывал. Быть может, он зацепился за что-нибудь? Должен же подняться хоть один его край! Для рассуждений, однако, не было времени. Вода уже доходила до пояса и угрожала смыть с плота неудачного путешественника вместе с шатром и пожитками.

Морелю ничего не оставалось, как спастись бегством на берег. Но и это было нелегкой задачей. Вокруг него бушевал поток, унося в своем бешеном

стремлении вывороченные с корнями деревья. К счастью, Морель был неплохой пловец. Бросив на произвол судьбы запасы продовольствия, он решил спасать только себя и научные инструменты, помещавшиеся в мешке за спиной. Морель кинулся в поток. Его завертело, как щепку, и понесло. Не менее получаса ему пришлось бороться с течением, пока, наконец, на крутом повороте его не прибило к берегу.

Морель вылез, весь покрытый зеленой тиной и тонкими длинными листьями.

«Часы безнадежно испорчены, — подумал он. — Придется жить по солнцу. Но это не беда. Главное, плот. Почему он не поплыл?»

Буря промчалась с такой быстротой, как это бывает только в тропиках. Ветер сдернул сизую завесу с неба, открыв второй, голубой полог. Выглянуло солнце, и лес внезапно ожил. Вылезли обезьяны, отряхнули, как собаки, намокшую шерсть и стали сушиться на солнце, шумно болтая и, вероятно, делясь на своем языке впечатлениями о пронесшейся буре. Деревья расцвели яркими красками перьев попугаев; пчелы и осы спешили пополнить запасы пищи до нового ливня. Лес жил полной жизнью, все живое веселилось, пожирая друг друга...

Один Морель был чужд этому веселью. Понуро возвращался он берегом бушевавшей реки к своему брошенному жилищу.

Вот и место, где он строил плот. Но от него не осталось и следа. Шалаш сорвало, а плот по-прежнему покоился на дне.

— Но в чем же дело, черт возьми? — раздраженно крикнул Морель.

Он взял валявшийся на берегу кусок железного дерева, из которого был сделан плот, бросил в воду и тотчас воскликнул:

— Есть ли еще на свете такой осел, как я!

Обрубок потонул, подобно камню. Железное дерево было слишком тяжело и не могло держаться на воде.

Тяжелый урок! Опустив голову, Морель смотрел

на кипевшую реку, в водах которой было погребено столько усилий и труда.

Дожди шли почти беспрерывно. Морель был похож на земноводное животное, так как тело его почти не просыхало. Он жил как бы в водной стихии, только более насыщенной воздухом, чем воды океана. Температура почти не понизилась, но влажность невероятно увеличилась. Едва утихал дождь, как белая пелена тумана застилала все вокруг. Горячий влажный туман до такой степени наполнял легкие, что у Мореля по временам поднимался удушливый кашель. Его организм так напитался влагой, что Морель почти не пил воды. Единственным утешением этого времени года было то, что Морель отдохнул от комаров и москитов; клещи, смытые с листьев деревьев, также меньше беспокоили его.

Мореля приводила в ужас мысль, что ему придется отложить путешествие на год. И он решил во что бы то ни стало отправиться в путь до окончания периода дождей. Глядя на грязные бурные воды потока, поднявшего со дна тысячи тонн ила, Морель обратил внимание на огромное количество тростников и вырванных с корнем стволов бамбука, плывших на поверхности. Легкие, полые внутри, они как бы самой природой были предназначены для устройства плота. К тому же с этими стволами легко мог справиться кремневый топор Мореля.

— Вот из чего надо было делать плот! — воскликнул Морель.

И он вновь принялся за работу под непрекращавшимся проливным дождем. Работа пошла быстрее, чем он ожидал: ему не приходилось даже искать и собирать бамбук: каждый день река выбрасывала на берег огромное количество бамбуковых палок. Морелю приходилось только выбирать, связывать и складывать стволы. Через несколько дней плот был готов. Оставалось лишь стащить его в воду. Несмотря на легкость материала, из которого был сделан плот, он представлял значительную тяжесть для одного человека. Берега были размыты, и работать приходилось в непролазной грязи. Морель придумал целую

систему рычагов, пользуясь вместо веревок тонкими гибкими стволами ползучих растений. Но сдвинуть плот оказалось труднее, чем построить его. Концы бамбуковых палок то и дело врезывались в грязь и застопоривали движение. Приходилось бросать работу, чтобы поднимать увязший в грязи край плота. Иногда в продолжение целого дня работы Морелю удавалось сдвинуть плот на несколько дюймов. Морель приходил в отчаяние. Наконец сама природа пришла ему на помощь. Напоенная дождями земля уже не вбирала в себя прежнего количества влаги; между тем небесные запасы воды казались неистощимыми.

Уровень воды в реке быстро поднимался. Морель сделал последние приготовления и переселился на плот. В тот же вечер он почувствовал, что плот медленно поворачивается, накренясь набок. Еще один момент — и плот был подхвачен течением и понесся по бурлящей реке. Морель торжествующе крикнул. Однако радость оказалась преждевременной. Его закрутило в водовороте, как волчок. Огромный конец дерева вынырнул из воды и ударил в плот с такой силой, что тот едва не перевернулся. Морель перебежал на высоко поднявшийся край плота, выровнял его и взялся за шест. Теперь он мог торжествовать. Плот летел стрелой среди мусора, обломков деревьев и вырванных с корнем пальм — туда, к людям, в двадцатый век.

Морель внимательно оглядел воду. Река разлилась на огромное пространство, затопив низменные берега. Целые рощи пальм стояли в воде, задерживая своими стволами кучи хвороста и листьев.

Перед утром Морель заметил, что плот движется медленнее. Когда рассвело, он увидел, что его занесло в одну из обширных речных заводей.

Положение было не из веселых. Рассчитывая на течение, он не догадался сделать весло. Он еще раз выругал себя ослом, однако это не помогало делу.

Морель попробовал отталкиваться шестом. Но как только ему удавалось протолкнуть плот в русло реки, шест переставал достигать дна, и плот снова мед-

ленно относило в заводь. Морель решил отдаться на волю течения, надеясь, что оно, совершив круг, вынесет его из заводи. Плот медленно поплыл к тинистому берегу и, наконец, дрогнув, остановился. Рискуя надорваться, Морель налегал на шест, но от этого плот, погрузившийся нижними палками в тину, еще больше увязал.

Морель бросил шест, упал на плот и уснул, истомленный волнениями прошлого дня и бессонной ночью.

VII. «НЕБОСКРЕБ» В ЛЕСУ

Проснулся Морель только вечером. Обдумав свое положение, он решил, что ему ничего не остается, как высадиться на берег, вернее, выйти на сухое место, так как он находился не в русле реки, а на затопленной поляне леса, окруженной со всех сторон деревьями. Ночью он не решился этого сделать, улегся на плоту. Дождь прекратился, и тысячи комаров поднялись над водой. В заболоченной почве что-то чавкало, вздыхало, шевелилось... Из чащи леса доносился странный свист. Временами трещали кусты под чьими-то тяжелыми шагами. Морель яростно отгонял от себя тучи комаров, прислушивался к свисту и не мог уснуть.

Утром он посмотрел на почву, на которую должен был ступить, и содрогнулся от ужаса. Она вся словно дышала. От времени до времени на поверхности появлялась голова ужа или змеи-слепуна. Толстые жабы рылись в иле. Казалось, гады со всего света собрались сюда, чтобы полакомиться в жирном, напоенном водой или червями и личинками насекомых иле. Морель безнадежно посмотрел на плот. Нет, не сдвинуть. Выхода не было, и Морель, забрав мешок с инструментами и запасом пищи, вошел в грязную воду. Ноги увязли в тине; Морель с трудом вытаскивал их и медленно пробирался к берегу. Наконец он вышел из воды и добрался до полосы грязи. Змеи шипели на него и уползали в сторону. Огромные цветные жабы с угрожающим видом бросались

ему вслед. К счастью, жидкая грязь была плохим трамплином для прыжка, и они не достигали Мореля.

Морель обошел заводь и пошел вниз по реке. Но чем дальше он шел, тем тинистее становилась почва, и течение воды в реке делалось все медленнее. Наконец перед ним открылось огромное пространство, залитое водою.

«Неужели река не впадает в Амазонку?» — с тревогой подумал Морель. Несколько дней употребил он на исследования этого лесного озера с заболоченными берегами, но воде, казалось, не было края. Конечно, этого озера не найти ни на каких картах, так как в сухое время года оно высыхает. К тому же едва ли здесь когда-либо ступала нога географа.

Морель окончательно заблудился. Он целые годы может бродить по этим неисследованным дебрям и не выбраться отсюда. Неужели всю жизнь он принужден будет жить в этом лесу? Правда, этот тропический лес дает неизмеримо богатый материал для научных работ. Но к чему трудиться, если его открытия погибнут вместе с ним? Нет, Морель должен выбраться отсюда! Рано или поздно ему посчастливится напасть на какой-нибудь приток Амазонки. То, что река, по которой он пустился в путь, никуда не впадала, было только несчастной случайностью... Однако он слишком устал. Ему необходимо переждать дождливый период, с этим надо примириться, — он отдохнет, соберет коллекцию редчайших насекомых и с новыми силами пустится в путь. Но чтобы лучше отдохнуть, надо устроиться с большими удобствами, чем он это делал до сих пор. У него уже есть опыт. Он не новичок. Прежде всего надо выбрать хорошее место, потом построить настоящее жилище, конечно на деревьях.

И Морель начал бродить по лесу в поисках подходящего участка. В одном месте леса почва поднималась и была более твердой. Он пошел вверх. Скоро под ногами он почувствовал камни. Это уже не было сплошное царство пальм и папоротников. Здесь росли фернамбуковые деревья с двоякоперистыми листьями,

мангровые, сандаловые, капайские, каучуковые, кустарники ипекакуаны. Хина, какао, чай — чего же еще больше? Даже табак рос на этой почве.

Морель поднялся еще выше, и перед ним открылась широкая поляна, освещенная солнцем.

«Здесь будет меньше комаров и москитов».

Посредине поляны находилась группа гигантских деревьев бразильского ореха. Их гладкие стволы достигали ста тридцати футов толщины.

«Вот то, что нужно. Под рукой и запасы пищи, и аптека, и даже сигары. На этой высоте я буду себя чувствовать в безопасности от зверей».

Однако на минуту Мореля охватило колебание. Справится ли он с задачей — устроить себе «небоскреб»?

«Времени много», — решил он и с жаром принялся за работу. А работы было немало. Нужно было сделать лестницу, чтобы взбираться на вершину. Нужно было заготовить прочные балки для остова дома и поднять эту тяжесть на огромную высоту. Для этого следовало свить прочные веревки из волокон растений. Кроме того, необходимы были блоки, чтобы облегчить поднятие балок. Нужно было, наконец, позаботиться и об инструментах для работы. Все это было чрезвычайно трудно для одного человека. Но, странное дело, с тех пор как Морель решил надолго обосноваться в лесу, у него как будто прибавилось энергии. Теперь все его мысли были сосредоточены на одном — Париж отодвинулся на задний план.

Так как дожди не прекращались, Морель выстроил временную хижину у подножия своего будущего «небоскреба», как он называл свое жилище.

Наибольшее внимание Морель уделил устройству надежной крыши. И это ему удалось. Теперь он мог иметь постоянный огонь, сохраняя в пепле тлеющие угли и раздувая костер ночью, чтобы отгонять диких зверей.

Работа подвигалась медленно. Первою была готова лестница. Но когда Морель попытался поставить ее, он убедился, что не в силах этого сделать.

Она была слишком тяжела. Морель часами ломал голову над трудной задачей. Если бы можно было подтянуть ее на блоке веревкой! Но для этого надо было сперва влезть на дерево, чего нельзя было сделать без лестницы, так как ствол был толстый и гладкий. Однако Морель не падал духом. Он соорудил ряд подпорок, и в конце концов ему удалось водрузить лестницу на место. Дальше пошло легче. Правда, ему пришлось попотеть, втаскивая наверх тяжелые балки, но, когда они были уложены на разветвления сучьев, половина дела была сделана. Морель, как птица, вил свое гнездо, принося ветку за веткой. И дом вышел на славу. Морель умудрился сделать две комнаты. Маленькая служила спальней, а большая — кабинетом, лабораторией и музеем. Здесь были сооружены стол, покрытый поверх бамбуковых палок листьями, и полки для коллекций.

Когда все было окончено, Морель подошел к открытому окну и с видом победителя посмотрел на расстилавшийся внизу лес. Морель мог гордиться. Это была победа. Морель больше не был беззащитным существом. Он сожалел, что у него нет фотографического аппарата, чтобы увековечить свое жилище и показать его потом своим ученым товарищам.

Морель вызывал в своем воображении лица друзей и знакомых и с удивлением заметил, что фамилии некоторых из них он не может вспомнить. «Что за странное ослабление памяти?! — подумал Морель. — Может быть, это последствие болезни? Этак и говорить разучусь...»

Морель решил чаще говорить вслух. Он читал лекции своим воображаемым слушателям, и в дебрях тропического леса слышались мудреные латинские слова, которые, видимо, очень нравились попугаям. Казалось, эхо отражало его речь в искаженном до неузнаваемости виде.

— Паук мигалес, — говорил Морель.

— А у иаес, — вторили попугаи, заливаясь хохотом.

— Кыш, вы, горластые! — кричал Морель на сво-

их недисциплинированных слушателей. Но они продолжали усердно повторять его лекцию, пока он не замолкал.

VIII. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

Морель усердно упражнялся в произнесении речей. Но постепенно эти занятия становились все реже. Заботы дня и научная работа по собиранию и классификации насекомых отвлекали его. Не замечал он и другого: с каждым днем его лексикон становился все беднее, речь суше, бледнее. Она все больше была испещрена научными терминами, и его лекции напоминали уже латынь средневекового ученого. Только раз, тщетно стараясь вспомнить забытое слово, он обратил внимание на этот «распад личности» и несколько обеспокоился: «Да, я дичаю», — подумал он, но и к этому факту подошел как натуралист.

«Единственный биологический закон, подмеченный еще Дарвином. Сложный организм, попавший в простейшую среду, должен или погибнуть, или «упроститься». То, что в культурном обществе было необходимо и составляло мою силу, теперь в лучшем случае является ненужным балластом, так же как в Париже мне не нужны были собачья острота обоняния и слух пумы. И если во мне пробудились инстинкты, дремавшие в человеке сотни тысяч лет, то, конечно, вернутся и мои «культурные» приобретения, когда я возвращусь в свою среду».

Так успокаивал он себя, и все же где-то в подсознании шевелились тревожные, едва оформившиеся мысли: «Я дичаю, возвращаюсь на низшую ступень биологической лестницы. Если я проживу здесь несколько лет, то превращусь в дикаря».

Морель привык к одиночеству, был всегда углублен в себя, поэтому не очень страдал от отсутствия общества. Ему не приходило в голову приручить собаку или попугая, чтобы иметь общение с живым существом. Его единственным, но зато многочисленным обществом были насекомые и в особенности пауки. Он мог часами неподвижно сидеть, уставившись на какого-нибудь паука, и наблюдать за его

работой. По-своему Морель был даже счастлив. Среди пауков, ос, муравьев он чувствовал себя в «своем обществе».

Бразилия в этом отношении была настоящим раем для ученого: едва ли на всем земном шаре можно найти второе такое место, где волны жизни бушевали бы с такой неистощимой, ничем не сдерживаемой энергией. И Морель погрузился в этот безграничный океан; каждый день приносил ему что-нибудь новое, изумительно интересное. Морель был похож на золотоискателя и целыми днями, забывая о еде, подбирал свои «самородки» или бродил по лесам в поисках новых сокровищ. Морель-ученый спасал Мореля-человека от полного одичания, и все же в Мореле происходил незаметный для него, но огромный внутренний процесс упрощения психики. В его мозгу оставались нетронутыми только клетки, принимавшие участие в его научной работе. Во всем остальном он действительно дичал. Он был нетребователен, как дикарь, в пище, запустил свою внешность. Его волосы отросли до плеч. Костюм давно висел на нем лохмотьями. Только ногти он остригал маленькими ножницами или чаще откусывал зубами, чтобы они не мешали ему при работе над насекомыми.

Главное изменение его психики заключалось в том, что у него постепенно угасало самое чувство общественности. Ему не только не нужно было общество людей, но и научная работа как бы потеряла для него общественную ценность. Она стала самоцелью. Он делал величайшие открытия, которые привели бы в восторг не только натуралистов, но и химиков. Он находил новые красящие вещества, растения, содержавшие огромное количество эфирных масел, ароматических смол, или такие, сок которых обладал свойствами каучуковых деревьев. Всего этого имелись здесь колоссальные, неистощимые запасы. Но ему ни разу не пришла мысль об эксплуатации находящихся здесь богатств.

Он только отмечал, регистрировал эти факты как интересные научные открытия. Если бы Морель уз-

нал, что все человечество, до последнего человека, погибло от какой-нибудь катастрофы и на безлюдной Земле остался только он один, — это едва ли потрясло бы его и он продолжал бы заниматься своими научными работами по-прежнему. Даже честолюбие угасло в нем. Он уже не мечтал о славе. Мысль о возвращении к людям все реже посещала его. Только когда вторично наступил период дождей, Мореля охватило смутное беспокойство. Но он объяснял его тем, что дожди мешают ему совершать обычные экскурсии. Тогда он начал усиленно заниматься в своей лаборатории, приводя в порядок коллекции.

Морель почти не замечал течения времени. Часы его давно стали. Календарь, который он вел одно время, вырезывая на палочках зарубки, был заброшен. Он стал отмечать только годы по периодам дождей, но вскоре оставил и это. К чему? Единственным измерителем времени мог служить его музей, который все пополнялся. Но и этот измеритель был неточен. Когда полки, стены и даже пол его рабочего кабинета переполнились собранными им насекомыми, как поле, покрытое саранчой, Морель начал выбрасывать одинаковые экземпляры, оставляя по одному каждого семейства или подсемейства. Но так как экспонаты все продолжали прибывать, ему пришлось выбрасывать одних насекомых, чтобы положить на их место других, более редких или впервые открытых им. Только феноменальная память Мореля сохраняла всю историю его научных исследований. Однако эти драгоценные знания были затеряны вместе с их обладателем в дебрях бразильских лесов.

Морель давно уже не говорил вслух и не читал лекций своим воображаемым слушателям. Незаметно для себя он утрачивал речь и превращался в бессловесное существо.

Однажды целый день его преследовало слово, значения которого он не мог припомнить:

«Морель!.. Что бы это значило? Морель... Морель...»

Его бесило, что он не может припомнить значения слова, которое казалось таким привычным, зна-

комым. Эти усилия припоминания мешали ему, вносили беспорядок в работу мысли, и он постарался запрятать надоедливое слово в глубокий ящик подсознания. Морель не знал, что в этот день он стал человеком без имени.

IX. БЕССЛОВЕСНОЕ СУЩЕСТВО

— Здесь мы не найдем красных ибисов, — сказал Джон своему спутнику. — Ибис любит болота.

Джон был индейцем. Он прекрасно говорил по-английски и по-португальски, сын его учился в университете. Жил он в Рио-де-Жанейро, где имел собственный дом и магазин, обслуживавший главным образом туристов и путешественников, приезжавших в Бразилию из Старого и Нового Света, чтобы поохотиться в лесах или собрать коллекции. Ни одна научная экскурсия или экспедиция не миновала его магазина. Здесь можно было найти ружья, палатки, сетки для москитов, складные кровати, фляжки — словом, все необходимое для путешествия. Главной же приманкой был сам Джон. Никто лучше его не знал малоисследованные области Бразилии. К его советам прислушивались профессора. Одетый по-европейски, сухой, подвижной, он мог сойти за испанца-коммерсанта. В его крови не умерло только одно наследие предков: склонность к приключениям бродячей жизни в лесах. Как дикая перелетная птица в неволе, каждый год он испытывал приступ тоски, желание расправить крылья и лететь... И ежегодно перед наступлением дождей он отправлялся с каким-нибудь путешественником к верховьям родной Амазонки.

На этот раз он оказал эту честь Арману Сабатье, богатому французу из Бордо, натуралисту-любителю и страстному охотнику.

Они поднялись по Амазонке на океанском пароходе до Манауса, пересели на плоскодонный речной пароход, по Рио-Негру поднялись до Сан-Педро, затем пешком отправились на север. Через два дня пути они миновали низменный бассейн реки и взобрались на возвышенность, поросшую густым лесом.

По мнению Джона, в этом месте не могло быть красных ибисов.

— Ну, что же, — сказал Сабатье, — нет красных, будем охотиться на белых. Здесь чудесно, Джон! Какая растительность! Тсс...

Собака Сабатье, Диана, сделала стойку.

Арман Сабатье осторожно раздвинул кусты.

У ручья он увидел какое-то странное существо — получеловека-полузверя, сидевшего на земле. Длинные седые волосы дикаря, если только это был человек, ниспадали на плечи. Чрезвычайно худые, но жилистые руки и ноги были голые, а туловище неизвестного покрывали обрывки серой ткани, словно он намотал на себя паутину. Дикарь сидел спиной к Сабатье и, видимо, был погружен в какие-то наблюдения.

Как ни тихо Сабатье раздвинул кусты, дикарь услышал приближение людей. Он повернул голову, из-за его плеча показалась длинная всклокоченная борода, достигавшая согнутых колен. Старик сделал неожиданный прыжок и бросился в кусты с такой стремительностью, как будто он увидел не людей, а ягуара. Диана взвизгнула и с отчаянным лаем погналась за убегающей «дичью». Сабатье и Джон поспешили за собакой. Без сомнения, она живо догнала бы беглеца, не будь на его стороне значительного преимущества: он, очевидно, прекрасно знал местность и с необычайной ловкостью пробирался сквозь лианы и папоротники, тогда как Диана с разбегу не раз попадала в петли и узлы лиан и принуждена бывала останавливаться, чтобы освободиться. Она давно упустила из виду двуногого зверя, но шла по следам, руководствуясь обонянием и инстинктом. Сабатье и Джон следовали за нею, прислушиваясь к ее удалявшемуся лаю. Наконец они догнали собаку у большого дерева. Подняв морду, Диана яростно лаяла. Джон посмотрел на вершину дерева.

— Вот где он! Сидит на ветвях, видите?

Сабатье не сразу заметил в густых ветвях дерева спрятавшегося старика, который смотрел на них молча и враждебно.

— Слезайте! — крикнул Сабатье по-французски.

— Слезайте, мы не причиним вам вреда! — в свою очередь, крикнул Джон по-английски и еще раз по-португальски.

Но старик сидел неподвижно, как будто не слышал или не понимал их.

— Вот дьявол-то! — выбранился Джон. — Он глухой или немой. Что, если я влезу на дерево и сброшу оттуда этого лесовика?

— Нет, лучше подождемте его здесь, — ответил Сабатье. — Когда он убедится, что мы твердо решили познакомиться с ним, то, быть может, и сам спустится к нам.

Охотники расположились у дерева. Джон вынул из походного мешка чайник, консервы и сухари, разложил костер и вскипятил воду. Сабатье, сделав аппетитные бутерброды, высоко поднял руки и показал бутерброды старику, причмокивая губами, как будто он приглашал есть кошку или собаку. Дикарь зашевелился. Вид пищи, видимо, возбуждал его аппетит. Приглашение к столу говорило о мирных намерениях неизвестных людей, так неожиданно нарушивших его одиночество. Однако старик еще долго не мог побороть чувства неприязни и недоверия. Он тихо замычал, как немой, и спустился ниже.

— Клюет, — весело сказал Сабатье, раскладывая на траве все содержимое мешка с продовольствием. Прошел еще добрый час, пока старик, спускаясь с ветки на ветку, оказался над самой головой охотников. Диана вновь неистово залаяла, но Сабатье заставил ее замолчать, и с недовольным ворчаньем она улеглась у его ног.

Старик соскочил на траву, не говоря ни слова, подошел к охотникам, схватил несколько кусков вяленого мяса и стоя начал с жадностью поглощать мясо, почти не разжевывая и давясь.

— Видно, у него во рту давно не было мяса. Смотрите, как уплетает, — одобрительно сказал Джон, протягивая старику новый кусок.

Насытившись, старик внимательно посмотрел на Сабатье и Джона, как бы изучая их, и кивнул голо-

вой. Этот простой жест доказывал, что охотники имеют дело с существом сознательным, хотя и крайне диким. Сабатье, со своей стороны, внимательно изучал внешность старика. Это лицо, безусловно, принадлежало европейцу, хотя тропическое солнце и придало коже темно-бронзовый оттенок. Главное же, старик носил очки. Значит, когда-то он был знаком с цивилизацией. Сквозь стекла очков на Сабатье смотрели странные глаза. В этих выцветших голубых глазах горел огонек дикости или безумия, но вместе с тем взгляд старика отличался сосредоточенностью мысли, которая говорит о сложном интеллекте.

Старик, продолжая разглядывать Сабатье, как будто решал какой-то важный вопрос. Брови его нахмурились, почти прикрыв внимательные глаза. Потом он подошел к Сабатье и, тронув его за рукав, удалился, как бы приглашая следовать за собой.

Сильно заинтересованные, Сабатье и Джон быстро уложили свои вещи и пошли за стариком.

Они вышли на большую поляну, среди которой поднималась группа деревьев, а на них среди сучьев и зелени виднелось воздушное жилище лесного отшельника.

Старик обернулся, еще раз кивнул головой и начал карабкаться по некоему подобию лестницы.

— Однако для своих лет он недурно лазит! — сказал Джон, удивляясь легкости, с которой старик поднимался вверх.

Старик полез ползком в небольшую дверь.

Когда Сабатье и Джон вошли в его жилище, старик пригласил их в соседнюю комнату, так как спальня, где едва помещалась кровать, была слишком мала для трех посетителей. Сабатье не без опаски ступал по полу, сделанному из бамбуковых палок на высоте сотни футов. Войдя во вторую комнату и оглядевшись, Сабатье и Джон замерли на месте от изумления... На столе аккуратно были разложены инструменты, употребляемые для препарирования насекомых и изготовления коллекций — ланцеты, пинцеты, крючки, булавки, шприцы.

На полках, потолке и полу были расположены коллекции насекомых, образцы волокон каких-то тканей, краски в деревянных сосудах. Пораженный Сабатье, прикинув в уме, решил, что за такую коллекцию любой университет не пожалел бы сотен тысяч франков. Один угол комнаты был заткан паутиной. Маленькие паучки, как трудолюбивые работники, сновали взад и вперед, натягивая паутину на небольшие деревянные рамы.

Пока гости были заняты осмотром комнаты, старик принялся раскладывать добычу своего трудового дня. Потом он взял со стола птичье перо и обмакнул его в выдолбленный кусок дерева, в котором были налиты чернила, очевидно сделанные из каких-то зерен или стеблей.

Сабатье заинтересовался этими приготовлениями. Старик собирался писать, но на чем? Однако «бумага» лежала тут же на столе — это были высушенные листья дикой кукурузы.

Старик написал несколько слов и протянул лист Сабатье.

Письмо было написано на латинском языке, которого Сабатье не знал.

— Латынь мне не далась, — сказал он, обращаясь к Джону. — Может быть, вы прочтете?

Джон посмотрел на желтый лист с черными иероглифами.

— Если бы здесь было написано даже по-португальски, я не прочел бы этого почерка, — сказал он, кладя лист на стол.

Сабатье посмотрел на хозяина и развел руками:

— Не понимаем!

Старик был огорчен. Он попытался издать какие-то звуки, но, кроме мычания, у него ничего не получилось.

— Разумеется, он немой, — сказал Джон.

— Похоже на то, что он разучился говорить, — заметил Сабатье.

— Что ж, попробуем обучить его. Интересно, на каком языке он говорил, прежде чем его язык заржавел, — ответил Джон.

И они усиленно начали заниматься «чисткой ржавчины» языка старика. Они по очереди называли по-французски, по-английски и по-португальски различные предметы, показывая на них: «Стол, рука, голова, нож, дерево».

Старик понял их намерение и, казалось, очень заинтересовался. Английские и португальские слова, видимо, не доходили до сознания старика. Он как будто не слышал их. Но когда Сабатье произносил французское слово, оно, словно искрой, зажигало какую-то клеточку в мозгу старика, пробуждая уснувшую память. У старика на лице появлялось более сознательное выражение, глаза его вспыхивали, он усиленно кивал головой.

Но как только дело доходило до речи, почти страдальческие морщины покрывали его лоб; язык и губы не повиновались, и изо рта исходило лишь нечленораздельное бормотание, весьма похожее на те звуки, которые издавали попугаи, повторявшие его лекции.

— Без сомнения, французский — его родной язык, — сказал Сабатье. — Старикашка — прилежный ученик, из него выйдет толк. Мне кажется, он уже вспомнил все слова, которые я произнес, но не может повторить их, потому что его язык, губы и горло совершенно отвыкли от нужной артикуляции. Попробуем сначала поупражнять их.

И Сабатье начал обучать старика по новому методу. Он заставлял своего ученика отчетливо произносить отдельные гласные: «а, о, у, е, и». Это далось легче. Потом перешли к согласным. Джон с трудом удерживался от смеха, наблюдая за гримасами, которые делал старик в попытках произнести какую-нибудь согласную. Он выпячивал губы, вертел языком вбок, вверх и вниз, подражая учителю, свистел, трещал, шипел.

Успех этого метода превзошел ожидания учителя. К концу урока старик довольно отчетливо и вполне удобопонимаемо произнес несколько слов.

— Ему нужно поставить голос, он слишком кричит, — сказал Сабатье. — Но на сегодня довольно.

С него пот льет градом от напряжения. К тому же темнеет. Здесь слишком тесно, чтобы разместиться втроем. Мы будем ночевать внизу.

Гости еще не могли свободно изъясняться с хозяином. Пришлось прибегнуть к мимике и жестам, чтобы объяснить, что они не покидают его совсем. Распростившись со стариком, Сабатье и Джон спустились по зыбкой лестнице.

— Ну, что вы скажете? Пошли за ибисами, а попали на дикобраза! Удивительная находка! Без всякого сомнения, старик — ученый. Но как попал он в этот лес? Хоть бы он скорее научился говорить!

— Вы прекрасный учитель, — заметил Джон, располагаясь на ночлег, — но все же на обучение должны уйти недели.

— Ради этого стоит пожертвовать несколько недель.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они положили около себя ружья и улеглись спать.

X. ФЕССОР

Превращение старика в словесное существо пошло довольно быстро. В конце недели с ним уже можно было вести довольно продолжительные разговоры, хотя он еще путал слова. Но Сабатье ждало некоторое разочарование. Если старик овладел речью настолько, что его можно было понять, то его память, по выражению Джона, заржавела более основательно, чем язык, и никакие методы тут не помогали. Старик мог рассказать немало интересного о своей жизни в лесу, но все, что относилось к прошлому, он забыл. Он не мог вспомнить даже своего имени.

— Сколько же лет пробыли вы в лесу? — спросил его Сабатье.

Старик посмотрел на палочки с зарубками и пожал плечами.

— Не знаю, должно быть, не меньше пятнадцати лет. — Старик наморщил лоб и, силясь припомнить, продолжал: — Примерно в тысяча девятьсот

двенадцатом году я отправился в научную экспедицию...

— Значит, вы ничего не знаете о великой европейской войне?

Да, он ничего этого не знал. Он с недоверием слушал рассказы Сабатье и, видимо, не чувствовал к ним большого интереса.

— Да, не менее пятнадцати лет. Я заблудился в лесу, гоняясь за редкостной бабочкой. Совершенно неизвестный вид «мертвой головы».

И ученый подробнейшим образом описал все особенности насекомого.

— За все эти годы мне так и не удалось встретить второго экземпляра, — сказал он с неподдельной печалью.

Для него эта бабочка была важнее, чем все события, потрясавшие мир за последние пятнадцать лет. Он забыл свое имя, но не забыл, какого цвета была переднекрайняя жилка на внешнем крыле бабочки.

— Я долго искал моих спутников, конечно, и они меня. Они, наверно, решили, что я съеден зверями или меня проглотила змея. Но я уцелел, как видите. Вы — первые люди, каких я вижу.

— От такого страшилища, как он, вероятно, все звери бежали! — сказал по-английски Джон. — Ему надо придать более человеческий вид.

— Вы были женаты? — продолжал расспросы Сабатье.

— Не помню... Кажется, да, — продолжал он после долгой паузы. — Я вспоминаю в своей жизни женщину, которую я любил. Да, женщина... Но я не знаю, была это моя жена или мать. Наука и занятия настолько меня съели.

— Поглотили, — поправил Сабатье.

— Да, проглотили, что я уже не могу припомнить, как жил на свете.

— Но города вы представляете себе?

Старик, неопределенно разведя руками вокруг, кратко ответил:

— Шум.

— Неужели уши ваши помнят дольше, чем глаза? — удивился Джон и, подойдя к старику, спросил:
— Не разрешите ли вы мне вас остричь?
— Стричь?

Джон взял прядь его волос и показал пальцами, как стрижет парикмахер.

— Снять ваши волосы, — пояснил Сабатье по-французски.

Старик не отвечал ни «да», ни «нет». Ему было безразлично.

— Молчание — знак согласия. — Джон взял маленькие ножницы с рабочего стола и, усадив старика на самодельную табуретку, принялся стричь бороду и волосы на голове.

Окончив, Джон остался чрезвычайно доволен своей работой, хотя ему пришлось немало потрудиться: густые, свалявшиеся, как войлок, грязные волосы старика было трудно резать маленькими ножницами.

— Отлично. Я пройду в лагерь, возьму запасную палатку и сошью нашему старику костюм. К тому же нам надо как-нибудь окрестить его. Ведь он человек ученый, профессор. Кратко это будет «Фессор». Фессор — очень хорошая фамилия.

Когда Сабатье перевел старику предложение Джона, старик охотно согласился.

— Фессор — это хорошо. Я буду Фессор.

С тех пор за ним закрепилось это имя.

Костюм был скоро сшит. Правда, он напоминал погребальный саван, но зато не стеснял Фессора, привыкшего к удобной, легкой звериной шкуре.

— Ну, что вы еще хотите с ним сделать? — с улыбкой спросил Сабатье, видя, что Джон критически оглядывает своего помолодевшего клиента.

— Подкормить, — ответил Джон. — Уж больно он худ!

— Вы чем питались? — спросил Сабатье Фессора.

— Зерна, ягоды, птичьи яйца, насекомые, — ответил Фессор.

— Ну, разумеется, — сказал Джон, услышав ответ. — Не мудрено, что он тощ, как комар в засуху.

И они начали кормить старика чем могли из своих запасов и тем, что добывали охотой.

Однажды Джон, страстный рыболов, решил наловить Фессору рыбы, оглушая ее. Он взял бутылку из-под виски, влил в нее на четверть углерода, который у него был в запасе, и бросил в воду. Бутылка взорвалась, и от взрыва кругом была оглушена рыба. Все, в том числе и Фессор, начали поспешно вылавливать всплывшую на поверхность рыбу и тщательно промывать ее, чтобы яд не проник внутрь.

— А у меня есть еще более простой способ ловить рыбу, не боясь отравиться ею, — сказал Фессор. — Я знаю паразитическое растение, оно растет вот в той части леса. Этим растением можно опьянить рыбу.

— Значит, вы и рыбой питались? — спросил Сабатье.

— Давно, — ответил Фессор. — Растение — очень высоко, а у меня нет времени лазать по деревьям, если можно питаться ягодами на ходу.

Джон очень заинтересовался этим растением, которое даже ему не было известно, и решил тотчас отправиться за ним.

Фессор указывал им путь. Он шел по лесу, как по музею, где каждый экспонат ему был хорошо известен. От времени до времени он справлялся по каким-то зарубкам, сделанным на деревьях. На вопросительный взгляд Джона он ответил:

— Я исходил лес во все стороны от хижины, и всюду через каждые пятьдесят-шестьдесят метров у меня сделаны на деревьях значки — они показывают путь.

Фессор завел своих спутников в такие дебри, что они с трудом пробирались.

— Вон там, вверху, видите — вьющиеся растения с белыми цветами. Это и есть мои рыболовные принадлежности.

Джон, ловкий как обезьяна, с трудом взобрался на вершину дерева, опутанного лианами.

Он сбросил несколько веток с белыми, одуряюще пахнущими цветами...

Лов вышел удачный. Растение Фессора действо-

вало изумительно. Несмотря на то, что вода была проточная, хотя и с медленным течением, наркотический сок растения настолько одурманил рыбу, что вся поверхность реки покрылась ею. Но этого было мало — Джону посчастливилось поймать в реке животное из породы аллигаторов, водяную ящерицу, на вид весьма невинную, но в действительности по кровожадности мало чем отличавшуюся от каймана.

— Что вы будете делать с этой ящерицей? — спросил Сабатье.

Но Джон только таинственно мигнул.

В этот день обед вышел на славу. Сварили и зажарили рыбу.

На закуску Джон вырезал лучшую часть для еды — хвост чудовища, затем вынул из тела яйца, которыми оно было наполнено. Печеные яйца ящерицы пришлись весьма по вкусу Фессору, он признался, что не знал об этом вкусном блюде. Джон был, видимо, польщен.

В конце обеда вышла маленькая неприятность. Оказалось, в сахарнице почти нет сахара.

Фессор тотчас предложил свести гостей к столетнему дереву, где водились медоносные мухи.

— Это недалеко, — сказал он, — и вы увидите, что там легко можно сделать запас сахара. Я изучал жизнь этих мух и знаю, как вынуть мед и не трогать их: задвижку я всегда оставляю сверху дупла, а мед выгребаю из-под мух. Мед этих мух вкусней, чем пчелиный, а воск — белый-белый. Мухи дольше, чем пчелы, приготовляют воск; по этой причине я всегда возвращаю воск после того, как самодельной центрифугой извлеку из него весь мед.

Через полчаса маленькое общество уже сидело за чаем, наслаждаясь мушиным медом необычайного вкуса и аромата.

XI. НЕВЕДОМЫЕ БОГАТСТВА

Обычно Фессор уходил в лес на целые дни, и только вечером все собирались у костра за котелком чая, рассказывая друг другу события дня. За это время Фессор уже вполне овладел речью.

Однако в последние дни с Фессором стало твориться что-то неладное. Он возвращался в самые неопределенные часы, забирался в свою лабораторию и то сидел неподвижно у стола, обхватив руками голову в глубокой задумчивости, то вдруг срывался с места, что-то возбужденно бормотал и с такой поспешностью спускался с лестницы, что Сабатье каждый раз боялся за него. Старик был крайне рассеян. Он отвечал невпопад на вопросы, иногда даже не слышал их или обрывал разговор на полуслове.

— Совсем помешался старик, — говорил Джон, поглядывая на Фессора.

Фессор действительно был похож на сумасшедшего.

Однажды он сидел недалеко от дома, внимательно разглядывая в траве какое-то насекомое. Вдруг Фессор поднялся и побежал с такой быстротой, словно за ним гнался ягуар. Он бегал по поляне как исступленный, крича во весь голос:

— Почему она не хочет брать мою эфиппигеру?

Потом он поймал какое-то насекомое, с такой же поспешностью вернулся на прежнее место и, бросив насекомое, издал торжествующий крик:

— Взяла, каналья!

Сабатье подошел к ученому и осторожно спросил его:

— У вас, господин Фессор, кажется, какие-то неприятности с вашими насекомыми?

— Неприятности? — ответил повеселевший Фессор. — Я чуть с ума не сошел, вот какие неприятности! Но теперь все в порядке. Еще одна сложнейшая загадка природы разрешена!

И, усевшись поудобнее, он с жаром начал объяснять:

— Осы — это ученые убийцы. Своих жертв — жужелиц, эфиппигер и других насекомых — они поражают отравленным кинжалом жала в нервные центры и этим приводят их в состояние полного паралича. Эти живые трупы оса утаскивает к себе и складывает в кладовой — таким образом под рукой свежие продукты. Вот эта самая оса, лангедокский сфекс, едва

не свела меня с ума! Она поразила свою жертву, эфиппигеру, на моих глазах и, ухватив за усики не спеша потащила в свою норку. Я незаметно подкрался, ножницами обрезал усики, взял парализованную эфиппигеру и положил на ее место другую, только что пойманную мною. Оса, тащившая свою добычу, почувствовала, когда я перерезал усики, что ноша стала легче, и оглянулась. Конечно, она очень удивилась, увидев, что на месте парализованной лежит новая, живая эфиппигера. Моя оса не верила своим глазам и, помочив передние лапки во рту, начала ими протирать глазки. Убедившись, что это не обман зрения, оса начала искать первую эфиппигеру, а к моей даже не притронулась, хотя я сам подсовывал ей добычу. Почему она не брала мою эфиппигеру?

— Вам это показалось обидным? — спросил Сабатье.

— Не обидно, а непонятно, черт возьми! — вскрикнул Фессор. — Это противоречило инстинкту. Я был сам не свой, пока не разгадал загадку, которую мне задала оса.

— И в чем же было дело?

— В том, что я подложил ей самца. Оса же, как теперь я убедился, охотится на самок, потому что в их вздутом брюшке содержится большой запас сочных яичек — лучшее питание для личинок сфекса. Мне нужно было во что бы то ни стало найти эфиппигеру-самку, пока оса не утащила свою добычу. Вот почему я с такой поспешностью бегал по поляне.

Сабатье стало понятно настроение Фессора. Необъяснимое отступление от инстинкта, этого закона природы, для Фессора было столь же невыносимо, как для астронома непонятные ему возмущения в движении небесных светил. Теперь гармония космоса и души Фессора была восстановлена. Как будто тяжкий груз свалился с его плеч. Он стал общительней и даже предложил показать, каким способом он ловит насекомых.

— Я подсекаю стволы одного кустарника, из которого капля за каплей вытекает своего рода клей,

который и служит приманкой для различных насекомых. Да вот вы сами увидите.

Фессор «слетал» на свое гнездо и принес оттуда горшочки и палочки, которые роздал Сабатье и Джону.

Фессор научил их, как нужно его клеем смазывать листья, ветви и даже мох, тщательно прикрывая те места, где расставлены ловушки.

Когда перед вечерним чаем они пришли к ловушкам, Сабатье увидел, что они действуют великолепно,— смазанные листья оказались сплошь покрытыми самыми разнообразными насекомыми.

— Это гораздо легче, чем бегать по полянам, как жеребенок. Да мне это уж и трудновато становится.

Фессор нагнулся, вынул из клея какую-то божью коровку и раздавил ее между пальцами. Пальцы его мгновенно окрасились в ярко-синий цвет.

— Эта краска по яркости цвета и прочности превосходит анилиновые краски и обладает одним замечательным свойством... Впрочем, позвольте пока не открывать вам секрета этой краски, — сказал он, о чем-то подумав.

В этот день Фессор был общителен, как никогда. После чая с медом он пригласил гостей к себе на дерево. Пройдя в свою лабораторию, он вынул из небольшого ящика образчики тканей, кусками в двадцать на тридцать сантиметров каждый.

— Эти кусочки материй,— сказал он,— сотканы из волокон растений или животных. Попробуйте. Никакая шерсть не сравнится по легкости, мягкости, прочности и теплоте с этой тканью. Но у меня есть кое-что поинтересней.

И Фессор протянул Сабатье кусок серой ткани. Когда Сабатье положил ткань на руку, он был поражен. Ткань была так легка и тонка, что казалась сотканной из паутины.

— Попробуйте-ка разорвать ее! — улыбаясь, сказал Фессор.

Сабатье сначала осторожно потянул ткань, опасаясь, что она расползется при первом натяжении. Но ткань не разорвалась. Тогда он потянул сильнее,

наконец, рванул изо всех сил. С таким же успехом он мог попытаться разорвать железный лист. Джон также захотел испытать свою силу, но ткань решительно не поддавалась. И вместе с тем она была легка и воздушна.

— Сам черт не разорвет этой ткани! — сказал Джон, протягивал кусок Фессору.

Глаза и губы Фессора улыбались. В своем длинном балахоне он казался алхимиком, Фаустом двадцатого века. Помахав, как флагом, тканью, Фессор сказал:

— Я удивлю вас еще больше, если скажу, что эта ткань сделана водяным пауком. Из этой ткани водяные пауки строят свои подводные дома. Ткань совершенно водонепроницаема. Если ее пропитать соком одного растения, она станет непроницаема и для воздуха. Недурная была бы оболочка для дирижаблей! А как она держит тепло! Из этой ткани вы можете сделать трико. Вы будете казаться голым и вместе с тем смело можете отправиться в этом трико на Северный полюс, не рискуя замерзнуть.

— А вот эта ткань,— продолжал старик,— продукт особого вида шелковичных червей. И знаете, каким образом я добиваюсь, чтобы эти существа (мои ученики, как я их называю) изо дня в день работали на меня? Я избавляю их от всяких врагов и кормлю той пищей, какая им нужна, как это делают китайцы. Я месяцами, годами изучал нравы и инстинкты этих трудолюбивых насекомых и сделал из них прекрасных работников. Вот посмотрите на этого паука.

Сабатье еще в первый день обратил внимание на маленького паука, который наматывал паутину на деревянную рамку.

— Если бы у меня было больше места, я заказал бы этому ткачу целый костюм, и он бы соткал мне его по мерке без единого шва. Из этой паутины я делал себе рубашки. Ткань мне изготовляли пауки, а нитки — шелковичные черви.

— Но как вы добились этого?

— Наблюдением и терпением... Остальные образ-

чики тканей сделаны из волокон разных растений, и все они очень прочны. Лучшие из этих растений те, волокна которых нужно долго разминать, отчего они делаются мягкими. Затем я их кладу в воду, смешанную с каким-нибудь дубителем, и это их делает еще более нежными. Я нашел также дикую коноплю, из того же семейства, что растет в Индии. Ее волокна, погруженные в дубитель, так же очень быстро приобретают большую прочность.

У Фессора словно прорвалась плотина молчания. Он готов был говорить целую ночь о новых, совершенно неизвестных цивилизованным людям материалах, об изумительных красках, тканях, о чудодейственных соках неведомых растений и о пауках — о пауках больше всего. Говоря о них, Фессор превращался в поэта.

Но Сабатье уж не мог слушать. Нельзя было в один вечер усвоить и переварить все то, что Фессор узнал и открыл за пятнадцать лет жизни, каждый час которой был посвящен упорному труду исследователя. Наконец старик отпустил своих гостей, сказав им на прощание загадочную фразу:

— Сегодня ночью дух леса снизойдет к вам! — И Фессор засмеялся странным, почти безумным смехом.

XII. «ДУХ ЛЕСА»

Когда они спустились по лестнице и разложили у подножия дерева походные кровати, Джон долго тер себе лоб и сказал, обращаясь к своему спутнику:

— Знаете что, господин Сабатье, я больше не могу! Если мы пробудем здесь еще неделю, я совершенно обалдею от этого старика!

— Вы не правы, Джон. За этот месяц мы узнали столько интересных вещей, сколько не узнать за годы. Фессор поделился с нами только небольшой частью своего богатого опыта. Но и этого было бы достаточно, чтобы поразить весь ученый и промышленный мир. Знаете ли вы, что за самое незначительное открытие Фессора любой фабрикант не пожалел бы миллиона? Некоторые из его открытий похожи на

взрывчатые вещества необычайной снлы. Они могут перевернуть вверх дном целые области промышленностн и создать совершенно новые. Все это так грандиозно, что я не в силах разобраться в этом необычайном богатстве. Подумать только, что оно оставалось неизвестным миру целых пятнадцать лет!

— И останется неизвестным, — отозвался из темноты Джон.

— Этого не должно быть! — серьезно ответнл Сабатье. — Мы попытаемся уговорить Фессора уехать вместе с нами. Мы захватим часть его коллекций и его самого.

— Едва ли он согласится на это, — возразил Джон. — Как бы там ни было, нам пора собнраться в дорогу. Скоро начнется период дождей.

Онн замолчалн, погруженные каждый в свон мысли. Сабатье думал о возможной эксплуатации «клада» Фессора, Джон же — о своем магазине.

— Однако пора зажигать костер и ложиться спать, — сказал Джон.

В этот момент легкнй скрип дерева привлек их внимание. Они насторожились, но даже тонкий слух охотников не мог сразу определнть, откуда исходнт звук. Уловить его направленне в самом деле было нелегко. Джон первый догадался поднять голову и вскрнкнул от уднвления.

Можно было подумать, что во тьме тропнческой ночи к ним спускается звездный кусочек Млечного Пути. Джон увидел кучу звезд, которые горели спокойным, мягким фосфорическнм светом.

— Что за наваждение! — воскликнул Джон.

Конечно, тут не могло быть ничего сверхъестественного. Млечный Путь не мог скрнпеть легкнми перекладинами лестнццы.

Среди тишнны ночн послышался короткнй смешок Фессора.

— Лесной дух спускается к вам! — сказал Фессор.

Когда он опустился, Сабатье и Джон не могли не вскрикнуть от удивления. Весь балахон Фессора сиял фосфорнческнми пятнами.

— Недурной маскарадный костюм! — сказал, улыбаясь, Сабатье.

— Вы угадали, это мой маскарадный костюм, — ответил Фессор. — Помните божью коровку, содержащую синюю жидкость? Эта жидкость фосфоресцирует ночью. Я намазал ею костюм и превратился в созвездие, гуляющее по тропическому лесу.

— Но зачем вам этот маскарад? — спросил Сабатье.

— А вот зачем. Каждое светящееся пятно напоминает своей формой тело какого-нибудь фосфоресцирующего ночного насекомого, и насекомые летят на мой костюм. Светящиеся пятнышки покрыты легким слоем клея. И насекомые садятся на эту приманку. Таким образом, гуляя по лесу, я в то же время ловлю насекомых. Как видите, я весьма упростил свою работу.

И, пожелав гостям спокойной ночи, Фессор удалился, словно блуждающий огонек, то появляющийся, то исчезающий среди кустов.

Когда утром Фессор вернулся, он уже не был похож на кусочек звездного неба. Весь его костюм был сплошь покрыт прилипшими за ночь насекомыми.

— Хороший улов! — весело приветствовал он Сабатье.

— Вы прямо ходячая коллекция, господин Фессор! Не хотите ли чаю?

— Сейчас, только освобожусь от насекомых и приведу в порядок костюм, — ответил Фессор, поднимаясь по лестнице.

Когда Фессор вернулся, Сабатье налил ему кружку чаю и сказал:

— Дорогой Фессор, мы хотим похитить вас. Скоро наступит период дождей, и мы отправимся в путь.

— Желаю успеха.

— А вы?

— Мне и здесь хорошо, — решительно ответил Фессор.

— Неужели вы не испытываете никакого желания вернуться к людям? — спросил Сабатье. — Пятнадцать лет как будто достаточный срок для научной

экспедиции. Вы только подумайте, какую сенсацию произведут ваше возвращение и открытия! Ваше имя станет известным во всем мире.

Сабатье пытался играть на струнке тщеславия, но эта струнка уже не вибрировала в душе Фессора.

— Здесь есть кое-что поинтересней газетной шумихи. — И, подумав, Фессор добавил: — Нет, я не могу оставить леса.

— Но что вас удерживает?

— «Мертвая голова» — та самая бабочка необычайного вида, которую я встретил в лесу пятнадцать лет назад. Я думал о ней дни и ночи, искал ее все эти годы, но не мог найти. До тех пор, пока ее не будет у меня, я не уйду из этого леса.

— Но поймите же, — рассердился Сабатье, — вы сами давно превратились в мертвую голову, упрямый вы человек! Ну какая польза от всех ваших открытий, если о них не знает ни один человек на земле? Что толку от всех ваших коллекций и знаний? Не сегодня-завтра вас может съесть ягуар, проглотить удав. Наконец, вы умрете естественной смертью и унесете в могилу все сокровища. Вне общества, без людей ваше существование бесцельно, ему грош цена! Наука для науки — это игра в бирюльки, чепуха, бессмыслица! Вы должны подумать о своем долге перед обществом, без которого вы были бы бессловесным животным!

Сабатье говорил долго, и Фессор, видимо, начал склоняться на его доводы. Наконец старый ученый, опустив голову, сказал:

— Хорошо, я поеду с вами. Но только для того, чтобы вернуться сюда во главе хорошо оборудованной экспедиции и закончить свои работы. Мы, конечно, заберем с собою мои коллекции.

— Ну, разумеется, — ответил Сабатье, подумав: «Только бы его вытащить отсюда!»

Дожди стали выпадать все чаще, и маленькое общество начало деятельно готовиться к отъезду...

Скоро плот был готов. Он отличался довольно большими размерами. Джон устроил на нем вместительную палатку. Когда начались дожди, все трое

переселились в палатку, ожидая момента отплытия. Коллекции еще находились в древесной хижине Фессора. Путники выжидали, пока небо прояснится, чтобы перенести огромное количество насекомых, не испортив их дождем. Фессор очень волновался и ежеминутно поглядывал на небо.

— Кажется, проясняется, — сказал он однажды утром.

Дождь перестал, проглянуло солнце. Лес начал оживать.

— Да, надо пользоваться случаем, — ответил Сабатье.

Все поспешили к хижине.

Вдруг Фессор громко вскрикнул и побежал как безумный.

— Мои коллекции! Мой дом! — кричал он.

Сабатье и Джон последовали за ним и увидели, что ветхий домик Фессора разрушен бурями и ливнями последних дней. У подножия деревьев лежала груда трухи вперемешку с высохшими насекомыми.

Фессор в отчаянии бросился на остатки своего жилища и начал ворошить мусор руками, крича:

— Мои коллекции! Мой труд! Моя жизнь!

Джон пытался оттащить старика, но он, казалось, помешался.

— Оставьте его, пусть он немного успокоится, — сказал Сабатье, взволнованный искренним горем ученого.

Набежала туча, сразу стало темно. Гремел гром, сверкала молния. Ветер трепал верхушки деревьев и свистел в бамбуковой роще. Дождь вновь полил как из ведра. Но Фессор не замечал ничего. В его настроении наступила реакция. Он сидел неподвижно, как маньяк, устремив взгляд на погибшие сокровища.

Сабатье нахмурился и, тронув ученого за плечо, сказал:

— Вот видите, мы вовремя решили увезти вас отсюда. Но не печальтесь. Вы вернетесь сюда, и тогда...

— Да, да! — Фессор пришел, наконец, в себя. — Надо начинать сначала! Я вернусь!

— С большой экспедицией, оборудованной наилучшим образом. Но нам надо спешить. Идемте скорей, Фессор!

— Да, да, надо спешить... Работы много. Все — сначала! Скорей же! Идем!

Фессор торопил своих спутников. Он спешил к людям, чтобы скорее вернуться в лес. Этот лес поработил его душу, сделался его стихией, его манией.

Они пришли на реку как раз вовремя. Неожиданно прибывшая вода уже поднимала плот.

Фессор ухватил шест и начал отталкиваться.

— Не делайте этого! — прикрикнул на него Джон. — Вы можете загнать острые концы плота в тину. Вода сама поднимет плот. Имейте терпение!

Фессор покорно положил шест и вновь погрузился в мрачное молчание, устремив взор на мутные воды. Мимо него, как много лет назад, мчались стволы деревьев, трупы животных, пальмы. Но он, казалось, ничего не замечал...

Плот сильно качнулся, и его понесло течением.

— Наконец-то! — ожил Фессор. — Скорей бы, скорей! Столько работы!.. — И он снова замолчал, низко опустив голову. Джон посмотрел на Фессора, потом на Сабатье и тихо сказал:

— Пожалуй, нам не следовало брать с собой старика. Смотрите, он совсем спятил.

— Ничего, отойдет. Нельзя же было оставить его в лесу!

. . . .

— Удивительная история! — сказал французский консул в Рио-де-Жанейро, когда Сабатье окончил свой рассказ. Затем консул открыл шкаф, порылся в старых газетах, аккуратно сложенных в стопки, вынул пожелтевший номер и протянул Сабатье.

— Вот посмотрите.

Сабатье раскрыл газету. Она была от 12 сентября 1912 года. На третьей странице была помещена за-

метка о гибели в лесах Бразилии французского ученого Мореля, написанная одним из его спутников по экспедиции. К статье был приложен портрет человека в очках, с гладко выбритым лицом.

— Да, это он, наш Фессор! — сказал Сабатье. — Время сильно изменило его, но глаза те же.

— Глаза человека не знают старости, — ответил консул. — И вы говорите, что он жив и здоров? Приведите ко мне. Интересно взглянуть на этого нового Робинзона!

Однако привести Мореля к консулу было не так-то легко.

Когда Сабатье вернулся в номер гостиницы, его встретил Джон, сильно расстроенный.

— Опять ушел! — сказал Джон. — Этот Фессор совсем помешался, должно быть, от городского шума. Он бредит, говорит какие-то непонятные латинские слова. Убежал в городской сад, прыгает по траве и ловит бабочек, а сторожа ловят его. Он собрал вокруг себя целую толпу. Я пытался его увести и сам едва ушел: сторожа хотели отвести меня в полицию. Они говорят: «Если это ваш помешанный, то вы должны за ним следить и не выпускать его из дома». Нечего сказать, хорошую сделали мы находку! Я говорил вам, что не надо было увозить его из леса.

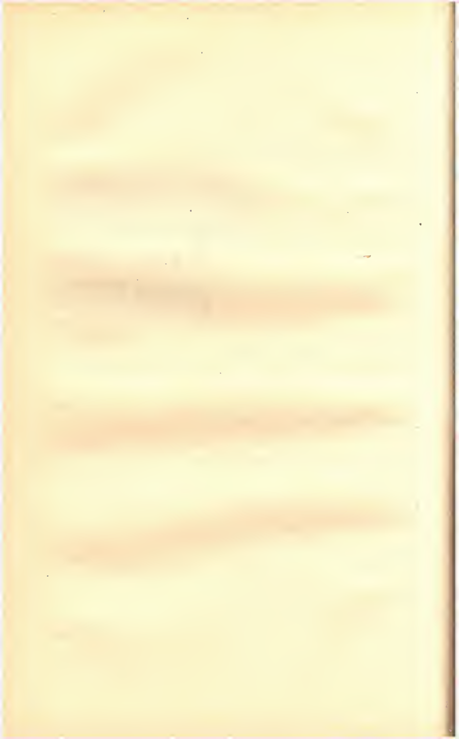
— На него повлиял слишком резкий переход от одиночества в лесу к жизни большого города. Ему, вероятно, придется полечиться. Но я надеюсь, что постепенно он придет в нормальное состояние, — сказал Сабатье.

За окном послышался шум, и они услышали голос Мореля-Фессора:

— Зачем вы преследуете меня? Что вам от меня нужно? Не мешайте мне, я ищу «мертвую голову»!

Н. ЖЕЛЕЗНИКОВ

ИСКАТЕЛИ КЛАДОВ

НА РАСКОПКАХ

— Ничего нового с тех пор, как вы здесь были последний раз, — сказал археолог Иваницкий, со звоном отпирая большим ключом замысловатый старинный замок в железной калитке заброшенного завода.

Он пропустил рабкора Кондова вперед, запер калитку и осмотрел высокие кирпичные стены.

— Стена замечательная, никакой охраны не надо.

— Как же ничего нового, товарищ Иваницкий? — сказал Кондов. — Двор-то уже засыпали!

— Ну, это не в счет. Мы восстановили вход из подвала в подземелье, а место раскопок, где водопроводчики наткнулись на подземный ход, засыпали, однако с тех пор, как я в первый раз проник сюда, и нашел в нише несколько старинных рукописей и кое-что из утвари, — ничего больше не найдено.

Они долго спускались по узким каменным ступеням. Свет фонарей нерешительно раздвигал густую темноту. Эхо шагов гулко улетало вперед, дробно отражаясь от каменного свода и стен.

— Удивительно, что здесь сухо и дышать не тяжело! — сказал рабкор.

— Подземелье так устроено, голубчик, чтобы в нем можно было укрываться продолжительное время. Вероятно, старообрядцы около трехсот лет назад прятались здесь не по одному месяцу. Посмотрите, товарищ Кондов, вот на эту отдушину. — Иваницкий высоко поднял фонарь. — Свежий воздух проходит из других отдушин, находящихся внизу, — продолжал он. — Я простукивал эти вентиляционные ходы. Они идут в стенах до самого конца коридора.

Пройдя около полукилометра, Иваницкий и Кондов остановились: подземный ход раздваивался.

Они двинулись направо и через некоторое время уперлись в глухую стену.

— Мы должны теперь находиться под старообрядческим кладбищем или около него. Меня удивляет, что здесь нет выхода.

Археолог и рабкор пошли назад. Дойдя до разветвления коридора, они повернули в левый ход и вскоре снова уперлись в такую же глухую стену.

— Эх, и знатное же здесь можно сделать газоубежище! — сказал Кондов. — Так и просится написать статеечку! Зря вы, товарищ Иваницкий, таинственность разводите. Ведь всего два-три словечка и разрешили мне написать полгода назад: дескать, наткнулись на остатки постройки XVII века. А какие же тут остатки постройки? Целый метрополитен, можно сказать!

Иваницкий потеребил бородку:

— Наберитесь терпения, товарищ Кондов! У нас и на земле есть о чем писать. Вы же знаете, что мои соображения о необходимости молчать, пока не закончены работы, были одобрены. Представьте себе, сколько всяких искателей приключений бросится сюда делать раскопки, если вы дадите статеечку! Разве тут, на окраине города, убережешь? Глядишь — найдут и расхитят ценные исторические вещи!

— Да когда же вы кончите копать?

— Денег, голубчик, мало! Следовало бы начать раскапывать сверху, с другого конца. Должен быть и другой выход.

Тем временем они вышли из подземелья.

— А все-таки приятно выбраться наружу! — сказал Кондов, жадно вдыхая свежий воздух.

Несколько человек шли по извилистой тропинке, вползавшей на холм между рощицей и кладбищем.

— Наши конторские с мыловаренного завода домой возвращаются. Даже в воскресные дни работают, — сказал Кондов.

Некоторое время археолог и рабкор стояли молча, поглощенные каждый своими мыслями.

— Да, много на поверхности земли еще старого хлама осталось, — сказал Кондов. — Однако рабкор

не должен забывать и в глубь земли заглядывать. Знаете, товарищ Иваницкий, мне в последнее время что-то не везет, вроде как с вашим подземельем. Да вот хотя бы про нашего кассира. Вон того, рукастого! Видите, на тропинке? Писал, что у него неладно должно быть. И сел я в лужу: доказательств нет, у него будто всё в порядке. Вот так... Ну, до свидания.

Кондов ушел.

Иваницкий постоял еще несколько минут в раздумье. Его занимал вопрос: где находится продолжение подземелья и кто в это подземелье наведывается? У него были свои основания для таких предположений...

ОБИТАТЕЛЬ ЗАБРОШЕННОГО ДОМА

Долговязый, медлительный Стручков против обыкновения был очень оживлен. Вся его угловатая фигура, энергично сгибавшаяся и разгибавшаяся над грядками, выражала удовольствие.

Сегодня, наконец, ему удалось получить из комхоза разрешение остаться жить в пристройке обвального дома, признанного негодным для жилья. Маленькая бревенчатая пристройка состояла из одной комнатки и кухни, сообщавшейся дверью со старинным полуразрушенным каменным домом.

Взглянув на дом, Стручков даже запел от радости громким скрипучим голосом, чем немало удивил двух коз, привязанных на противоположном конце двора. Они дружно потрясли бородками, уставились на хозяина и, очевидно решив, что вместе с ним составят недурное трио, громко заблеяли.

Стручков улыбнулся, аккуратно отрезал от вырванной репы ботву, осторожно прошел между грядками через большой, почти сплошь засаженный овощами двор и угостил коз. Ему приходилось быть экономным. Хотя он довольствовался малым и к тому же был вегетарианцем (из тех соображений, что мясо вредно и укорачивает жизнь человека), все же его хозяйство не давало бы ему возможности просуще-

ствовать, если бы не одна несколько странная статья дохода: Стручков извлекал пользу из обвального дома, по мере надобности выламывая и продавая на дрова деревянные части...

В прозрачном воздухе, медленно извиваясь, плыли в сторону старообрядческого кладбища, находящегося поблизости, белые осенние паутины.

— Хорошо жить на свете, когда умеешь в малом видеть великое! — сказал он по своей привычке философствовать вслух, что нисколько не мешало ему жевать хрустевшую репу. — Ведь вот эти листочки! Какой художник в мире сможет дать столько радости, сколько они дают глазу? А потом картина — она картина и есть, а листочки сперва меня порадуют, потом опадут на землю. А я их — на чердак! Напасу корму козам на зиму. Хорошо!..

Он встал, зашел в дом, выломал здоровенную балку, вскинул ее на плечо и понес в город.

На Пролетарской улице в бывшем купеческом особняке помещался рабочий клуб.

Стручков был большим почитателем драмкружка, игравшего в этом клубе. Молча вошел он во двор и свалил к ногам изумленного сторожа свою ношу.

— А это я — для актеров... Пускай погреются, когда им холодно будет, — сказал он, словно извиняясь.

Стручкову не могло и в голову прийти, что его подарок породит длинную цепь событий и со временем обрушит на его голову столько беспокойства...

ВЫШЕЛ ИЗ ОГНЯ...

Камин — это заграничная штука.

Камин — это костер в комнате. Прогорел огонь, и тепло вместе с ним вылетает в трубу. Хорошо, конечно, сидеть в комнате перед костром, вытянув ноги к огню, смотреть на языки пламени, тлеющие угли и вести беседу. Но толку от этого мало. По нашему климату костер не согреет комнату. Не может костер тягаться с печкой, долго берегущей тепло. Поэтому такая заграничная штука у нас не в обычае.

Осенним вечером в рабочем клубе, помещавшемся в особняке на Пролетарской улице, засиделись перед камином участники драмкружка. Конечно, не из-за дождя. Дождь не помеха, когда надо идти. А так, зажгли камин, ну и расходиться от огонька не хотелось.

Больше всех был доволен бывший актер, старичок Залетаев — руководитель кружка. Он блаженно жмурился, грелся и рассказывал, как игрывал в свое время. Рядом с ним сидел угрюмый плотный кассир Хлопов, исполнявший обычно роли злодеев. Он грел обезображенные ревматизмом руки и изредка подкидывал новое полено в огонь.

Вдруг Залетаев вскрикнул. Одна начавшая обугливаться чурка распалась. В огне корежилась и тлела какая-то желтая бумажка. Не успели остальные сообразить, в чем дело, как Хлопов палкой выкатил из камина чурку, вытащил бумажку и загасил ее чьей-то шапкой.

Все сгрудились вокруг Хлопова, когда он развернул прожженный в нескольких местах пергамент. Кое-где виднелись полустертые надписи вязью с разрисованными киноварью заставками. Посредине был начертан какой-то план. Справа от аккуратно выведенного четырехугольника была прожжена большая дыра. В том месте, где от четырехугольника вверх уходила прямая двойная линия, у самой дыры обрывалось слово «клад...».

Кто-то предложил сходить за археологом Иваницким. Тем временем все наперебой стали высказывать свои соображения. Сходились все на одном: этот план, несомненно, указывает, как отыскать клад. Раз план был спрятан в доме Стручкова, очевидно, там же зарыт и клад...

Иваницкому вручили находку и обступили его со всех сторон. Он присел к камину и несколько минут тщательно рассматривал пергамент.

— Да-да,— сказал он, наконец,— документ интересный, по-видимому семнадцатого века. Только напрасно вы толкуете о кладе. Здесь, несомненно, план,

но это план постройки. Видите, за буквой «д» кусочек другой буквы? Вероятно, это слово «кладка». Речь идет, очевидно, о новом способе кладки кирпичных стен.

— А не точка ли то, что вы принимаете за начало буквы «к»? — спросил кто-то.

— Не похоже. Потом, видите, тут внизу вычерчены детали дверей с тяжелыми щеколдами? Здесь дана стена в разрезе. Несомненно, это план постройки, и ничего больше. У меня сколько угодно таких документов в музее.

Все были несколько разочарованы, хотя доводы Иваницкого не казались очень убедительными. План отдали ему. Стали расходиться.

— Вы, ребятушки, проводили бы Иваницкого,— сказал, лукаво улыбаясь, Залетаев.— Чего смеетесь? Проводите! А то слух о плане да о кладе за полчаса небось уже разнесся по городу. Как раз ограбят! Ночка больно темная.

Все вышли гурьбой, а Залетаев остался еще немного посидеть перед камином. Он плутовато улыбался.

Дойдя до переулка, где он жил, археолог простился со спутниками и пошел один. Накрапывал дождик. Было так темно, как только может быть поздним осенним вечером в неосвещенном переулке. Иваницкий закурил папиросу. Внезапно в темноте кто-то рядом с ним хрустнул пальцами.

— Позвольте прикурить,— раздался густой голос.

Иваницкий сделал шаг, споткнулся и рухнул на тротуар. Где-то далеко чавкали в осенней грязи сапоги... Когда археолог, наконец, поднялся и зажег фонарик, то обнаружил, что портфель его вместе с планом исчез, нырнув во тьму с обладателем густого голоса...

В тот же вечер по всему городу распространился слух, что в бревне, принесенном Стручковым, найден план, в котором указано, как отыскать богатый клад (по другой версии — четыре клада), спрятанный не то Стенькой Разиным, не то каким-то хозарским купцом.

О похищении плана рассказывали невероятные истории: тут участвовали и дюжина грабителей, и маски, и даже аэропланы...

КЛАД — НА СЛУЖБУ ВЕГЕТАРИАНЦУ

На заре Стручков проснулся от какого-то странного шума. Перед распахнутой дверью стояло несколько человек с кирками и лопатами:

— Ты, тово, Стручков, позволь нам помочь тебе овощи убрать.

Стручков в недоумении таращил глаза. Странные посетители, вспомнив, очевидно, что молчание — знак согласия, ринулись к огороду и давай выкапывать кормовую свеклу! Вид взлетающей на воздух свеклы мгновенно вернул Стручкову дар слова.

— Не здесь! — крикнул он азартным помощникам. — Не здесь!

Сила Стручкова, несмотря на его вегетарианство (а может быть, благодаря ему), была известна всему городу, и копатели замерли на месте.

— А где? — спросил один из них.

— Если вам врачи прописали физическую работу, копайте на здоровье. Только не надо портить огород. Кормовую свеклу убирать еще рано. Дуйте вот репу да вот здесь. И чур, уговор. Работать работайте, а меня слушайтесь.

Убедившись, что его указания выполнены, Стручков пошел умываться и готовить чай.

Выйдя снова во двор, он заметил, что количество копателей удвоилось. Он сел на скамеечку, наблюдая за работавшими, и предался размышлениям.

«Что это столько народу огородством лечиться стало? Чудно! Не иначе как эпидемия какая-нибудь особенная. Или, может, в моем огороде целебные свойства обнаружены? Вроде курорта? Это нехорошо. Покоя не будет...»

Тем временем накопанную репу и морковь сложили в доме. Ботву собрали кучкой, у крыльца и вслед

за этим, ни слова не говоря, принялись копать на грядках ямы.

— Стой! — крикнул опять Стручков.— Ямы для ботвиньи я не здесь копаю, а вон там, в углу.

— Какая еще ботвинья? — обиделся один из старателей.

— А чего же вы роете без толку? Известно, какие ямы! Чтобы в них ботвинью заквасить. Всю зиму ботва пролежит в ямах. И экономно и для коз полезно.

— Нужны нам твои советы! — проворчали старатели.— А впрочем, не все ли равно, где копать!

Добровольцы работали весь день. Заквасили ботву. Вычистили весь мусор из погреба, выломали из стен гнилые балки.

Спал Стручков тревожно. Несколько раз вставал. Почти никогда раньше не бывало, чтобы ночью к нему в огород лазили: боялись через кладбище ходить. А тут три раза пришлось ему за рогатку браться. Стручков в темноте видел, как кошка. Три раза картофелем из рогатки он метко насаживал синяков непрошеным гостям. У него такое правило было: днем ребят желудями обстреливать, а ночью воры покрупнее, на них и снаряд нужен крупный. Меньше чем картофелиной не прогонишь.

На следующее утро на огородный курорт к Стручкову пришли новые старатели. Первым делом Стручков заставил их починить погреб. Они с восторгом выпиливали балки, тщательно их обтесывали, обстругивали со всех сторон. Погреб починили, песку свежего насыпали и погрузили овощи.

Постепенно Стручков понял из скупых разговоров старателей, что они ищут клад. А к вечеру он знал уже всю историю с планом.

Помрачнел Стручков. Однако наблюдений за работами не прекращал. Сидел на скамеечке и, когда надо, командовал.

На огороде старатели возились до поздней осени. Все убрали и перекопали на славу. Стручков сам лишь навоз раскидал.

«Эх, знатный урожай на будущий год получится!» — думал он.

Первое время по ночам к нему часто лазили, и картофель перестал помогать. Стручков, как вегетарианец и противник кровопролития, охотничьего ружья не держал, поэтому пришлось картофельное пращеметание заменить более весомым. И он нашел хороший снаряд — опять же овощного порядка. Наподобие физкультурников, толкающих ядра, он стал запускать в ночных гостей полупудовой кормовой свеклой. От свеклы валились с ног и спешно уползали. Скоро по ночам его совсем перестали беспокоить.

КЛАДБИЩЕНСКАЯ ЖИЛПЛОЩАДЬ С УДОБСТВАМИ

Студент медфака Лобанов вышел из университетской читальни и медленно побрел по улице. Надежд на получение комнаты у него не оставалось. А зима — на носу. В свободное время он бродил наудачу по улицам. Лобанову казалось невероятным, чтобы в таком сравнительно большом городе не подвернулась для него возможность внедриться в одно из многочисленных зданий.

«Много ли мне надо? — думал он.— Всего-то пустяки. Так, угол какой-нибудь!..»

На этот раз назойливые мысли об угле незаметно сменились более приятными мыслями об университете, о новой работе и новой жизни. Лобанов и не заметил, как вышел на окраину города, к заброшенному старообрядческому кладбищу.

Он пролез через брешь в ограде и пошел по заросшим дорожкам и между холмиками осевших могил.

От вянущей травы, желтеющих листьев и деревьев пахло волглым осенним лесом.

Остановившись перед большим, облицованным мрамором и обнесенным оградой мавзолеем, Лобанов подумал: «А чем это не дом?..»

Вошел внутрь. Комнатка — ничего себе. Только загромождена памятниками. На всех фамилия «Аршинов».

«Семейный склеп»,— подумал студент и стал рассматривать живопись на стенах.

Неожиданно он рукой свалил еле державшийся камень на одном из памятников. Камень глухо ударился о противоположную стену.

Лобанова удивило, что каменная стена загудела, как бочка. Он стукнул сапогом по тому месту, куда ударился камень. Стена была, очевидно, лишь разрисована под камень, а на самом деле — деревянная. Лобанов тщательно исследовал ее и в углу под лепным орнаментом нащупал железное кольцо. Студент с трудом повернул кольцо, и перед ним открылась тяжелая дубовая дверь. Из темноты пахнуло затхлостью и прохладой подземелья...

Лобанов зажег спичку. Перед ним были ступеньки, уходившие вниз, во тьму. Он осмотрел дверь: с другой стороны — такое же кольцо. Лобанов зажег пучок веток и начал спускаться. Насчитав пятьдесят ступеней, он уперся в глухую стену. И здесь в углу он нащупал кольцо. Открыв вторую дверь, Лобанов очутился в коридоре. Пройдя шагов двести, он открыл еще одну дверь под лестницей, поднялся на пятьдесят ступеней в обширном мавзолее. На памятниках стояла фамилия Бондаревых. Стекла в решетчатых окнах были целы, и даже изнутри имелись железные ставни. В уголке спряталась полуразрушенная кирпичная печка.

— Эге! — произнес студент, переводя дыхание.— Чем же это не жилплощадь? Да как будто кто-то и жил здесь.

Наружная дверь еле открывалась. Мавзолей был обсажен кругом ивами и сиренью. Выйдя за чугунную ограду, Лобанов увидел прямо на север мавзолей Аршиновых, через который он вошел в подземелье.

«Отлично,— решил Лобанов,— поселюсь здесь. А чтобы не привлекать внимания любопытных к своему жилью, буду ходить подземным ходом через аршиновскую усыпальницу».

В тот же вечер Лобанов устроился на новой квартире.

Печку он починил. В закоулке между двумя памятниками у окна сделал откидной столик. Притащил чурбачок для сиденья. Повесил полочку для книг. Свою немудреную кровать устроил на возвышении у двери. Постельные принадлежности решил спрятать на потайной лестнице.

Лампу Лобанов сделал под стать своему жилищу: из отполированного временем черепа, поставив внутрь его самодельную коптилку.

Покончив с «меблировкой», студент уселся за свой столик и с упоением стал читать «Анатомию» Зернова.

Свет, падавший двумя лучами из глазниц новой лампы, придавал его жилищу довольно жуткий вид.

«Вот бы теперь пустить сюда кинооператора! Вдоль и поперек заснимал бы!» — подумал Лобанов и достал жестяную коробочку, где лежала щепотка английского трубочного табака, подаренного товарищем.

Лобанов выдрал лист из найденной в углу трепаной книги. Свернул козью ножку. Однако курить оказалось невозможным: бумага — не бумага, а черт знает что! Закашлявшись, Лобанов бросил окурок в отдушину и начал рассматривать книгу, из которой выдрал листочек. Книга — старинная, рукописная. Странички аккуратно испещрены славянской вязью, а заглавные буквы — алые, с красиво изогнутыми завитушками. Лобанов выругал себя невеждой, поставил книгу на полку и улегся спать.

КЛАД ДЕЛАЕТ ПЕРВУЮ ВЫЛАЗКУ

Мало-помалу и Стручков поддался кладоискательской лихорадке. Ведь чем черт не шутит! Может быть, и в самом деле какой-нибудь дурак что-то запрятал.

Вегетарианец задумался. Старатели перестанут шнырять у него под носом. А что, если, найдя один кладик, они еще пуще раззадорятся? Совсем его, Стручкова, выживут. И археолог сюда заявится, тоже начнет рыться. Дело известное.

Еще больше Стручков боялся, что сам натолкнется на клад. На что ему клад? Одно беспокойство. Во-первых, продать нельзя, еще в тюрьму засадят. Клады — они республике принадлежат, а не тому, кто выкопал. Во-вторых, хранить у себя — ни к чему, бессмысленно и опасно. А в-третьих, сдать в казну нисколько не лучше: опять на сцену выступит копатель Иваницкий. Дом и огород — тю-тю!

Таким печальным размышлениям предавался Стручков, пока очередной покупатель перед вечером выпиливал в углу ободранного подвала облюбованную им стойку.

Покупатель ушел, а Стручков, осветив фонарем место, где стоял столб, увидел в стене кольцо. Он ухватился за него, кольцо повернулось — и перед Стручковым открылась в стене потайная дверь...

Спустившись на пятьдесят ступеней, Стручков увидел длинный коридор, облицованный кирпичом. Пол был выстлан крупными плитами.

Пройдя не менее километра, Стручков натолкнулся на глухую стену. Осветил ее, пошарил. В углу обнаружил невмазанную плиту. С трудом ее приподнял и под нею, к своему ужасу, увидел то, что ожидал и боялся увидеть,— клад.

Перед Стручковым стояли два дубовых ларца. В одном — золотая и серебряная церковная утварь, в другом — драгоценные камни, ожерелья, роскошные украшения...

Стручков поставил ларцы на прежнее место, прикрыл плитой, щели плотно забил щебнем — и скорее прочь от клада, как от чумы!..

У себя в подвале кольцо от потайной двери Стручков замазал известью, сверху замаскировал глиной, землей и сором.

СТРУЧКОВ ОТБИВАЕТ ВТОРУЮ АТАКУ КЛАДА

В эту ночь Стручкову так и не удалось выспаться.

Он проснулся от странного шороха. Шорох и стук доносились откуда-то снизу. Решив, что это воры, Стручков спустился в подвал. Стук раздавался

из подземного хода. Это совсем не понравилось Стручкову. Однако ему показалось странным, что стук лучше был слышен в пристройке. Поднявшись к себе и приложив ухо к полу, он стал прислушиваться...

Вскоре звуки прекратились. Через некоторое время Стручков снова вошел в дом и приложил ухо к полу. Неожиданно он заметил за печкой у самого входа железное кольцо, такое же, как в подвале. С трепетом повернул кольцо, и в стене открылась узкая дверка. Стручков с трудом в нее протиснулся. Снова опустился он на пятьдесят ступеней и сквозь новую дверь проник в тот самый коридор, один из входов которого он в этот день заделал. В темном углу он наткнулся на осколки кирпича. Кирпичи в стене были, видимо, расшатаны...

Вынув дрожащими руками несколько кирпичей, он побледнел от испуга и опустился на пол... Перед ним стояли уже знакомые ему ларцы!.. Отерев холодный пот со лба, Стручков привесил фонарь на грудь, взял оба ларца и понес их на прежнее место. Как и следовало ожидать, под плитой ничего не было. Обнаружив в стене кольцо, Стручков открыл дверь в том месте, где предполагал тупик. Перед ним темнела лестница. Решив отнести клад подальше и запрятать понадежнее, чтобы он больше не возвращался, Стручков начал подниматься по ступеням.

Лестница привела его в мавзолей семьи Гавриковых. Стручков с опаской посмотрел в окно.

— Ишь, куда я угодил! Прямо на кладбище! — пробормотал он.

Шагах в четырехстах к западу возвышался мавзолей Аршиновых, на юго-запад — Бондаревых, а на юге, в двухстах шагах — правильный четырехугольник мавзолея Волковых.

Пошарив по углам, Стручков нашел и в южной стене дверь. Быстро спустившись по лестнице, он открыл новую дверь и, пройдя коридором шагов двести, очутился в тупике: здесь никаких признаков двери ему не удалось обнаружить.

— Ну, отсюда до моего дома — больше версты!

Теперь уж ты не вернешься ко мне, проклятый! Дудки! — свирепо пробормотал вегетарианец.

Около самого пола Стручков выдолбил большую впадину, засунул в нее оба ларца, тщательно заделал и замаскировал отверстие. Даже сор подмел шапкой и вынес наверх в мавзолей.

«Ужо приду, зацементирую, — подумал он. — Тогда уж никто не найдет».

Поднимаясь к себе, Стручков у самой двери на ступеньке нашел оловянную тарелку, схватил ее, в сердцах скатал в трубку и бросил в вентиляционную отдушину...

ТЕМНЫМ ВЕЧЕРОМ НА ТРОПИНКЕ...

Темным осенним вечером Лобанов возвращался к себе домой на кладбище. Когда он уже подходил к изгороди, ему показалось, что кто-то за ним крадется. Уже несколько вечеров ему мерещилось то же самое, когда он возвращался домой. До сих пор он думал, что это ветер шумит в листьях, но на этот раз он четко расслышал шаги и даже увидел тень, юркнувшую в кусты.

«Кто это может быть? Ведь грабителю со мной возиться не интересно»,— подумал он. Решил выяснить и круто повернул назад. Кусты зашуршали... Кто-то убегал...

— Странно! — сказал Лобанов и пошел обходным путем.

Между рощей и кладбищем, на извилистой тропинке, спускавшейся к заброшенному заводу, кто-то испуганно крикнул. Вслед за этим зажегся светлячком и быстро замелькал по кустам маленький кружок света. Кто-то бежал навстречу Лобанову...

— Не бойтесь, здесь люди! — крикнул Лобанов.

Он почти столкнулся с бледным запыхавшимся человеком. Это был археолог. Иваницкий направлял свет прямо в глаза Лобанову и растерянно смотрел на него.

— Что с вами случилось, товарищ Иваницкий? — спросил Лобанов.

— Откуда вы меня знаете?

— Я вас встречал в университете.

Они вместе пошли по направлению к городу.

— За мной кто-то гнался,— сказал археолог.

— Странно. За мной тоже кто-то крался, но, когда я пошел за ним, он убежал в кусты.

— Возможно, что вас приняли за меня,— криво усмехнулся Иваницкий.— За мной каждый день следят. Сегодня мне показалось, что за мной погнался тот самый человек, который украл у меня план.

— Как вы могли это узнать?

— Может быть, я ошибаюсь. Но сегодняшний так же громко хрустнул пальцами, как тот перед нападением.

— Ну, этого, положим, маловато.

— Ему, естественно, хочется получить от меня ключ к украденному плану, так как похищенный документ и план моих раскопок, вероятно, дополняют друг друга. Эти искатели кладов — наши злейшие враги. Из-за них мне приходится держать в секрете свои раскопки.

Открытое веселое лицо Лобанова располагало к доверию, и Иваницкий высказал ему свои соображения о том, что под кладбищем находится подземелье, где живет какой-то незнакомец. По-видимому, это сапожник, так как ежедневно на месте раскопок по вентиляционным трубам до него доносится ритмичный стук молотка. Это, во всяком случае, очень странный человек. Он постоянно бродит по подземелью, пробивает в разных местах стены и выбрасывает довольно ценные вещи.

Лобанов вызвался помочь Иваницкому отыскать подземелье с его обитателем.

— Я живу почти на самом кладбище,— сказал он.

ЛЮК

В этот день Лобанов пораньше вернулся из университета, чтобы внимательно осмотреть свое подземелье. Спустившись в коридор между аршиновским и бондаревским мавзолеями, он открыл дверь в левой

восточной стене. Пройдя коридор, наткнулся на новую дверь и двинулся направо по коридору между мавзолеями Гавриловых и Волковых. Войдя в тупик, где накануне Стручков запрятал страшный для него клад, некоторое время безуспешно искал кольцо. Решив, что дальше хода нет, он хотел было уйти, когда заметил под сводом на западной и восточной сторонах по кольцу. Дотянулся до левого кольца, повернул и... чуть не свалился в провал.

У самых ног Лобанова стремительно открылся люк, в который с грохотом полетели выщербленные из стены нижние кирпичи. Опустившись на колени, Лобанов старался рассмотреть дно колодца. Фонарь был слаб, и, кроме пыли, ничего нельзя было разглядеть. Где-то вдали, не то внизу, не то сбоку, раздались шаги... Закрыв люк, Лобанов увидел, что обвалившиеся кирпичи обнажили большую впадину в стене.

Кольцо в противоположной стене открыло ход в коридор направо, в конце которого дверь распахнулась прямо перед подъемом в квартиру Лобанова.

— Вот оно что! — сказал он.— Оказывается, я обошел четырехугольник...

Не откладывая дела в долгий ящик, Лобанов побежал на квартиру к Иваницкому, но не застал его дома и оставил записку.

В это время Иваницкий в необычайном возбуждении суетился на своих раскопках. Прибежав на шум в конец левого тупика, он обнаружил неизвестно откуда взявшуюся кучу кирпича. Под ним стояли два дубовых ларца со старинными ценностями...

Иваницкий был до такой степени ошеломлен, что даже не пытался сообразить, откуда все это взялось.

— Ведь вот поди ж ты! — бормотал он.— Никогда бы не думал, что все эти обывательские измышления о кладе будут соответствовать действительности!

Взглянув мельком на содержимое ящиков, он снова защелкнул железные затворы в крышках. Не теряя времени, сбегал за веревками, обвязал ларцы и волоком дотащил их до рундука, где хранились инструменты, оставив на полу белый след от облепившей ящики известки.

Заперев клад в рундук, Иваницкий поспешил в город, чтобы сообщить властям о находке и вызвать представителя от музея с надежной охраной...

ПОГОНЯ В ЛАБИРИНТЕ

Лобанов битых два часа прождал Иваницкого. Он и не заметил, что в траве притаился худощавый человек.

Давно уже этот субъект следил за студентом, жившим на кладбище. По-видимому, он боялся Лобанова, так как не решался подойти достаточно близко и до сих пор не разгадал, куда исчезает каждый вечер студент после того, как он войдет в мавзолей Аршиновых. Теперь же, когда Лобанов потерял терпение и, круто повернувшись, исчез в дверях мавзолея, худощавый человек решил проследовать за ним.

Накануне Стручкову не удалось выполнить своего намерения. Этому помешал большой наплыв покупателей его драгоценных гнилых бревен и досок.

Сегодня же он освободился пораньше, привязал к поясу мешочек с цементом и, засунув в карманы две бутылки с водой, отправился в подземелье.

Спохватившись, что забыл к цементу примешать песок, Стручков вышел наружу из мавзолея Гавриловых, набрал на дорожке песку и скользнул обратно в подземелье...

Иваницкий никого не нашел в музее и решил отложить перевозку клада до утра. Дома он увидел записку Лобанова и тотчас же пошел на кладбище. Отыскивая мавзолей, указанный в записке, он заметил человеческую фигуру. Когда фигура скрылась в ближайшем мавзолее, археолог последовал за ней.

Предполагая, что это студент, Иваницкий хотел его окликнуть, но побоялся. Увидев, что человек исчез в двери, открывшейся в стене мавзолея, он выждал немного и вскоре сам открыл эту дверь. Он успел увидеть, что фонарь мелькнул внизу во тьме. Иваницкий спустился по лестнице и увидел в конце коридора — шагах в двухстах — огонек. Человек, за которым он следовал, нагнулся к полу и что-то рас-

сматривал. Археолог зажег карманный фонарик и чуть не вскрикнул от радости. Коридор был точно такой же, как на месте раскопок...

Стручков, которого Иваницкий принял за студента, спустившись с лестницы, быстро зашагал по коридору, не заметив, что справа от лестницы в стене открыта дверь.

Дойдя до конца коридора, он нагнулся... Что за наваждение! Замуровывать было решительно нечего. Не только клада, даже щебня и кирпичей, которые он вчера так тщательно прилаживал, не оказалось. На Стручкова из стены у самого пола щерилась пустая темная яма, в которую он запрятал клад.

— Ишь ты, дело какое! Прыткий больно клад: опять улетучился. Чудно даже! — пробормотал Стручков. От странного ощущения пустоты за спиной он оглянулся и мгновенно вскочил на ноги. В правой стороне тупика была открыта дверь. Прижавшись к косяку, Стручков в конце коридора увидел свет...

Решив, что перед ним человек, похитивший клад, Стручков стал красться на свет, спрятав свой фонарь за спину.

В действительности же он крался за худощавым человеком, который сам выслеживал студента.

Между тем Лобанов, не подозревавший, что за ним кто-то идет, увидел впереди себя то потухавший, то вновь вспыхивавший свет фонарика археолога, следовавшего за Стручковым.

— Вероятно, это и есть бандит, о котором говорил Иваницкий,— прошептал студент и, спрятав фонарь за спину, пошел на огонек...

Таким образом, каждый из четырех думал, что выслеживает злостного искателя клада, а сам останется незамеченным, потому что прятал свой фонарик за спину. Все они крались друг за другом достаточно быстро, чтобы не потерять огонька из виду и выждать за углом, пока огонек преследуемого не дойдет до следующего угла. При этом у каждого из них, кроме студента, создалось впечатление, что он идет по бесконечному лабиринту с бесчисленными поворотами направо.

Когда участники этой своеобразной кадрили сделали три полных оборота по четырехугольнику коридора, Лобанов потерял, наконец, терпение. Он решил, что преследуемый им человек попросту заблудился и кружится в поисках выхода.

«Догнать и заговорить с ним, что ли? — думал он.— Черт его знает, кто это! Несколько рискованно! Вдруг возьмет и прикокошит...»

Тогда Лобанов решил, что нашел удачный выход: можно попробовать спуститься в люк и, если внизу нет другого хода, хотя бы переждать, пока искателю клада не надоест бродить по коридорам.

Сказано — сделано. Подойдя к люку, Лобанов открыл его. Нагнулся и, протянув вниз фонарь, увидел перед собой меньше чем в трех метрах пол.

— А я-то вчера подумал, глубина глубинная! Пыль помешала! — пробормотал он и закрыл над собою люк. Попав в подземелье Иваницкого, Лобанов дошел до разветвления ходов, повернул налево и уперся в тупик...

Тем временем за Лобановым таким же путем последовали все остальные: худощавый человек, Стручков, археолог.

Внизу последовательность шествия нарушил Стручков. Он не заметил, как огонек, мелькавший впереди него, свернул влево и двинулся по направлению к заводу.

Оглянувшись, он вздрогнул и бросился бежать во всю прыть своих длинных ног: он увидел сразу три огонька! Один — под люком, где Иваницкий от радости, что найден выход из тупика, на время забыл о преследовании; другой огибал разветвление ходов и заворачивал влево; третий маячил в конце разветвления, где студент освещал потолок и стены тупика в надежде найти выход...

КЛАД НАСТИГАЕТ СТРУЧКОВА

Стручкову положительно не везло. Пытаясь скрыться от людей, находившихся позади него, он лицом к лицу столкнулся с настоящим бандитом.

Как и полагается бандиту, этот человек имел на лице зловеще-черную маску. В его руках Стручков увидел... оба ларца с кладом!..

Бандит приблизился к Стручкову и задул его фонарь.

— Дурак! — прошептал он довольно миролюбиво.— Ведь за нами гонятся! А поймают — обоим каюк!.. Скорей бери один ларец! — продолжал бандит.— Оба я не донесу. А ты парень здоровый. Еще сейчас чувствую, как ты меня свеклой угостил. Я, брат, времени не терял! Планчик-то я изучил и везде побывал. Вчера, когда я нашел клад и запрятал его подальше, у меня его тут же сперли. Ей-богу! Археологишко плюгавенький стибрил под самым твоим домом! Ну, а сегодня, как видишь, пока вы там в верхних коридорах в бирюльки играли...

Стручков, совсем одуревший оттого, что клад настиг его в третий раз, да еще сделал невольным сообщником преступления, почти не слушал шепота разоткровенничавшегося бандита и послушно шел за ним.

Вскоре бандит остановился.

— Здесь двери. Я вот этим ходом налево выйду через твой дом. А ты живее беги вот сюда направо. Попадешь, минуя люк, в бондаревскую часовню, где студент живет. Да поторапливайся, пока он к себе не вернулся! Для дележа сойдемся через час в Кобыльем овраге...

С этими словами бандит открыл одну против другой две двери в стенах коридора...

Когда три огонька сошлись, наконец, в тупике, раздались одновременно три радостных возгласа.

— Товарищ Иваницкий! Как хорошо, что вы здесь! — воскликнул студент.

— Хорошо, что вы здесь, товарищ Иваницкий! — произнес худощавый человек.

— И вы здесь, товарищ Лобанов! Отлично! — обрадовался археолог. Затем, посмотрев на худощавого человека, спросил его: — А вы откуда?

— Я шел следом за вами,— сухо ответил худощавый и показал Иваницкому какое-то удостоверение.

— А, очень рад! — сказал Иваницкий.— Вы нам поможете.

— Кажется, должен быть и четвертый... Я шел за вами, товарищ Иваницкий, принимая вас за бандита, сказал Лобанов, рассматривая фонарь археолога, — а может быть, я и в самом деле гнался за бандитом? Во всяком случае, я только что слышал, как кто-то убежал вот в этом направлении.

— Совершенно верно! — подтвердил Иваницкий.— Мне тоже показалось, что там мелькнул огонек.

— Не будем терять времени! — проговорил худощавый.— Раз вы оба кого-то видели, идем по горячим следам!

Про себя он подумал: «А по-моему, я уже нашел того, кто мне нужен...» .

Пока они шли по коридору, археолог еще раз рассказал о таинственных шагах, о падавших через вентиляционные ходы вещах, о надоедливом стуке подземного сапожника.

— Я вам сейчас покажу вещи, которые прилетели в мою вентиляционную отдушину; они в рундуке.

Иваницкий с худощавым ушли вперед, а Лобанов нагнулся, рассматривая что-то на полу.

— Украли! — закричал Иваницкий.— Клад украли!..

Худощавый осмотрел рундук, то и дело оглядываясь на Лобанова.

— Где у вас вещи, что сыпались в отдушину? В этой коробочке? Они нам скоро пригодятся,— сказал он.

— Идите скорей! — крикнул Лобанов.— Я след нашел!

Все трое подбежали к нему. Лобанов осветил узенькую дорожку цемента.

— Есть! — радостно воскликнул худощавый, нащупав кольцо в стене...

Они шли узким извилистым коридором, поднимавшимся несколько в гору.

— Кто здесь мог идти с мешком цемента? — рассуждал Иваницкий.— Если вор хотел замуровать

клад, то он должен быть необычайно сильным, чтобы тащить и оба ящика и цемент одновременно.

— Не обязательно одновременно,— сказал худощавый.

Они вышли к лестнице. На верху ее валялся драный мешочек с цементом, почти пустой.

Очевидно, Стручков только здесь вспомнил про цемент.

Смущенный Лобанов остановился.

— Что за черт! — сказал он.— Ведь я здесь живу...

НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ УЛИКИ В КОРОБОЧКЕ

Лобанов жестом радушного хозяина пригласил обоих гостей присесть на свой чурбачок.

Оба отказались.

— Ну, если мой диван не нравится, как хотите! — Он уселся на чурбачок.

Иваницкий уныло осматривал «комнату» Лобанова.

Худощавый, наоборот, был очень доволен. Прежде всего он осмотрел содержимое коробочки, взятой у Иваницкого. Потом стал обходить все углы, все рассматривал и щупал. Снял с полки старинную славянскую книгу без первой страницы. Осмотрел «лампу». Затем подошел к Лобанову и, вынув из коробки Иваницкого свернутую в трубку оловянную тарелку, спросил:

— Сможете развернуть ее и опять свернуть?

— Попробую,— улыбнулся студент. Без труда он развернул трубку и снова скатал.— Только к чему это? Силу мою, что ли, хотите испытать?

Вместо ответа худощавый вынул из коробочки развернутый окурок козьей ножки и, приложив его к остаткам оторванной страницы книги, взятой с полки Лобанова, положил книгу на стол.

— Вы курили в этой бумаге свою махорку? — спросил он.

— Не свою махорку, а чужой английский трубочный табак,— поправил его Лобанов.

— Сейчас меня не интересует, как вы достаете

табак,— возразил худощавый.— Но вот зачем вам понадобилось скатывать и бросать тарелку? Впрочем, это мы успеем выяснить. Уже одного следа, ведущего к вашему жилищу, было бы достаточно, чтобы рассеялись все сомнения. Я за вами давно следил.

Лобанов был ошеломлен и не сразу нашелся, что сказать. Он перестал постукивать ногой о стенку, вскочил с чурбака и сказал с раздражением:

— Что вы мудрствуете! Если окурок действительно мой, разве из этого следует, что тарелка не брошена кем-нибудь другим, или что через мою комнату не мог пройти еще кто-нибудь? Мало ли здесь ходов! Вы же вот пришли сейчас!

— Я вас искал и нашел. Не будем спорить. Вы скажете, «совпадение» и так далее. Эти возражения мне знакомы... Вы часто так стучите ногой об стенку? — внезапно оборвав себя, спросил худощавый.

— Всегда, когда сижу здесь и занимаюсь.

— Не этот ли звук вы, товарищ Иваницкий, принимали за стук молотка сапожника?

— Пожалуй, что этот,— печальным тоном подтвердил Иваницкий.

— Вот вам еще доказательство! Говорить больше не о чем. Улики неопровержимые! Вы арестованы.

КОЗЫ-СЛЕДОПЫТЫ

На другой день в газетах в отделе происшествий появилось следующее сообщение:

«Полуразрушенный дом, занимаемый гражданином Стручковым, обвалился. Из-под развалин извлечен обезображенный труп хозяина, принимавшего участие в похищении клада, найденного накануне археологом при раскопках. В окоченевших руках трупа крепко зажат один из похищенных ларцов, набитый ценностями. В кармане — похищенный у археолога план, в котором было указано место нахождения клада. Ларец тут же был опечатан. Другой похищенный ларец еще не найден».

Одновременно сообщалось, что арестован подозреваемый в соучастии в похищении студент Лобанов,

который долгое время жил в катакомбах. Против него имеются неопровержимые улики. Производится следствие.

Следующее сообщение гласило:

«Кассир мыловаренного завода Хлопов скрылся. Обнаружена значительная растрата. При обыске на квартире у него найдена записка к жене такого содержания: «Если я исчезну и растрата не будет пополнена, значит надежда на клад меня обманула и я покончил с собой». Очевидно, эта записка оставлена со специальной целью замести следы и выиграть время, чтобы успеть подальше уехать».

Лобанов безнадежно пытался разорвать сеть захлестнувших его улик и все более раздражался.

— Все, что я знаю, я рассказал! — воскликнул он.— Мне надо готовиться к зачету, а у меня отнимают время всякими расспросами! Ни в чем я не повинен! Никакой шкатулки не видал! В жизни своей не видел никакого Стручкова! Вот и все! Баста!

Когда вывели Лобанова, в комнату вошел рабкор Кондов.

— Товарищ следователь! У вас все разговоры о Стручкове даже в приемной слышишь. Его хоронить собираются, а я привел его живого.

Следователь рассердился:

— Что вы мне, товарищ, чепуху рассказываете! У меня спешные...— Слова замерли у него на губах: в раскрытую дверь входил живой Стручков. Правда, он больше походил на мертвеца — бледный, в лохмотьях.

— Как вы его нашли? — спросил следователь Кондова.

— А я с козами заместо собак пошел. С его козами. Отвязал, а они меня и привели в Кобылий овраг, прямехонько под кусточек, где он лежал да размышлял, что делать. Он даже обрадовался, когда меня увидел.

Показания Стручкова были еще более нелепы, чем его появление.

Виновным в похищении клада он себя не признавал, хотя сказал, что половина клада у него.

Стручков рассказал удивительную историю о том, как безуспешно спасался от настойчивых преследований клада, пока тот не свалился к нему прямо в руки. Тогда он счел дальнейшее сопротивление бесполезным и принял клад, тем более что бандит не пришел в назначенное место, чтобы избавить его от тяжелой обузы. Узнав, что дом обрушился, а самого его считают мертвым, Стручков хотел было подальше скрыться с кладом, но не смог себя пересилить.

— Не лежало мое сердце к этому беспокойству.

Следователь сперва записывал показания Стручкова, но скоро бросил это бесплодное занятие.

— Идите-ка лучше отдохните, а после поговорим.

— Нет! Пожалуйста, сейчас! Потом — опять мучиться! Я сколько времени мучился! Особенно под кустом этим! А ночи-то теперь, сами знаете, холодные. Спасибо, вот Кондов меня надоумил, сюда привел. Избавьте меня от этого проклятого клада, чтобы он больше ко мне никогда не возвращался!

КЛАД РАЗВЕНЧАН

Комиссия, выехавшая в Кобылий овраг, выкопала из-под пресловутого куста зарытый Стручковым второй ларец. Можно уже было ознакомиться с содержимым, но в этот момент следователю сообщили, что его ожидает гражданин, требующий, чтобы с него немедленно сняли показания по делу Лобанова и Стручкова.

— Какие там еще показания! Дело Лобанова прекращается, а Стручкову, очевидно, надо лечиться от пережитых потрясений,— проворчал следователь.

— Надеюсь, мое заявление по этому делу будет последним,— добродушно прошамкал старый актер Залетаев, с плутоватой улыбкой входя в комнату.— Товарищ следователь, не отсылайте остальных, а особливо товарища Иваницкого. Мое заявление такого рода, что чем больше свидетелей, тем лучше,— сказал он, усевшись поудобнее и приготовившись к повествованию.

— Я буду краток. Шум, поднятый вокруг клада,

сперва меня забавлял, а потом начал внушать опасения, когда столько людей оказались запутанными в это дело. Я чувствую, что главный преступник — это я.

— Вы, кажется, хотели быть кратким? — намекнул следователь.

— Да, да, голубчик... То есть виноват, товарищ следователь. Итак, было бы вам известно, что три года назад, когда собес еще не наделил меня жилплощадью, я, как не утративший еще былой предприимчивости, поселился там, на кладбище, где вы обнаружили жилище студента Лобанова. Да-с. Может быть, вы обратили внимание на сложенную там кирпичную печурку, которой, без сомнения, пользовался и студент? Так вот она сложена этими самыми руками. Теперь — насчет клада. Этот клад, собственно говоря, принадлежит мне.

— Вы хотите оспаривать клад у государства?

— Оспаривать не собираюсь, да и не придется. Я могу вам перечислить все вещи, там находящиеся. Все это я спрятал там, в подземелье.

— Предположим, что это и так,— сказал следователь, — но в таком случае возникают три вопроса: во-первых, как вы могли подделать план так искусно, что ввели в заблуждение даже археолога, исчислявшего его возраст тремя столетиями; во-вторых, считаете ли вы, что можно признать вашей собственностью такое большое количество драгоценных и редких вещей; и, в-третьих, откуда вы могли достать такие ценности?

— Извольте, отвечу. План я не составлял. Он, очевидно, подлинный. Я согласен с товарищем Иваницким, что там о кладе и не упоминается. Только я не согласен в толковании окончания слова «клад»... Скорее всего это было слово «кладбище», а вовсе не «кладка». Документ этот — просто план подземелья под кладбищем... Так я понимаю. На второй и третий вопросы, товарищ следователь, я отвечу, когда вы в присутствии экспертов, а таковые тут налицо, вскроете и проверите по моей описи содержимое ларцов.

— В самом деле, не мешало бы это сделать,— заметил Иваницкий.

После вскрытия ларцов составили акт и передали их вместе с вещами Залетаеву...

В обоих ларцах находились бутафорские предметы: посуда из олова, жести и дерева...

В тот же день в трупе, извлеченном из развалин стручковского дома, по ревматическим узлам на руках опознали кассира Хлопова...

НАСТОЯЩАЯ ЖИЛПЛОЩАДЬ

Когда Лобанову сообщили, что дело прекращено, и предложили оставить тюрьму, он отказался уходить.

— Здесь мне никто не мешает заниматься. Сравнительную анатомию я приготовил, сидя здесь, но у меня остались еще зачеты.

Узнав, что с разрешения Иваницкого он может снова временно занять свой мавзолей, студент забрал книжки и помчался «домой».

Теперь уже открыто он поселился в прежнем помещении, обязавшись охранять кладбищенские входы и жилплощадь, которая была для многих желаннее клада.

Охрана была, безусловно, необходима. Сотни бесплощадных претендентов на занятие стручковских развалин и кладбищенских катакомб, подгоняемые не остывшей еще надеждой найти настоящий клад, расположились лагерем между развалинами и кладбищем.

Через несколько дней после возвращения Лобанова в его «апартаменты» вбежал с грозным видом участковый.

— Выезжайте! — крикнул он по привычке.

Лобанов облегченно вздохнул и с видом радушного хозяина пригласил гостя сесть на чурбак.

— Испугали вы меня, товарищ! — сказал он. — Я уже думал, что меня снова арестовывают. Хотя в тюрьме и хорошо жить, спора нет, а дома — луч-

ше. Вам не известно, что я живу здесь на законном основании?

— Коли так,— сказал участковый,— вы все равно что домовладелец, обязаны в трехдневный срок завести дворника, чтобы он содержал дорожки в порядке и мне был помощником.

— Бросьте, товарищ! — улыбнулся Лобанов.— Я сам служу вроде дворника. С завтрашнего дня я зачисляюсь на службу в качестве ночного сторожа. А вам я помогу. Ручаюсь, что скоро уберу отсюда всех «кочевников».

И Лобанов сдержал свое слово.

Забросив на месяц университетские занятия, он с утра до ночи носился по учреждениям и разговаривал с «кочевниками».

И когда выпал первый снег, на пустошь рядом со стручковскими развалинами начали свозить строительный материал для возведения первого дома вновь организованного жилищно-строительного кооператива.

Стручков, оправившийся от пережитого потрясения, уехал в деревню и в настоящее время усердно занимается огородничеством и пчеловодством. Характер его нисколько не изменился, но у него навсегда осталось отвращение к слову «клад».

Р. КИМ

ШКОЛА ПРИЗРАКОВ

Ninjutsu — the art of invisibillty.
(Нниндзюцу — искусство быть невиднмым.)
(Японо-английский словарь Кацумата)

первое донесение

а) выполняю приказ

Никогда не забуду нашей прощальной беседы в ту тихую летнюю ночь в машине недалеко от мотеля, в котором повесился филиппинский морской атташе. Вы дали мне последние указания, предупредили обо всем и процитировали слова одного из персонажей Джона Баккана, вашего любимого писателя: «Впереди дни и ночи в полном одиночестве и в постоянном напряжении, подтачивающем нервы. Подобно одежде, тебя будет облекать смертельная опасность. Страшная работа, слишком бесчеловечная для человека».

Вы произнесли эти фразы с какой-то особой, я бы сказал, пророческой интонацией — они до сих пор звучат в моих ушах.

Затем вы сказали:

«Первое донесение пришлешь только тогда, когда твое учение вступит в финальную фазу. А до этого накапливай наблюдения и впечатления и ни в коем случае не торопись с выводами. Пиши донесения не в виде сухих официальных отчетов, они мне осточертели, а в форме писем самому близкому человеку, от которого нет никаких тайн, — в самой непринужденной манере, изливая на бумагу все, что в голове и на сердце. Пусть твои писания напоминают скорей беллетристические фрагменты, чем деловые доклады. Только смотри, ничего не выдумывай. Помни, ты посвящен в дело, теперь ты не простой смертный, а призрак. А первое правило призрака — не врать. Нарушишь этот запрет — не жди пощады. Донесения пи-

ши симпатическими чернилами, наиболее деликатные места зашифровывай по системе де Виженера. Да хранит тебя небо!»

На прощанье вы подарили мне засушенную лапку хамелеона. Я берегу как зеницу ока этот амулет.

С той ночи, открывшей новую главу моей жизни, прошло ровно восемь месяцев. Выполняю ваш приказ — посылаю первое донесение.

Мое появление здесь не вызвало никаких подозрений — все прошло гладко. Рекомендательные письма, которыми меня снабдили, действовали в Стамбуле, Каире и Джидде безотказно, как идеальные отмычки, и вообще придуманная вами моя биография оказалась безупречной.

В Джидде мной занимался Тициан, он подверг меня нескольким тестам и перебросил сюда — устроил на работу в библиотеке христианского союза молодых людей. Под прикрытием этой работы я стал заниматься в школе. Никогда не думал, что так быстро привыкну к африканскому климату.

Занятия в школе идут к концу. Скоро я поступлю в распоряжение Командора — так мы именуем начальника школы. Я вспомнил ваши слова, когда увидел его впервые: он произвел на меня такое же впечатление, какое, наверное, производил на ацтеков грозный Уицилпочтли.

б) ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО ОБЩЕНИЯ?

Все студенты нашей школы делятся на команды. Сколько их, не знаю. Каждая находится в ведении того или иного профессора. Сколько их, тоже не знаю.

Наша команда подчинена профессору Веласкесу, состоит из восьми человек, разбитых на четыре пары. Я в паре с Даню, мы живем, учимся и действуем вместе (он довольно прилично говорит по-итальянски и по-испански, по-английски хуже).

Даню прибыл сюда за месяц до начала занятий и уже успел узнать кое-что (например, о том, что большинство студентов — из арабских стран и Чер-

ной Африки, выходцы из респектабельных фамилий, окончившие европейские учебные заведения).

Я быстро подружился с этим приветливым, стройным юношей из народности галла. Уголки его губ слегка загнуты вверх, и кажется, что он постоянно улыбается.

Он сообщил, что Веласкес будет преподавать нам искусство общения, одну из главных дисциплин (о всей программе школы я не буду говорить, она вам известна). Родом наш профессор из Канады, по специальности психолог, автор монографий о воздействии рекламы на психику человека и об особых методах изучения эмоциональной сферы человека. Настоящая фамилия профессора французская, он потомок знатных гугенотов.

Мы начали заниматься в загородном доме в лесу за сейсмологической станцией. В этом просторном одноэтажном доме, окруженном оградой из высоких кактусов, раньше жили члены энтомологической экспедиции из Бразилии.

Профессор мне понравился — невысокого роста, легкий в движениях, говорит быстро и энергично, жестикулируя, как фехтовальщик. Лицо тонкое, породистое, эффектная шевелюра с проседью, торчащие усики и изящная эспаньолка.

В вводной лекции он объяснил, чему будет учить нас.

Люди общаются между собой и в ходе этого общения добиваются поставленной ими цели, уговаривая других, подчиняя их своей воле и навязывая им свои желания.

Этим делом — оказыванием словесного воздействия друг на друга — люди стали заниматься еще со времен питекантропов. Многим удалось достичь большого мастерства, в частности знахарям, колдунам, жрецам, политикам, торговцам, ловеласам, аферистам и лазутчикам. Как правило, они применяли способы и приемы, придуманные ими самими, опираясь на природную хитрость и умение обхаживать людей. Но никто не делился с другими секретами своего искусства, не передавал опыта следую-

щим поколениям. Сколько замечательных ухищрений, находок, открытий, шедевров выдумки безвозвратно кануло в Лету!

Но лучше поздно, чем никогда. Во второй половине двадцатого столетия люди одной страны, наконец, спохватились и решили путем методической регистрации и систематизации наиболее эффективных приемов уговаривания возвести технику в степень науки.

— Итак, — заключил свою первую лекцию Веласкес, грациозно взмахнув рукой с невидимой рапирой, — наш курс имеет несколько разделов: первый — искусство знакомиться, второй — искусство развивать знакомство и третий — искусство уговаривать. Наш курс ставит задачей вооружить вас исходными сведениями о технике общения с людьми.

(Излагая содержание лекций и рассказывая вообще о занятиях в школе, я знаю, что не сообщу ничего нового для вас, но помню ваши слова: «Мне надо знать, как ты будешь воспринимать школьную программу, как будут укладываться в твоей голове тайные знания. Поэтому пиши обо всем, не боясь наскучить мне».)

в) КАК НАДО РАСШИФРОВЫВАТЬ ЛЮДЕЙ!

После вводной лекции я сказал Даню:

— Профессор намекает на то, что его курс будет носить элементарный характер, вроде арифметики. Мне кажется, что такой курс больше подходил бы для школы, где готовят рядовых призраков, а не для нашей.

— А мне кажется, — Даню показал свои ослепительно белые зубы, — что арифметика нужна призракам всех рангов.

Перед тем как приступить к изложению основ техники знакомства, Веласкес заставил нас проштудировать книги Шелдона «Изучение классификации характеров» и «Изучение классификации физических типов». В них говорится о том, что по внешности люди делятся на определенное количество типов.

и каждый тип связан с тем или иным психическим комплексом.

Дополнив и развив послевоенные исследования ряда френологов, физиономистов и психологов-бихевиористов, Веласкес создал теорию, подкрепленную многочисленными цифрами, о том, что по внешним данным человека — телосложению, форме головы, ушей, глаз, рта, носа и подбородка, их соотношению, по жестам, походке, манере смотреть, манере говорить и прочим внешним формам поведения — можно точно распознать характер человека, его способности, повадки и особенно слабые стороны его натуры.

Монография Веласкеса выглядит необычно: почти вся состоит из таблиц внешних данных и движений человека, с пояснительными текстами, рисунками и фотоснимками. Я узнал из этих таблиц, например, что существует 12 форм рта, в основу деления положены формы верхних и нижних губ, соотношение их, формы уголков рта, 18 форм глаз, 22 формы носа, 15 форм ноздрей, 24 вида походки и 27 манер говорить. И что человеческие физиономии делятся на 48 типов, каждый, в свою очередь, делится на несколько подтипов.

Я записал заключительную часть одной из лекций Веласкеса:

«С помощью моих таблиц, которые вы должны так же выгравировать в своем мозгу, как таблицу умножения, вы научитесь расшифровывать внешние данные человека, выяснять сущность его натуры и диагностировать недостатки, слабые струны, уязвимые места, которые можно использовать. По преданиям, кольцо царя Соломона наделяло человека способностью понимать язык животных. Вы тоже будете обладать даром, недоступным обычным людям, — уменьем расшифровывать людей».

Я предложил Даню проверить таблицы на себе. Мы сели перед зеркалом, разложив на столике наши тетради с записями.

Зеркало констатировало: Даню довольно смел, к цели идет непреклонно, довольно изобретателен, умеет вводить людей в заблуждение, может хорошо

скрывать свои чувства, но иногда не умеет сдерживать себя, часто меняет отношение к людям. Главный недостаток: порывист, часто действует очертя голову, неосмотрителен (нос — Эй-8, рот — Би-5, походка — Си-5, манера поворачивать голову — Ди-3).

А я к людям отношусь недоверчиво, но, поверив кому-нибудь, совсем перестаю остерегаться, злопамятен, все время стараюсь контролировать себя, но это не всегда удается, наблюдательность не развита, большой недостаток: нерешителен, не верю в свои силы, не хватает храбрости (подбородок — Эй-9, лицо — Гамма-6, походка — Си-7, манера говорить — Эф-2). Насчет моего носа мы стали спорить — к какой форме его отнести по типу ноздрей — 9 или 12. И пришли к выводу: некоторые таблицы Веласкеса недостаточно детализовать — надо разбить категории на большее количество подкатегорий.

Мы подвергли анализу внешние данные других студентов нашей команды и пришли к выводу:

а) суданец Мау очень неглуп, пойдет далеко, если не сломает голову раньше времени — слишком азартен,

б) самый умный и коварный в команде — это Гаиб аль-Ахмади из Саудовской Аравии — его надо опасаться.

Даню долго смотрел на мои записи, потом покрутил головой и почмокал губами.

— По твоему почерку, пожалуй, трудно определить характер. Ты, наверно, пишешь специально выработанным почерком.

Во время очередного визита к профессору Веласкесу мы спросили: как он относится к графологии? Я выразил сомнение — вряд ли можно определить характер по почерку.

Веласкес ответил:

— Почерк отличается от внешних данных человека и его движений тем, что не является врожденным свойством, а представляет собой навык, приобретенный в результате длительных упражнений и всецело зависящий от деятельности коры больших полушарий мозга, строения руки и состояния других

органов, а также от уровня умственного развития человека. Поэтому считать, что в любом почерке непосредственно отражаются черты характера, — неправильно. Но... — профессор провел мизинцем по эспаньолке, — все же некоторые свойства людей выражаются в их письме, этого отрицать никак нельзя. Например, почерк с претенциозными завитушками говорит о том, что обладатель его самодовольный дурак, открытые сверху гласные свидетельствуют о доверчивости и откровенности, открытые внизу гласные — о лицемерии и лживости, длинные петли в буквах — о болтливости и неумении логично мыслить, а округленность рисунков букв — об эмоциональности, возбудимости и отзывчивости. Такой человек, если его настойчиво попросить о чем-нибудь, уступит просьбе, но вскоре начнет жалеть об этом. А беглое, размашистое письмо, как у некоторых, — профессор показал мизинцем на Даню, — как правило, отражает активную, предприимчивую натуру... не отягощенную соображениями морали.

Даню громко рассмеялся.

— Придется изменить почерк.

— Не мешало бы, — согласился Веласкес. — Это совсем не трудно. Можно выработать любой.

Я сказал:

— Отсюда вывод: давать характеристики на основании только одного графологического анализа довольно рискованно. Надо сопоставлять и с другими данными.

Даню вскинул палец к губам и наклонил голову, подражая манере профессора.

— Можно также изменить жесты, походку и манеру говорить. Чтобы дезориентировать людей.

Веласкес кивнул головой.

— Я учу вас, как распознавать других. Но те сведения, которые вы почерпнете из моего курса, пригодятся вам для того, чтобы научиться камуфлировать себя.

Мы стояли у открытого окна и пили кофе, который подали нам две темнокожие девочки лет семи-восьми — служанки профессора. На той стороне узкой

улицы, у югославского магазина обуви, толпились амхарки с кувшинами на голове и курчавые сомалийцы в цветастых юбках. Перед нами остановился спортивный седан «шевроле», которым правила католическая монашка в солнечных очках. Она высунула голову из машины и спросила о чем-то проходившего мимо солдата. У монашки было энергичное лицо — густые брови, короткий нос, усики.

Я начал:

— Лицо — Альфа-пять, брови — Би-четыре, нос — Эй-восемь, подбородок...

— Эй-шесть, — подхватил Даню. — Или нет... девять. Манера держать голову — пять.

Монашка захлопнула дверцу и быстро умчалась. Круто повернув в переулок, машина чуть не задела полуголого нищего, сидевшего на краю тротуара.

— А ведь недурна эта бенедиктинка, — профессор дернул эспаньолку. — Итальянка с севера — из Пьемонта или Ломбардии. Практический склад ума, быстрая реакция, упрямая...

— Вспыльчивая и нетерпеливая, — добавил Даню. — А по типу жестикуляции...

— Привыкла считать деньги, — сказал профессор. — Вероятно, она ведает финансовой частью монастыря или сбывает продукцию этого заведения. И по-видимому, играет в бадминтон — по манере двигать правым плечом.

Даню широко улыбнулся.

— А это верно, что у опытных соблазнителей вырабатывается способность с первого взгляда определять женщину?

— Без этого они не могут действовать. Так же как и коммивояжеры, страховые агенты, карманные воры и врачи-шарлатаны. Эта способность вырабатывается в результате длительной практики и является одним из важнейших профессиональных навыков.

— Призракам тоже нужен этот навык, — заметил Даню.

Я уточнил:

— Тем призракам, которые непосредственно зани-

маются обработкой людей, а не тем, кто руководит этими призраками.

Профессор откинул голову назад и произнес строгим голосом:

— Эта способность нужна всем без исключения призракам. И тем, кто будет непосредственно обрабатывать людей, и тем, кто будет делать это через своих подручных.

Усвоив технику чтения людей, мы стали изучать технику знакомства. Но об этом в следующем донесении.

второе донесение

а) НАУКА О ЗНАКОМСТВАХ

Вводную лекцию по теории и практике завязывания знакомств Веласкес начал так:

— Наша жизнь в обществе состоит из контактов с людьми. Мы должны строить контакты так, чтобы они приносили нам максимальную пользу. А для этого надо усвоить основные приемы общения, с помощью которых можно направлять контакты в нужную сторону, придавать им требуемый характер и обеспечивать их результативность. И так как большинство людей склонно составлять мнение о новых знакомых по первому впечатлению, очень важно научиться производить такое первое впечатление, какое вам необходимо для достижения поставленной цели.

Затем Веласкес стал говорить о том, как надо проводить акции завязывания знакомства.

Методы проведения этих акций варьируются в зависимости от пола, возраста, профессии, уровня культуры, социального положения, национальности, вероисповедания, характера, привычек, особенностей и прочих данных о. а. (объекта акции, то есть человека, с которым устанавливается знакомство).

Методы завязывания знакомства зависят также от места, где происходит данная акция. Нельзя при-

менять одни и те же методы, например, на публичной лекцин в университете и в казнно, в госпитале н в клубе нудистов, на похоронах и в гостиной, у гадалки, на правительственном приеме и в веселом заведенни.

В дальнейших лекциях говорилось о следующем:

1. Различные приемы для созданocc снтуацнн, удобной для завязывания знакомства с о. а. (например, симулирование падения на улнце или вывиха ногн на теннисном корте — использованне оказання вам помощи со стороны о. а. Прием «мизерикордиа» с варнациями).

Способы привлечення внимания к себе. Использование шуток, анекдотов, великосветских сплетен, сенсационных новостей, комнатных фокусов с зажигалками, платками, рюмками и другими предметами.

Методы завязывання знакомства через детей (в парках, поездах, самолетах, отелях) — прием «бамбино» с варнациями.

2. Методы развития знакомства.

Зондирование слабых сторон, уязвимых мест о. а. Трюки для углубления знакомства (классификацня, описание и номенклатура).

Тестирование о. а. Образы пробных пснхоаналитнческих диалогов для выяснення интеллектуального уровня, привычек; наклонностей, любнмых занятий о. а.

Зонднрование слабых сторон, уязвимых мест о. а.

Как нспользовать разные внды маний у о. а. — коллекционерскую, рыболовную, охотннчью, картежную, шахматную, садоводческую, спортивную, гурманство, любовь к музыке и живописи, к эротическим книжкам, винам, детективной литературе, нитерес к чудодейственным препаратам, разлнчным спо• собам гаданья и забавам, щекочущим нервы, вроде русской рулетки — стрельбе в темноте по жнвой мишени.

Трюки по части секса (легальные и нелегальные).

Изученне комплекса специальных махннацнй с игральнымн картами, костяшками мачжонга и

игральными костями (для выигрывания у о. а. или проигрывания ему, в зависимости от поставленной задачи).

3. Методы закрепления знакомства.

Способы воздействия на о. а. Овладение его волей, установление контроля над его психикой и сознанием (обзор трюков, описание, терминология).

Специальные трюки (ординарные и экстраординарные) — например, «Горячее ожерелье», «Покер на эшафоте», «Слалом королевы», «Цианистый епископ», «Улыбка Эйхмана» и другие.

(Мне особенно понравилась лекция о специальных трюках для форсирования развития знакомств — с приведением исторических примеров. В одном из них я узнал тот случай, о котором вы мне рассказывали, — о вашей операции в Мозамбике в прошлом году.)

б) КАК НАДО УГОВАРИВАТЬ! ФОРМУЛА

После лекции по технике знакомства Веласкес перешел к самой важной части своего курса — технике уговаривания, то есть обработки о. а., с целью понуждения его к тому или иному действию. Без освоения этого искусства нельзя выполнять функции призрака, так же как нельзя играть в ватерполо, не умея плавать.

Прежде всего мы прослушали записанные на магнитофоне образцы уговаривания. Их было довольно много, приведу некоторые:

1. Коммивояжер уговаривает глуховатую старушку купить слуховой аппарат, а заодно и стереофон.

2. Представитель вновь возникшей секты убеждает полковника в отставке вступить в секту и внести членский взнос за год вперед.

3. Страховой агент доказывает бейсболисту-профессионалу необходимость страхования правой руки.

4. Молодой киноактер упрашивает богатую вдову купить для него лимузин цвета «готическое золото» с силовым управлением «ротомат» и поехать с ним на сафари (охоту на крупных зверей) в Центральную Африку.

5. Уполномоченный группы сторонников одного кандидата в конгресс договаривается с владельцем газеты прекратить поддержку другого кандидата и опубликовать сведения, компрометирующие последнего.

6. Агент фармакологической фирмы добивается у министра здравоохранения одного маленького африканского государства согласия на покупку большой партии таблеток против курения и мази для выпрямления волос.

Мы изучили основные приемы уговаривания — от А до М с цифровыми вариантами, 10 вспомогательных приемов и 15 комбинированных приемов, а также интонации и стили словесного воздействия — например, императивный, акцентрированно-логичный, эксцитативный, альтернативный, реитерационный и другие.

В результате всего этого мы научились, прослушивая диалог, сразу же определять — какой применяется прием уговаривания, номер интонации и стиля. Формула уговаривания наполнилась для нас конкретным содержанием.

Уговаривание (У) — это результат навязывания воли (В) объекту акции (о. а.) на основе избранного тактического рисунка, то есть метода (М) и применения трюков (Т).

Таким образом:

$$\text{У} = \frac{\text{В} + \text{М} + \text{Т}}{\text{о. а.}}.$$

Но процесс уговаривания можно ускорить путем применения форсированного трюка.

Скорость уговаривания (СУ) — это воля плюс метод, умноженные на форсированный трюк (ФТ):

$$\text{СУ} = \frac{(\text{В} + \text{М}) \times \text{ФТ}}{\text{о. а.}}.$$

Под форсированными трюками подразумеваются различные экстраординарные меры, ставящие целью не только обеспечить успех уговаривания, но и сократить вообще процесс последнего — то есть сэко-

номить затрату энергии, требуемой для произнесения слов и для жестикуляции, и сократить время, расходуемое на уговаривание о. а.

К числу ФТ, в частности, относятся меры, способствующие приведению о. а. в такое психическое или физическое состояние, при котором его сопротивляемость резко понижается, например:

а) терроризирование о. а. телефонными звонками, анонимными письмами или прямыми физическими акциями,

б) в тех случаях, когда о. а. суеверен, — инсценирование таких случаев, которые будут выглядеть как приметы или предвестия,

в) воздействие на нервную, слуховую и зрительную систему о. а. с помощью возбуждающих сообщений, восклицаний, музыки и изображений,

г) введение под тем или иным замаскированным предлогом в организм о. а. средств, действующих на нейроны головного мозга и нервную систему: спиртных напитков, пентоталовых и амиталовых препаратов, наркотиков и прочих снадобий (сведения об использовании препаратов мы найдем в литературе по специальной фармакологии, с которой должны будем ознакомиться после того, как закончим слушание лекций).

Наряду с ФТ мы изучили все виды вспомогательных мер, то есть таких, которые обеспечивают создание обстановки, настроения и атмосферы, удобных для проведения уговаривания (выбор места для встречи, мебели, цвета стен, картин на стенах, книг на полках и в шкафах, средств воздействия на обоняние уговариваемого, музыкального фона, одежды уговаривателя и т. д.). Эти вспомогательные меры часто играют весьма важную роль, оказывая влияние на уговариваемого, — например, некоторые о. а. становятся сразу же более податливыми, увидев творения своих любимых писателей или художников в комнате, где происходит акция уговаривания. Также имеет немаловажное значение музыкальный фон — под какую музыку проходит воздействие на о. а.

Последнюю лекцию Веласкес прочитал с большим подъемом, жестикулируя больше обычного. В заключение он сказал:

— Итак, я приобщил вас к науке, касающейся словесной обработки отдельных людей. Но можно уговаривать также множество индивидуумов путем синхронного воздействия на их сознание и эмоции. Но такая массовая обработка людских контингентов связана с техникой пропаганды, искусством рекламы, психологической войной и новейшими прикладными науками о торговых операциях, в частности, с исследованием побудительных мотивов. С некоторыми аспектами массового уговаривания, имеющими близкое отношение к деятельности призраков, вы познакомитесь позже, когда будете изучать технику пускания слухов. На этом я кончаю лекцию по моему курсу. Теперь я проверю на живой практике, как вами усвоена теория. Желаю успеха. Разрешите... благословить вас жестом из магического ритуала японских самураев секретной службы.

Он эффектно тряхнул шевелюрой, закрыл глаза, сложил перед своим носом руки, соединив большие и средние пальцы обеих рук и слегка согнув остальные.

в) ШПИОНСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

Вечером я приводил в порядок свои записи, а Даню валялся на диване и читал шпионский роман — на обложке была изображена голая женщина в папахе с красной звездой и с револьвером в руке: она целилась в читателя.

Даню стал читать вслух:

— «Рука генерала потянулась к внутреннему телефону. Он приказал адъютанту: «Приготовьте смертный приговор». Голос генерала охрип. «Зовут его Джеймз Бонд, категория — английский разведчик, враг нашей страны». Положив трубку, генерал подался вперед, не вставая со стула. «На этот раз надо провести как следует тайную операцию. Ни в коем случае не допустить промаха». Открылась дверь, вошел адъютант с желтым листом бумаги. По-

ложив лист перед генералом, адъютант вышел. Генерал пробежал глазами документ и начертал на больших полях внизу...»

Даню фыркнул и с шумом захлопнул книжку. Потом взял другую и открыл последнюю страницу.

— Вот слушай. «Посол осторожно обнял ее, она вздрогнула и прильнула к нему. От золотистых волос Людмилы шел смешанный аромат русских духов «Белые ночи» и коньяка «Арарат». И вдруг посол почувствовал — в третью пуговицу его пижамы уперлось дуло пистолета — судя по всему, «токарев», калибр 0.22. «Шевельнетесь, нажму курок, — нежно промурлыкала Людмила. — Где пакет с условиями секретного договора с Западной Германией?» — «Какими?» — пролепетал посол, стараясь не дышать. «Которые доставил вчерашний дипкурьер. Считаю: раз, два...» Посол вздохнул и произнес сквозь зубы: «В третьем ящичке потайного сейфа за книжной полкой». Людмила ткнула «токаревым» в пуговицу. «Полка большая. За какой книгой?» — «За книгой стихов Роберта Браунинга». Дуло пистолета соскользнуло с пуговицы и уперлось в живот посла. Он услышал шипящий шепот: «Браунинг стихов не пишет — это пистолет, а не поэт. Не крути». В этот момент в дверь громко постучали и раздался голос майора Уайтхэда. Людмила произнесла древнерусское ругательство и нажала курок...»

Даню дернул головой и, размахнувшись, бросил книжку на мой стол. Я машинально подумал: жест 8.

— И все в таком же духе, — Даню закинул ногу на спинку дивана, — пароли, зашифрованные директивы, украденные ученые, задушенные дипкурьеры, красотки с радиопередатчиками в бюстгальтерах...

— Унитазы с микрофонами, — подхватил я, — авторучки, стреляющие отравленными пулями, диверсанты под кроватью любовницы начальника отдела Си-Ай-Эй...

Даню встал с дивана и заглянул в мою тетрадь — я переписывал красными чернилами обозначения

форсированных трюков, комбинированных приемов и формулы.

— Представляю себе, — Даню рассмеялся, — как обалдели бы сочинители шпионских романов, если б заглянули в наши тетради. Это так непохоже на их писания.

— Потому что они никогда в жизни не видели ни одного шпиона и знают о нашем деле столько же, сколько о футболе на Юпитере.

— Говорят, что двенадцать книжек Флеминга были изданы в количестве пятидесяти миллионов экземпляров. И это только на английском языке. А сколько еще на других! — Даню щелкнул языком. — Воображаю, какие сумасшедшие деньги он зарабатывал на своей белиберде.

— После его внезапной смерти в газетах много писали о его несметных богатствах. Его годовой доход равнялся в среднем одному миллиону долларов, он купил роскошный особняк как раз напротив Букингемского дворца, на Флит-стрите завел контору, устланную драгоценнейшими коврами, а на Ямайке у него была вилла «Голден Айз», и он любил смотреть со скалы на акул и барракуд и придумывать сюжеты.

— Поработаю несколько лет, узнаю много интересного и накатаю... — Даню свистнул, — такой шпионский роман, что все эти писаки сдохнут от зависти....

Я покачал головой.

— Если напишешь правду, то сдохнешь раньше их. Тебя запихнут в нейлоновый мешок и опустят на дно моря. И какой-нибудь новый Флеминг будет смотреть со скалы, как тебя пожирают барракуды.

г) О. а. — 1, и о. а. — 2

На следующий день Веласкес повез нас в горный курортный городок — в двух часах езды на машине. Здесь находился бассейн для плавания, предназначенный для иностранной и туземной знати. Недале-

ко от бассейна — дворец для загородных официальных приемов.

Мы сели у парапета нижней веранды и стали разглядывать купающихся. Было ниже тридцати градусов — в декабре в горах стоит умеренная жара. Народу было немного, через несколько дней рождество, европейцы готовились к празднику.

— Выбирайте сами, — тихо сказал Веласкес, — возраст: двадцать — двадцать четыре, тип — бизнес-герл хорошего тона. Выбирая прием, на всякий случай готовьте варианты, чтобы сейчас же перейти к ним в случае осечки. Завтра доложите мне, проведем разбор. Составьте схему проведенной акции с указанием приемов и хронометража. Сейчас я уеду.

Он пошел в другой конец веранды к двум студентам нашей группы — курчавому конголезцу Куанго и долговязому европейцу Бану, называвшему себя аргентинцем.

Очевидно, Куанго и Бан тоже приехали на практические занятия по технике знакомства.

Мы выбирали недолго — остановились на двух девицах, темной шатенке и платиновой блондинке. Они стояли на лесенке, разговаривая с седым важного вида господином в разрисованной спортивной рубашке и шортах. Блондинка смеялась, качая ногой, а шатенка вежливо улыбалась. Затем девицы спустились в воду, немного поплавали и поднялись на веранду. К этому времени мы закончили анализ их внешних данных, выбрали два приема по завязке знакомства (один — запасной) и наметили программу дебютного зондажного разговора.

Мы начали. Проходя мимо них, Даню сделал вид, будто кинокамера выскользнула из его руки — рассчитал так, чтобы блондинка подхватила аппарат. Он поблагодарил, попросил разрешения снять их, заставил сделать несколько движений, рассмешил их, показав, что еще не умеет снимать. На этой почве провел обмен фразами с шатенкой — в общем получился прием «лолита» с дополнением Ди-3. Затем он подозвал меня, представил. Завязка прошла

гладко, мы сели за столик, взяли мягкие напитки, и через несколько минут я согласно плану, направил разговор по темам групп 2 и 5 (выяснение образа жизни и интеллектуального уровня о. а.).

Мой внешний диагноз оказался правильным — роль старшей играла шатенка, блондинка следовала за ней. На одно замечание Даню с фривольным оттенком шатенка ответила поднятием левой брови и легким движением нижней губы — то есть моторной реакцией рта на 2 балла. Отсюда вывод: в отношении шатенки следует придерживаться тактики «модерато-4» без педалирования.

Выяснилось: шатенку зовут Гаянэ, она армянка, ее дед накануне первой мировой войны бежал из Смирны в Салоники, а после смерти отца Гаянэ с матерью переселились в Африку. Гаянэ служит в конторе авиакомпании «Эр Франс». Блондинка — Вильма, итальянка, родилась здесь, дядя ее адвокат, она работает у него, мечтает поехать в Японию — учиться у Тесигавары искусству аранжировки цветов (Гаянэ — о. а. — 1, Вильма — о. а. — 2).

Встреча в общей сложности продолжалась 80 минут, из них 65 за столиком, 15 — на верхней веранде и на площадке перед машинами. Разговор прошел в хорошем ритме, легкий перебой произошел только в конце беседы: Даню проявил тенденцию перейти на тон, рекомендуемый для второй стадии, но я, заметив ироническое прищуривание о. а. — 1, подал ему предостерегающий знак — поправил галстук двумя пальцами. Даню избрал с первой минуты манеру «гассман» — беззаботный весельчак, легкомысленный, с пробелами в воспитании, но без цинизма. А я действовал в манере «меллер» — сдержанный, рассудительный, скептик, но тактичный.

Концовка встречи в общем прошла удачно — без всякого акцентирования мы добились обещания встретиться в конце следующей недели. Девицы уехали первыми — за руль села о. а. — 2. Прощаясь, она задержала взгляд на Даню на какую-то долю секунды дольше, чем следовало.

Веласкес одобрил избранную нами форму прове-

дения акции и тактическую линию, согласившись с тем, что надо особенно внимательно следить за речевыми реакциями о. а. — 1.

Набор тем, затронутых нами в ходе прощупывающего (зондажного) разговора, тоже удовлетворил Веласкеса. Даню говорил на следующие темы: стили плавания, фигуры белли-данса, то есть танца живота, применяемые в твисте; нашумевшие картины Дюшана «Невеста, раздетая холостяком» и японца Исибаси «Белые слезы обанкротившегося испанца», шедевры неореалистов Портера и Гудмана (Даню не признавал поп-артистов и старался совсем не упоминать их); концерт «активной музыки» в американском посольстве, во время которого были распилены рояль и две виолончели, и фильм Ингмара Бергмана «Молчание» со сценой, которую почти во всех странах вырезывают. Фривольные намеки не вызвали нужного реагирования, и Даню сделал быстрое переключение на злобу дня — таинственную автомобильную аварию на дороге Асмара — Массауа.

А я после разговора о музыке перешел к стихам Рембо и коснулся полемики вокруг его знаменитого стихотворения «Гласные», затем рассказал о том, как Рембо поставлял оружие Менелику Второму и бывал в этих местах. Остальная часть разговора не имела никакого целевого назначения.

В результате разбора акции завязки знакомства Веласкес отметил, что начальную стадию разговора мы должны были провести с упором на то, чтобы сильнее заинтересовать девиц своими персонами, можно было бы даже слегка заинтриговать их — в духе комбинированных приемов 16 и 19. Первый наверняка подействует на о. а. — 2. И кроме этого, мы упустили из виду вспомогательную меру — на верхней веранде, где менее людно и где музыка звучит глуше, легче было бы придать разговору более сосредоточенный и интимный характер.

— Даю вам неделю на составление общего плана обработки обеих особ, — сказал Веласкес и, прищурив глаз, стал изучать снимки девиц с видом энтомолога, разглядывающего пришпиленных бабо-

чек. — Конечная цель данной обработки — подчинить их полностью, установить абсолютный контроль над их волей. Вся операция должна занять полтора-два месяца, без форсирования. Немного труднее будет с о. а. — 1. Пока что наметим план трех ближайших парных встреч. После этого вы разделитесь и будете действовать порознь.

Веласкес начертал на развернутом листе бумаги: «1 в» (то есть 1-я встреча), провел черту и под ней написал название двух основных приемов и номер вспомогательных, затем указал интервал между 1в и 2в — пять дней, с двумя телефонными звонками.

— Когда кончите эту операцию, — сказал он, — приступите к новой. В ней в качестве о. а. будут фигурировать две дамы из дипломатического корпуса выше среднего возраста. Эта обработка будет иметь особо деликатный характер, так как придется проводить всю игру в плане адюльтера, зная, что мужья дам пользуются дипломатическим иммунитетом и имеют право, — он чуть заметно улыбнулся, — носить огнестрельное оружие.

д) ФТ С БАНДИТАМИ

Мы подъехали к конторе «Эр Франс» — рядом с филиалом компании кинопроката «Ампеа» — и, взяв наших о. а., направились к загородному отелю у озера — кратера потухшего вулкана. После прогулки вокруг озера потанцевали в дансхолле, поупражнялись в бросании металлических стрел и пообедали — все прошло по намеченному плану.

О. а. — 2 (Вильма) владела искусством разговора ни о чем — в плане легкого флирта, о. а. — 1 (Гаянэ) больше слушала. Когда вступала в разговор, то отвечала уклончиво, но ее большие глаза не умели хитрить — говорили прямо: согласна с вами или нет, нравится или нет. И левая бровь ее тоже не скрытничала.

Даню на прошлой встрече израсходовал много шуток и острот из набора «денди-дебют», поэтому на этот раз был экономнее. Зато блеснул в дансхолле —

он и Вильма оказались лучшей парой, и бразильская самба и ватусси вызвали аплодисменты всего зала, а мэдисон — даже овацию. В последнем им особенно удались фигуры «баскетбол» и «большой эм». Я спросил Гаянэ: «Здорово танцует мой друг?» Она губами ответила «да», но в ее глазах я прочел: «Мужчине неприлично танцевать слишком хорошо».

Уже темнело, когда мы собрались домой. Поляна перед рестораном была забита машинами, и нам пришлось оставить «оппель» в лесочке за кегельбаном. Мы подошли к машине, Даню осветил фонариком машину. И тут произошло то, что часто происходит в детективных рассказах о бандитах.

Из окошка машины высунулась рука с револьвером, раздался возглас: «Руки вверх!», из-за машины вышел человек в маске, отобрал сумочки у девиц, приказал им снять часики с рук, но вдруг Даню выхватил револьвер из руки, торчавшей из машины, ударом ноги повалил человека в маске, тот быстро поднялся и, швырнув сумки в траву, бросился к деревьям; хлопнула дверца машины, сидевший в ней побежал в другую сторону; Даню погнался за ним, но спустя несколько минут вернулся — в темноте было трудно преследовать.

Мы решили не поднимать шума здесь, а поехать в город и там заявить полиции. На обратном пути Вильма на все лады восторгалась отвагой и ловкостью Даню, сравнивая его с Бондом и Дюрелом — чудо-героями шпионских романов. Гаянэ тоже похвалила Даню, но я почувствовал, что это только дань вежливости. Меня, запомнившего на всю жизнь лекции Веласкеса об интонациях и манерах говорить, а также об их психоаналитической дешифровке, нельзя было обмануть. Я попытался заглянуть Гаянэ в глаза, но в машине было темно. Временами, когда мы проезжали мимо фонарей, глаза о. а. — 1 поблескивали, как у пантеры.

Вильма издали увидела крест, горящий в небе, и, сложив руки, возблагодарила святую деву за спасение. Это было действительно эффектно — над темной громадой католического храма в вышине блистал

неоновый крест, словно спущенный с неба. Я подумал: отцы церкви тоже придумывают трюки, интересно только — нумеруют их или дают названия?

Веласкес остался доволен докладом о проведенной встрече и одобрил ФТ с нападением бандитов (двум мойщикам машин из гаража отеля было уплачено по три доллара).

Профессор покрутил мизинцем в воздухе.

— Теперь будет достаточно двух-трех приемов в соответствующем темпе, и о. а. — 2 будет готова. Посмотрим, как вы будете работать в отдельности.

е) ПРАКТИКУМ ПО ШИФРОВЕДЕНИЮ

На две недели мы были переданы в распоряжение профессора Рубенса — криптолога, американца ирландского происхождения, бородатого, неопрятного, как францисканский монах. Он познакомил нас с различными способами кодирования путем использования музыкальных нот, диаграмм, чертежей, шахматных партий и кроссвордов.

Затем мы получили необходимые сведения о трех системах шифров на основе простых, параллельных и квадратных буквенных замен. Рубенс посоветовал нам обратить серьезное внимание на статистические подсчеты, произведенные шифроведами ряда стран. Я узнал, например, какие буквы чаще всего встречаются в документах политического характера на разных языках. По подсчету, сделанному Эдгаром По, в английском языке частота употребления букв располагается в следующем порядке: E, A, O, I, D, R, S, T, и во французском (подсчет Валерио) — E, N, A, T, I, R, S, U.

Рубенс предложил Даню провести такие же подсчеты на языках амхарском, тигре и данакильском, а мне — на языках банту.

В конце этого семинара мы изучили различные методы условной связи, в частности пальцевые и жестикуляционные коды жуликов на скачках, биржевых маклеров, карманных воров и шулеров в казино. Но особенно мне понравились способы, применяемые

сыщиками, состоящими на службе в больших отелях, в таких, например, как «Крийон» и «Риц» в Париже, «Уолдорф Астория» и «Амбассадор» в Нью-Йорке и «Хасслер» и «Бернино Бристоль» в Риме. Кроме этого, мы изучили служебные коды сыщиков и барменов в отелях концерна Хилтона в Америке, Западном Берлине, Роттердаме, Каире, Стамбуле, Мадриде и в странах Латинской Америки.

А через неделю по окончании этого весьма полезного семинара нам объявили, что на днях вызовут к Командору. Об этом — в следующем донесении.

третье донесение

а) ДОЗВОЛЕННЫЕ КОНТАКТЫ

Я заметил, что Даню вовсю использует усвоенную им технику общения для развития контактов с другими студентами нашей группы.

Мы с Даню числимся в штате библиотеки местного филиала христианского союза молодых людей в качестве распространителей религиозной литературы.

В первую очередь Даню сблизился с Баном — долговязым парнем с одутловатым лицом и презрительно прищуренными глазами. Он родился в Аргентине, где его отец, украинский националист, обосновался еще до войны.

Бан стал приходить к нам на квартиру (мы снимаем две комнаты у итальянца — преподавателя дзюдо в школе). Затем Бан привел к нам ливанца Анвара Макери, красавца с лохматыми бровями, самого молчаливого в нашей группе. Он происходит из очень знатного и богатого рода. Состоит в штате рекламного бюро филиала компании Мишлен.

Даню успокоил меня — он получил от Веласкеса разрешение свободно общаться с товарищами по группе. Если бы имелось в виду изолировать нас друг от друга, то не учили бы всех вместе. Очевидно, мы будем работать в разных направлениях. Для обуче-

ния нас порознь потребовалось бы слишком много преподавателей.

Я узнал от Даню, что кое-кто из нашей группы уже начал готовить дипломную работу. Например, Гаиб из Саудовской Аравии — худощавый, изящный как девушка, с глубоко запавшими глазами, уже ездил в Южную Родезию для выполнения доверительного задания. Каждому из нас придется сдать дипломную работу, то есть принять участие в какой-нибудь операции под непосредственным руководством Командора.

б) ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Больше всего нас интересовал, конечно, наш повелитель — Командор. Я помнил ваши слова о том, что во главе школы стоит человек, уже вошедший в историю. Но не в ту, которую изучают историки, а в ту, которая пишется невидимыми чернилами и предназначается только для посвященных.

Кое-что нам сообщил Веласкес.

Во время второй мировой войны Командор проводил заброски специального назначения в антифашистские подпольные организации на Европейском континенте с целью освободить их из-под влияния коммунистов.

По ходу дела Командору приходилось устанавливать тайные контакты с нацистскими контрразведчиками, в частности с чинами секретной службы СС, чтобы обеспечивать успешность операций против красных в странах, оккупированных Германией. А к концу войны Командор был поставлен во главе специальной группы — «ноль-команды», выполнявшей особо деликатные задания. Она занималась замаскированной ликвидацией живых объектов путем организации аварий и прочих несчастных случаев, а также путем инсценировки самоубийств.

— А кого убирали? — поинтересовался я у Веласкеса.

Профессор ответил довольно туманно, но мы с Даню поняли, что в первую очередь закрыли навсегда рот тем, кто знал слишком много и мог бы вы-

ступить с нежелательными разоблачениями после войны.

Из слов Веласкеса выяснилось также, что после войны Командора стали посылать в некоторые страны для проведения специальных акций. Больше ничего выжать из профессора не удалось — в отношении него техника уговаривания не действовала. Все усвоенные нами приемы интонации и стили словесного воздействия отскакивали от него, как бумажные стрелы от танка.

Те сведения, которые добывал Даню из неизвестных мне источников, смахивали на легенды, придававшие Командору очертания мифологического героя. Я сказал Даню, что после всех рассказов о похождениях нашего шефа за «железным занавесом», в Конго, Индонезии, Ираке, Йемене, Вьетнаме, на Кубе и на отрогах Гималаев, остается только признать, что Командор ничуть не уступает фольклорному сверхвеликану Полю Бэньяну или герою фантастических романов Бэрроуза — Джону Картеру, сражавшемуся на Марсе с четырехрукими чудовищами. И очень напоминает выдуманного одним американским дипломатом гениального разведчика Роберта Линкольна, который проник в Атомград и выкрал у русских водородную бомбу, нашел живого Гитлера в Патагонии, в горной пещере, и совершил ряд необыкновенных подвигов в Афганистане, Иране, на Тихом океане и в остальных частях планеты.

Моя критика заставила Даню относиться более осторожно к информаторам.

Однажды вечером к нам зашел Бан, и мы отправились в кино, где демонстрировалась картина «Восхитительная идиотка» с участием Бриджит Бардо и Перкинса о деятельности красных агентов в Лондоне. По ходу действия красные убивают друг друга, а Бриджит, играющая роль глупенькой модистки, флиртует, раздевается — действует в своем обычном стиле, но в самом конце фильма вдруг оказывается хитроумным офицером английской контрразведки, устроившим ловушку агентам Москвы.

Как только зажегся свет, Даню швырнул сигарету на пол и громко заявил:

— Абсолютно идиотская картина.

Я согласился с ним:

— Стопроцентная чушь.

Бан хмыкнул, посмотрел по сторонам и, скривив рот, процедил:

— Один эпизод в этой картине, кажется, взят из жизни нашего шефа.

— Какой? — спросил я.

Бан снова огляделся и облизнул губы:

— Этот разговор не для улицы. И у меня горло пересохло.

Даню подал мне знак, и мы затащили Бана к себе. От бутылки шведского аквавита он ничуть не опьянел, только стал еще более угрюмым и молчаливым, но после того, как я откупорил бутылку 86-градусного бурбон-виски, он вытащил из заднего кармана крохотный металлический флакончик, отсыпал из него на тыльную сторону ладони щепотку белого порошка и с шумом втянул это в нос. Впервые я увидел, как нюхают кокаин.

Бан несколько раз шмыгнул носом, лизнул то место руки, где был порошок, и выпил несколько рюмок подряд.

— Вы оба скоро начнете работать у главного, — сказал он, шумно втягивая воздух. — В его личной группе. Поэтому вам можно сказать. Помните случай около Джидды в прошлом году?

Мы читали в газетах об этом происшествии: во время подводной охоты был нечаянно застрелен итальянский дипломат, который должен был скоро уехать на родину и жениться на какой-то пожилой принцессе.

— Наш шеф приехал за несколько дней до этого в Джидду. — Бан выпил рюмку и лизнул руку. — И так каждый раз...

К тому моменту, когда он осушил всю бутылку бурбона, мы узнали о нескольких аналогичных случаях.

Командор прибывает в Рио-де-Жанейро. Через

некоторое время бесследно исчезает местный журналист Озеас Феррейра, который собирался выступить с разоблачеиями тайных махинаций иностранной державы. После долгих поисков труп с пулевыми и колотыми ранами на всем теле находят в лесу. Заключение полиции — самоубийство.

Командор прибывает в Ндолу за два дня до приезда комиссии ООН по расследованию обстоятельств катастрофы с самолетом Хаммаршельда. Перед самым прибытием комиссии единственный уцелевший из свиты генерального секретаря, шведский сержант Джулиан, лежавший в местном госпитале, вдруг умирает.

Через несколько месяцев Командор снова прибывает в Ндолу, и спустя три дня в результате автомобильной аварии погибает один из виднейших африканских лидеров, Лоуренс Катилунгу.

Спустя четыре дня после прилета Командора в Ньясаленд происходит автомобильная авария, жертвой которой оказывается руководитель национального движения ньясалендцев Дундуза Чисиза.

Командор прилетает в Бейрут. А через несколько дней происходит катастрофа с самолетом ливанского миллионера-нефтепромышленника Эмиля Бустани. Его самолет вскоре после взлета взрывается и падает в море.

На следующий день после появления Командора в Афинах в больнице скоропостижно умирает Андреадис, занимавший видный пост в министерстве иностранных дел Греции и ведавший секретными денежными фондами кабинета Караманлиса. У врача возникает подозрение, что Андреадису в вену ввели воздух. Заключение полиции: самоубийство по личным мотивам. Потом выяснилось, что из сейфов министерства исчезло несколько папок с секретными документами.

До этого Командор появлялся в Греции несколько раз — каждый раз накануне таких убийств, тайну которых полиции не удавалось раскрыть.

А спустя неделю после приезда Командора в Аддис-Абебу в двухстах километрах от столицы нахо-

дят труп Карла Бабора, бывшего врача нацистского концлагеря. Незадолго до этого австрийское правительство узнало, что Бабор скрывается в Эфиопии, и потребовало его выдачи. Бабор знал очень многое о делах нацистов во время и после войны. Родственники Бабора объявили: самоубийство.

И каждый раз происходит именно так: в тот или иной пункт приезжает Командор, вскоре умирает человек, выясняется: несчастный случай или самоубийство; никаких подозрений ни на кого не падает, Командор уезжает.

— А почему он каждый раз приезжает сам? — спросил Даню.

Бан пожал плечами.

— Потому что исключительно добросовестно относится к делу. Не может доверить другим.

— А почему каждый раз появляется в натуральном виде? — спросил я. — Ведь можно принять другой вид?

Бан скривил рот.

— Я сказал только, что он появляется, но в каком виде — натуральном или чужом, — не говорил.

— Все понятно, — сказал Даню, улыбаясь.

Перед тем как уйти, Бан принял еще одну порцию порошка и запил это содовой. Заперев за ним дверь, Даню ударил себя по голым ляжкам и расхохотался.

— Все прославленные герои космических романов, вроде Джона Картера и Бэка Роджерса, сверхразведчики вроде Роберта Линкольна и герои шпионских романов, даже самых залихватских, выглядят как котята перед нашим шефом! И все Лоуренсы, Мата Хари, Канарисы, Доихары, Шульмейстеры, Цицероны меркнут, как керосиновые лампы перед солнцем!

— Если только Бан не врет.

— Может быть, и привирает, но в основном рассказанное им правда.

Я кивнул головой и молча дал себе клятву — никогда не соединять 86-градусный бурбон с кокаином — эта смесь может развязать язык даже у мертвого.

в) АУДИЕНЦИЯ

Рано утром в воскресенье к нам ввалился Бан. Он снял с книжной полки бутылку джина, не найдя рюмки, наполнил пластмассовый стаканчик для полоскания зубов и выпил одним духом. Понюхал руку и, скривив рот, произнес мрачным голосом:

— Вас обоих ждут. Быстро.

Он приехал за нами в «опеле». Мы выехали за город, промчались мимо мусульманского кладбища, коттеджа английского посла, радарной базы и направились в сторону гор.

Мы въехали в густой лес, по краям которого росли многовековые исполинские баобабы, и увидели за высокой каменной оградой небольшой особняк, окруженный зонтовидными акациями.

Бан подъехал к воротам, вылез из машины и нажал кнопку рядом с маленькой железной дверцей с глазком. Спустя несколько минут ворота открылись. Посреди ослепительно зеленой лужайки стоял двухэтажный темно-красный дом с белыми оконными рамами — таких домов много на окраинах Лондона. Мы остановились у бокового крыльца. Открыл нам старик суданец в красной феске и белых шароварах. Он показал нам на дверь в конце коридора и вместе с Баном пошел вниз в подвальный этаж.

Командор принял нас в небольшой комнате с обоями из искусственной кожи вишневого цвета. Письменный стол с интерфоном, несколькими телефонами разных цветов и магнитофонами разных размеров, дюралюминиевые книжные полки, на стене несколько фотографий композиций из велосипедных колес, чучел птиц и балалаек — очевидно, работы Курилова. В углу гипсовая статуя — копия женской фигуры Архипенко.

В ответ на наш поклон Командор поднял руку и показал на диван под большой картой Африки. Движения у него были ровные, машинальные.

Внешность Командора меня разочаровала. Редковатые волосы на голове, белесые брови и ресницы, очки в прозрачной оправе, лицо гладкое, равнодуш-

ное, ничем не примечательное. И говорил он ровно и тихо, как будто за стеной — тяжелобольной.

Я подумал: голос у него тусклый, обесцвеченный, совершенно нейтральный. Таким голосом, наверно, говорят привидения, и то самые флегматичные.

Рост у него был средний — не высокий и не низкий, фигура самая обычная, такую не заметишь в толпе. Одет в спортивную рубашку и штаны из бумажной рогожки неопределенного цвета. Такое впечатление, как будто он принял защитную окраску, чтобы ничем не выделяться.

Совсем не верилось, что это подчеркнуто бесцветное существо с банальнейшей внешностью — легендарная личность.

Он задал нам несколько вопросов о занятиях, спросил, понравились ли нам лекции. Затем объявил нам, что мы поступаем в его распоряжение.

— Скоро вы начнете слушать лекции по ниндзюцу — японской старинной теории нашего дела. — Он сделал паузу и медленно повторил: — Ниндзюцу. Наука номер один для вас. Японские ниндзя, так именовались самураи, усвоившие эту науку, могут служить вам примером.

Я сказал:

— В газетах писали, что Иан Флеминг незадолго до своей неожиданной смерти ездил в Японию изучать ниндзюцу и заявил, что эта самурайская наука совсем устарела и утратила всякое значение.

— Он поторопился с выводом, — тихо сказал Командор.

Даню засмеялся, показав все зубы, и кивнул в мою сторону.

— Мы с ним читаем в свободное время шпионские романы разных сочинителей и поражаемся — как можно читать такую дикую чепуху?

— Шпионские романы могут читать только люди без мозговых извилин, — сказал я.

Командор еле заметно мотнул головой и заговорил монотонным голосом:

— Эти книжки, к которым вы относитесь с таким презрением, приносят нам огромную пользу.

Они продаются во всех частях света. И всюду — от Марокко до Окинавы и от Мельбурна до Рейкьявика — головы читателей начиняются страшными историями о похождениях красных агентов. Миллионы экземпляров шпионских романов — это миллионы громкоговорителей, орущих на весь мир о злодеяниях нашего главного противника. Это первая функция шпионской беллетристики. Понятно?

Мы оба кивнули.

— Эти книжки прославляют на весь мир — от Пусана до Стамбула и от Патагонии до Лабрадора — подвиги американских и английских рыцарей тайной войны, показывают, как они уничтожают коммунистических диверсантов и террористов и защищают безопасность цивилизованного мира. Сочинители шпионских романов — это менестрели, гомеры эпохи «холодной войны». Они прививают вкус у миллионов читателей во всех странах к нашему делу, заинтересовывают молодых людей нашим рискованным и увлекательным ремеслом. В свое время книги Жаколио, Хаггарда, Эмара и других возбуждали аппетит у молодежи к авантюрам в заморских странах, которые надлежало приобщить к белой цивилизации. А теперь Флеминг и Ааронз, Марло и Брюс, Лафорест и Кенни и прочие авторы шпионских романов окружают ореолом нашу профессию и показывают, какими мы должны быть. Борьба идет беспощадная, враг коварен и свиреп, поэтому наши ниндзя должны подавить в себе все чувства, чтобы спокойно расправляться с вражескими лазутчиками. Шпионская беллетристика призвана сыграть важную роль в психологической мобилизации антикоммунистического лагеря. Такова ее вторая функция. Понятно?

— Да, — ответили мы.

Даню усмехнулся.

— Придется извиниться перед памятью Флеминга. Я считал его героя — агента Ее Величества 007 просто гибридом гангстера с ковбоем, к которым еще подмешали главного персонажа детских книжек — дурацкого Супермена, а оказывается, 007 — идеальный герой...

Командор перебил Даню:

— Кстати, насчет Супермена. Третья функция шпионских романов заключается в том, чтобы формировать мировоззрение, философию людей нашего дела. Наша работа проходит в полнейшей тайне, она скрыта от человеческих глаз. Обычные люди измеряются их видимыми делами, видимыми качествами. Чем больше известны их дела, тем выше они оцениваются. А мы измеряемся нашими тайными делами, нашими тайными качествами. Чем меньше знают нас, тем выше нас надо оценивать. Наш удел быть незаметными, мы рыцари Ордена Незримых Дел, мы каста призраков, стоящих над простыми смертными. Мы подлинные супермены, ибо влияем на жизнь и дела людей, воздействуем на историю и двигаем ее. Она не может развиваться без нас. Так же как не может идти спектакль без машинистов сцены — они поднимают занавес, меняют задники, вертят сцену, открывают люки, из которых поднимаются и в которые проваливаются актеры, — всё делают машинисты сцены. И точно так же действуем мы за кулисами политики, в то время как на сцене перед публикой двигаются главы правительств, министры и генералы. О них пишут в газетах, их голоса передаются по радио, их дела записывают историки, а наш удел — полная безвестность. Запомните слова из киплинговского «Кима»: «Мы, принимающие участие в игре, стоим вне защиты. Если мы умираем, то и дело с концом. Наши имена вычеркиваются из книг». Мы существа нулевого бытия, мы живем в плане У — это китайское слово означает Ничто, о нем говорится в учении буддийской секты цзен. Мы должны верить только в У — Ничто. Никакой романтики, никаких чувств, идеалов, патриотизма, кодекса морали, священных принципов — все это чепуха, для нас существует только Дело — борьба с врагом, которого мы должны победить любой ценой, даже ценой превращения всего мира в Великое У. Поиспански понимаете? Nada y pues nada.

— Ничто, и только ничто, — благоговейно произнес Даню.

— Правильно. Вот это наша философия, философия профессиональных призраков, могущественных джиннов электронно-ядерно-ракетного века. И чтобы постичь эту философию, надо начинать с проникновения в миропонимание и психологию Джеймза Бонда, Сэма Дюрела, Поля Гонса, Жака Бревала, Чета Драма, Хью Норма и прочих популярных героев шпионских романов. Сочинители этих романов утверждают нашу философию. Такова их третья функция. И мы должны относиться к ним с надлежащим уважением, а не третировать их. — Он сделал паузу, потом добавил: — Хотя как литераторы они...

— Нулевые, — подсказал Даню.

Я посмотрел на часы на книжной полке и, поймав взгляд Даню, оттопырил мизинец левой руки и слегка приподнял носок правой ноги — у сыщиков из штата стамбульского отеля «Хилтон» это означает: «Пора уходить».

Командор нажал кнопку интерфона и приказал принести через пять минут лекарство. Я встал с дивана.

— Значит, Флеминг ошибался насчет ниндзюцу?

— Да, — ответил Командор. — Он ничего не понимал в нашем деле, хотя во время войны был офицером военно-морской разведки и действовал по русской линии. Однако на этой работе он продемонстрировал абсолютную бездарность и, после того как его уволили, занялся литературой. Если бы он был хорошим работником секретной службы, то вряд ли отозвался бы так о ниндзюцу. Это очень важная наука. Перед тем как приступить к ее изучению, японские самураи проходили специальную муштровку духа и тела, чтобы научиться в совершенстве владеть собой и в частности своим лицом. Лицо призрака должно быть свободно...

— От всякого выражения, — сказал я.

— Оно должно быть свободно и от выражения и от отсутствия выражения. Потому что каменное, неподвижное лицо, то есть отсутствие выражения... — он взглянул на меня, — то самое, что вы сейчас стараетесь изобразить... это ведь тоже выражение.

Мы, ниндзя, должны маскировать все наши отличительные черты и видимые качества.

На интерфоне зажегся фиолетовый свет. Командор ткнул пальцем в одну из кнопок, поднес к уху наушник и, выслушав то, что ему сообщили, произнес:

— По второму делу продолжайте прежнюю манеру воздействия и готовьте условия для проведения приема «дунфын» с миттельшпилем типа Ди.

Положив наушник на стол, он кивнул нам в знак окончания аудиенции и слегка шевельнул щекой — это означало улыбку, но такую, в которой выражение сведено к минимуму.

Бан торопился в город — он гнал машину вовсю. Дорога была хорошая, можно было спокойно выжимать до ста километров. Я спросил Бана:

— У нашего шефа всегда такое... нейтральное лицо? И такой голос?

Бан кивнул головой:

— В обычное время такое. Сейчас он вроде актера без грима, отдыхающего между спектаклями. Но когда это надо, на его лицо можно положить любые краски. Он может надеть на лицо любое выражение и может говорить и двигаться по-разному. А сейчас...

Бан прищурил глаза и замолк, обгоняя машину. Я сказал:

— Сейчас у него все поставлено на нуль.

Даню рассмеялся.

— И мы должны научиться этому. Человека с таким лицом и манерой говорить и двигаться нельзя читать. Командор зашифровал себя.

— Да, — согласился я. — Он надежно защищен от всех таблиц Веласкеса.

г) ОБРАБОТКА о. а.—1

Зато наши о. а. не имели никакой защиты от знаний, которыми мы были вооружены с головы до ног. Борьба была неравная — мы могли видеть все их карты насквозь и предугадывать их ходы, а они ничего не могли видеть.

Веласкес поставил перед нами цель: добиться полиого подчииения о. а. — 1 и о. а. — 2 иашей воле, устаиовить полиый коитроль иад их созиаиием и психикой.

— На этом коичатся практические заиятия с этими объектами, — сказал ои, поглаживая двумя пальцами эспаиьолку. — А там посмотрим. Может быть, начием какую-иибудь акцию с участием обработанных вами объектов.

— Пустим в ход этих девиц? — спросил Даию.

Веласкес ответил изящиым кивком головы и, скользиув взглядом по иашим лицам, заметил:

— Спешу предупредить вас, будущих ииндзя, чтобы ие было иеприятиых иедоразумеиий... Эти девицы должиы для вас быть только объектами акции — и ничего больше.

— Вне зависимости от тех · отношеиий, которые могут у иас устаиовиться? — спросил я.

— То есть как «могут»? — Веласкес подиял палец. — Не «могут», а «должиы». Между вами и объектами акции должиы устаиовиться близкие, интимиые отиошеиия — такова цель проводимой акции. Но повторяю, во всех случаях эти объекты должиы остаться для вас только объектами акции — номер одии и иомер два, и ии иа йоту больше. Таково правило, нарушать которое ие советую.

Даию широко улыбиулся.

— Подопытиые обезьяики — и только.

После трех общих встреч, проведеииых в строгом соответствии с планом, мы разделились и стали встречаться отдельными парами. И стали отдельно друг от друга составлять плаиы встреч.

Но между иами образовался большой разрыв. Еще в ходе общих встреч Даию удалось успешио провести два комбииироваииых приема и форсироваиный трюк — иисцеиировать во время игры в теииис падеиие и вывих ноги (ФТ-7б). Под этим предлогом ои слег на иесколько дией и залучил Вильму иа нашу квартиру. Оиа стала приходить к иему одиа, без подруги, ио с условием, что буду присутствовать я.

Во всяком случае, благодаря этому ФТ Даню вырвался вперед. Веласкес признал, что обработка о. а. — 2 близится к финальной стадии.

— Я уже приучил ее к пощечинам, — сказал со смехом Даню. — Уже больше не плачет. А через три-четыре встречи начнет, как в одном французском фильме, целовать мне ноги.

Но у меня дело шло значительно хуже. Прежде всего сказывалась разница по части интеллектуального показателя (ИП), эмоционального строя (ЭС) и других данных, от которых зависит степень эффективности приемов и комбинаций, направленных на волю о. а.

На основании анализа внешних данных, манер и жестов Гаянэ я внес в ее формулярную карточку — в графу характеристики следующие пометки:

ИП (интеллектуальный показатель) — выше среднего. Сообразительна, реакция быстрая. Рассудительна. Хитрить не умеет. (У Веласкеса очень детально классифицированы движения бровей и машинальные жесты во время пауз и в минуты волнения. Благодаря этому удалось точно установить, что Гаянэ вспыльчива. А вспыльчивые не умеют последовательно хитрить.) Наблюдательна. Привычка: когда слушает, пристально смотрит вам в глаза.

Мои отчеты о встречах с о. а.—1 не нравились Веласкесу, но он все же не требовал форсирования.

— Все дело в неточности исходного анализа,— решил он.— Тактику «модерато-4» продолжайте, только надо сменить манеру «меллер». Продолжайте осторожно прощупывать объект и проверяйте приемы.

И я продолжал то, что требовалось: проводил прелиминарные подходы, то есть подготовку удобной ситуации для осуществления того или иного приема, делал ходы для проверки защитных реакций (ЗР) объекта и для проверки амплитуды колебаний речевых реакций на разговоры по разным группам тем. Заполнял формулярную карточку соответствующими пометками и цифрами — о проведенных ординарных и комбинированных приемах и ходе обработки.

Даню утешал меня:

— Твоя обезьянка, судя по выражению глаз во время разговоров на темы «секси-эф», явно сублимирует свои эмоции, их надо развязать. По-моему, ты провел слишком медлительный, спокойный дебют и потерял темп.

Дела у моего друга шли так хорошо, что он уже стал поучать меня.

Обработка Гаянэ продвигалась медленно. Но это вовсе не означало, что таблицы Веласкеса плохи. Благодаря им я был в курсе ее настроений и мог угадывать ее отношение ко мне. Вначале она присматривалась ко мне, но вскоре ее защитные реакции, в первую очередь настороженность, пошли на понижение. Этому способствовал в значительной степени тот разговор, который произошел у нас во время долгой ночной прогулки после концерта в итальянском клубе: мы обменялись воспоминаниями о детстве.

Она рассказала, что провела детство в Греции, отец умер после войны, и мать перебралась сперва в Каир, потом сюда и стала работать корректором в типографии при ипподроме. Здесь живет дядя — старший брат отца, он лесничий в монастырском заповеднике. В прошлом году Гаянэ устроилась на работу, а старшая сестра недавно вышла замуж за дантиста и уехала с ним в Армению. Когда она рассказывала об этом, мы проходили мимо домиков с тростниковыми пологами на дверях. Оттуда выглядывали девочки-подростки с накрашенными губами и зазывали прохожих. Гаянэ сказала, что десятилетнюю девочку, жившую в их переулке, на днях продали в один из этих домов.

После этой встречи я поставил в формулярной карточке о. а.—1 пометку о том, что обмен излияниями на автобиографические темы прошел успешно и создана почва для проведения разговоров на темы группы 7 (жалобы на духовное одиночество, разочарование в друзьях, мысли о бесцельности существования и т. д. — цель: вызов сочувствия). Когда в ходе разговора я крепко взял ее под руку — я почувствовал легкое дрожание ее левой руки (непроизвольный тремор степени 3). Я не занес только в кар-

точку те слова, которые произнесла Гаянэ при прощании:

— Вы как-то странно говорите... Иногда совершенно нормально, а иногда так, как будто перед вами не я, а магнитофон. Но вы сами, наверно, не замечаете этого...

В темноте ее глаза опять блеснули, как у пантеры. И она так улыбнулась, что все таблицы Веласкеса вылетели у меня из головы.

Идя домой, я все время думал: нас научили тому, как следить за движениями, жестами, манерой говорить и мимикой других людей, но не тому, как следить за самим собой.

Я собирался пойти к Веласкесу с очередным отчетом, но он сам вызвал меня. У него сидели Даню и Бан. Веласкес объявил мне: я завтра утром должен пойти на встречу с одним человеком — мужчиной с фиолетовым шейным платком, он будет ждать меня напротив кафе «Нирвана», у входа в магазин похоронных принадлежностей с итальянской вывеской: «Pompe funebri». Но перед этим я должен зайти в кафе, сесть за столик и, убедившись в том, что никто не следит за мной, проследовать к месту встречи. Человек знает мои приметы — он сам подойдет ко мне и передаст коробочку с пилюлями против курения. Я должен сейчас же сесть в машину — белый спортивный «седан» — и меня отвезут на аэродром, где я встречусь с другим человеком, уезжающим за границу.

На следующий день я вовремя пришел в кафе, и, как только сел за столик у входа, ко мне подскочила маленькая женщина в большущих солнечных очках, похожих на маску, и в замшевых джинсах и шепнула по-французски: «Бегите скорей, вас хотят продырявить». Посмотрев в окно, она толкнула меня боком и выскочила из кафе. Я бросился за ней. Она подбежала к маленькому кабриолету типа «импала» и умчалась.

Я остановил такси и поехал к Веласкесу, но, не застав его, направился домой. Даню тоже не было, я помчался снова к профессору, но, проехав полдо-

роги, попроснл шофера повернуть в сторону кафе. Меня встретнл Бан н спроснл: где я пропадал? Я объяснил. Он оглядел меня прнщуреннымн глазамн и пронзнес свнстящнм шепотом:

— Плохо прндумалн. Просто струснли н побоялись прнйтн вовремя — н все сорвалось.

К счастью, Веласкес не счел меня лжецом. Выслушав мон объяснення — разговор пронсходнл в присутствнн Даню,— профессор постучал по столу кольцом на мнзннце.

— Вместо того чтобы броснться за этой женщиной н схватить ее, нлн погнаться за ее машиной, нлн хотя бы запомннть номер машнны, вы придумалн только одно: поехалн ко мне, потом стали метаться по городу, как...— он пошевелнл пальцамн, ища подходящее сравнение,— как курнца без головы. Вот н вся ваша оператнвная реакцня.

Он серднто подергал кончнки усов. Даню протянул мне листок бумагн:

— Протнв тебя был применен ФТ-9 с помощью женщнны, прнем заманнвання под вндом предупреждення об угрозе, темп — макснмально стремнтельный. Цель акцни — напугать тебя.

На листке была выведена формула акцни: ФТ-9 ж., прнем — «эпсилон», темп: престо 1, ц. а.: нап.

Веласкес мотнул головой и вернул Даню лнсток.

— Формула составлена неправнльно. Цель акции нензвестна. Возможно, что путем похищения хотелн добиться чего-то. Формула должна охватывать всю акцню в целом, а у вас речь идет только о дебютной стадни.

Я недоуменно пожал плечамн.

— Вообще вся нсторня какая-то неправдоподобная... Встреча у магазина похоронных прннадлежностей, антиннкотнннные пнлюлн, затем эта женщнна в джинсах... Все как будто нз самого вульгарного шпнонского фнльма.

Веласкес подошел к кннжной полке, выбрал кнnгу и, найдя нужную страннцу, откннул голову назад и медленно прочнтал:

— «Методы, какнмн меня учнли спасаться от

слежки, тайные встречи с агентами в самых несусветных местах, шифрованные сообщения, передача сведений через границу — все это было, конечно, необходимо, но так напоминало мне дешевые детективные романы...»

Он захлопнул книгу и, взяв другую, прочитал:

— «Помнишь, ты всегда смеялась над книжками, которые читала мисс Севидж,— о шпионах, убийцах, насилиях, сумасшедших и погонях на автомобилях. Но, дорогая, ведь это и есть реальная жизнь...»

Поставив обе книги на место, Веласкес сказал:

— Первая книга «Подводя итоги», вторая — «Ведомство страха». Авторы этих книг — бывшие призраки. Первый — Сомерсет Моэм, работал в России во время первой мировой войны, а второй — Грэм Грин, действовал в Западной Африке во время последней войны. И оба они знают, что с нами...— он провел мизинцем по эспаньолке,— происходят именно такие вещи, какие фигурируют в самых низкопробных шпионских книжках.

д) ВЕЛАСКЕС ПОДОЗРЕВАЕТ БАНА

Перед тем как начать слушание лекций по ниндзюцу, нам надо было пройти практикумы по вспомогательным дисциплинам, вроде радиотехники, топографии, оперативной химии (как изготовлять чернила и проявители для тайнописи, токсические, взрывчатые и зажигательные средства), специальной дипломатики, изучающей виды документов и методы изготовления печатей и пломб.

Этих прикладных дисциплин было одиннадцать, но я и Даню преодолели все практикумы, как заправские барьерные бегуны. Мне помогло то, что некоторые из этих дисциплин я усвоил во время прохождения вводного курса под вашим руководством. Лишний раз убеждаюсь, как мне помогла эта подготовка у вас.

После этого мы прослушали цикл лекций по всеобщей истории тайной войны. Но этот цикл, по существу говоря, явился повторением того курса, кото-

рый прочитал нам тогда ваш старший ассистент. Некоторый интерес представляли только лекции, в которых говорилось о том, как были организованы и почему провалились антиправительственные заговоры в Гвинее в 1960 году (план «Апперкэт») и на Цейлоне в 1963 году (план «Томахоук»). Мы узнали любопытные подробности вербовки де Мела, занимавшего тогда пост командующего военно-морским флотом Цейлона. Мне думается, что эту вербовочную комбинацию следовало бы изучать на семинаре в качестве образца: комбинированная обработка о. а. на базе приема «слалом королевы» с тремя вариантами ординарного шантажа.

Я касаюсь только тех лекций, которые представили для меня особый интерес, и не останавливаюсь на тех предметах, которые фигурируют в программе обычных школ, выпускающих призраков (например, техника наблюдения, подрывная пропаганда, теория контрразведки, цикл технических дисциплин, начиная с радиотехники и фотографии и кончая техникой подслушивания). И чтобы не загромождать своих донесений и не отнимать у вас лишнего времени, я не буду говорить о тех предметах, которые дали мне только знание многих любопытных фактов, но не обогатили моего духовного мира. Поэтому я не буду касаться лекций по таким предметам, как «Религиозные секты всего мира», «Левые идеологии», «Тактика специальной войны (антипартизанской)», «Методика подпольной работы», «Контрабандные организации и техника их работы» и «Уголовное подполье во всем мире».

Помимо этих дисциплин, мы занимаемся (факультативно) африканскими языками. Я сперва хотел изучать нилотские языки — общее ознакомление с грамматикой и фонетикой, но потом решил остановиться на языках банту.

— На той неделе начнете изучать ниндзюцу,— сообщил нам Бан, когда мы ехали на футбольный матч.— Но этой чести удостоятся далеко не все.

Новость нас очень заинтересовала. Мы узнали, что часть студентов сочтена пригодной только для

обычной агентурной работы, а часть — для мероприятий психологической войны. И только те, у кого наиболее высокие показатели оперативных качеств, будут заниматься дальше, чтобы стать призраками высшей категории. Их будущие функции — проведение политических акций особого характера. И к этой группе в числе немногих отнесены мы — я и Даню.

Даню высоко поднял брови и засмеялся.

— Значит, за нами незаметно наблюдали и ставили отметки?

Бан кивнул в мою сторону.

— За недавнюю историю ему снизили на несколько пунктов показатели оперативных качеств.

— Какие показатели? — спросил я.

— По храбрости, сообразительности и по находчивости в чрезвычайной ситуации.

— А кто следит за нами? — вкрадчиво спросил Даню.

Бан понюхал руку и заговорил о предстоящем матче между местной военной командой и сборной Ганы. По окончании матча мы поехали в сторону мужского монастыря, затем повернули обратно и устроили привал у бара около заправочной станции. Я купил в баре бутылку «олд парра» и протянул Бану, а Даню заявил, что дальше машину будет вести он.

Вечером перед сном я записал наиболее интересные сведения, вытянутые у Бана (я пользуюсь для записей изобретенным мной письмом — смесью уйгурского и согдийского алфавитов со стенографическими знаками системы Грэгга).

В группу избранных, кроме нас, зачислены ливанец Анвар Макери, которого мы знаем, Умар Кюеле из Мали и конголезец Куанго — все из команды Веласкеса. Что касается Гаиба аль-Ахмади из Саудовской Аравии, суданца Мауда и Феннмора Вайярнмо из Кении, то они пройдут курс позже — сейчас они выполняют задание в одном районе Западной Африки.

На вопрос Даню — куда девался Поль Маунда из Родезии — Бан ответил, что о студентах из команды профессора Рубенса он знает мало.

Вести курс ниндзюцу будет профессор Утамаро, востоковед, знает китайский, японский и арабский. Во время войны работал в Африке и на Ближнем Востоке в качестве нацистского ниндзя и незадолго до капитуляции Германии очутился в Мадриде, где сменил подданство и фамилию. Преподает в нашей школе с прошлого года.

Прослушав курс по ниндзюцу, мы примем участие в одном деле под личным руководством Командора — это будет нашей дипломной работой.

После этого сдадим выпускные экзамены и сейчас же, получив задания, поедем куда надо.

Даню снова попытался узнать, кто незаметно следит за нами. Но Бан занялся чисткой трубки — отвинтил головку и стал прочищать ее лопаточкой и щеточкой,— дал понять, что на эту тему не стоит говорить.

Во время этой беседы Бан очень интересовался нашим прошлым. В пределах возможного пришлось удовлетворить его любопытство — иначе нельзя рассчитывать на его откровенность.

Даню сказал, что учился сперва во французской школе, потом в английской и по окончании университета в Италии стал профессиональным футболистом. Во время поездки в Лиссабон познакомился с одним тренером, сфера интересов которого была значительно шире футбола. И спустя некоторое время Даню оказался — уже под чужим именем — в Швейцарии, прошел начальную подготовку, затем прибыл сюда.

Я изложил биографию согласно утвержденной вами легенде. Из вопросов Бана (например, о том, бывал ли я в одном небольшом городе на берегу океана, где на холме стоят два особняка цвета «красное тампико» с французскими окнами) я понял, что ему известно, по чьей рекомендации я прибыл в Стамбул. Когда Бан расспрашивал меня, Даню, наклонившись к рулю, внимательно разглядывал дорогу, а его уши поворачивались, как звукоуловители.

Перед прощанием Бан сказал, что наши о. а.— 1 и 2 предназначены только для учебных занятий, а не

для использования в той акции, которая будет нашей дипломной работой. Но мы должны до этой дипломной работы закончить обработку наших о. а.— полностью овладеть их волей. Иначе нас могут не допустить к участию в дипломной акции.

С Гаянэ дело у меня совсем застопорилось. Я изменил тактический план и стал применять вспомогательные меры, связанные с приемами цикла Т. Я тщательно регистрировал (по 20-балльной системе) психические и физические реакции о. а. и спустя две недели провел количественный анализ полученных данных. Увы, цифры показали, что переход на новую манеру психической обработки дает очень слабый эффект. И надеяться на то, что действенность применяемых мной приемов будет повышаться, тоже не приходилось.

Даню сказал мне:

— По глазам твоей обезьянки вижу, что ей не нравится, как я обращаюсь с Вильмой. Боюсь, что твоя начнет настраивать мою, и, если вся проделанная мной работа окажется под ударом, придется срочно провести форсированные трюки.

— Какие? — поинтересовался я.

— Или поссорить их, чтобы совсем не встречались, или мы поменяемся обезьянками, и я примусь за твою и выдрессирую как следует. Или...— он сделал движение ногой, как будто бил по мячу,— вышибить ее из игры.

Он засмеялся. Я вспомнил слова Гаянэ: «У вашего друга обаятельное лицо, когда он смеется, но у него смеются только губы, а сердце, наверно, никогда».

Мы пошли к Веласкесу. Он не согласился с Даню — никаких ФТ проводить не надо. Пусть он попробует начать настраивать свою обезьянку против моей, а я должен повлиять на свою — чтобы стала отходить от своей подруги.

Отпустив Даню, Веласкес попросил меня остаться. Он хлопнул в ладоши и приказал девочке — ей было не больше восьми лет — принести две бутылки содовой. Девочка принесла поднос с бутылками и стаканами и, сделав реверанс, ушла. Лицо Веласкеса стало вдруг очень строгим.

— Бан говорит, что вы растрещали ему насчет своего учения в Эс-семь, стажировке в Стамбуле и прочем. Неужели вы такой болтун? Вы не призрак, а уличный громкоговоритель.

— Я говорил только в пределах того, о чем сказано в моем личном формуляре, и ни слова больше. Даню был при этом разговоре и может подтвердить. Но мне кажется, что Бан кое о чем догадывается, против этого я ничего не могу сделать.

Веласкес вытер пальцем усики и тихо спросил:

— А о себе он говорил?

— Мы не спрашивали его. Но Даню как-то говорил мне, что Бан прошел специальный курс по особой технике в так называемой школе матадоров... убирать людей.

Веласкес кивнул головой.

— Это один из разделов ниндзюцу, называется «катакесино-дзюцу» — искусство гасить облики. Отсюда термин «икс» от глагола «extinguish». Вот эту самурайскую икс-технику мы соединили с сицилианской, древнекитайской, чикагской, детройтской и лосанжелосской техникой гашения людей. Вы, наверно, слышали о тридцати двух классических способах?

Я чуть не опрокинул стакан.

— Мы тоже будем проходить?

Веласкес покосился с улыбкой на мою руку.

— Даже когда вы со мной, помните о своих жестах, держите всегда себя под контролем. Могу вас успокоить. Тот раздел ниндзюцу, о котором идет речь, нужен для командоров, рейнджеров и диверсантов всех категорий, которые проникают в глубь вражеской территории и совершают икс-акции. Вам этот раздел не нужен, потому что вы предназначены для более деликатной работы. Вы будете призраками высшего ранга, функции которых проводить особо доверительные политические акции.

— Значит, Бан специалист по... икс-акциям? Даню мне говорил, что Бан до нашей школы имел большую практику по этой части.

— Да. Во время войны в Алжире Бан состоял при особой группе отряда парашютистов и принимал уча-

стие в специальных операциях, потом в Анголе работал в португальской контрразведке, а затем около восьми месяцев действовал по своей специальности в Сайгоне и там попал в поле зрения нашего шефа.

— Биография внушительная,— заметил я.

Веласкес стал разглядывать кольцо с опалом на левой руке.

— Биография внушительная, но... больше надо верить цифрам, линиям кривой его психики и фактам. Итоги наблюдения за его словами, движениями, комплексом поведения и психомоторными реакциями в течение пяти месяцев наводят на некоторые размышления.— Профессор посмотрел мне в глаза.— Я вам доверяю и поэтому говорю об этом. Бан внушает подозрения своими расспросами, осторожными, но в то же время настойчивыми, своим любопытством, услужливостью и стремлением порочить других. Я начинаю думать: не выполняет ли он задания со стороны?

Мы были вдвоем в комнате, но я невольно понизил голос:

— Здешней контрразведки?

— Нет, более серьезного противника. Мне кажется...— Веласкес покрутил пальцем в воздухе и сделал быстрое движение — как будто проткнул рапирой невидимого врага,— что Бан получает задания... от другой разведки.

Я округлил глаза.

— Его перевербовали? Командор знает об этом?

— Пока нет. Мои подозрения еще не подкреплены как следует.

— Если подтвердится, что он оттуда, то...

— Его надо будет сейчас же погасить.— Веласкес тихо вздохнул. — А поручитель его — Командор. Молю небо о том, чтобы мои подозрения не оправдались.

Вечером, ложась спать, я сказал Даню:

— Веласкес полностью доверяет нам и очень хорошо относится. И вообще он добряк.

Даню громко зевнул.

— Я узнал, что он все время следил и следит за нами и ставит отметки в наших карточках. А что ка-

сается его доброты, то у него довольно оригинальное хобби: покупает в деревнях малолетних девочек, а когда они приедаются ему, продает их в веселые заведения и приобретает новых — все это делает через скупщиков.

После паузы я сказал:

— Веласкес подозревает Бана, говорит, что, может быть, его забросили к нам...

— Чепуха,— перебил меня Даню и зевнул.— Бан — лейб-осведомитель Командора, шпионит за нами. Спокойной ночи.

Сегодня нам объявили, что через четыре дня мы начнем слушать лекции профессора Утамаро.

Вот в общих чертах все, что произошло до сих пор. Следующее донесение пошлю, когда накопится достаточно новостей.

четвертое донесение

а) ИСКУССТВО ПРОНИКНОВЕНИЯ

И вот, наконец, мы начали изучать науку номер один, как сказал Командор.

Профессор Утамаро похож скорей на солидного промышленника: розовое, энергичное лицо, холодные зеленые глаза, гладкие седые волосы, плотная фигура. Говорит по-английски с баварским акцентом, очень быстро, глотая слова,— очевидно, привык к секретно-деловой, предельно торопливой речи, в которой обе стороны понимают друг друга с полуслова.

Во вступительной лекции он пояснил:

1. Ниндзюцу делится на три части: низший, средний и высший ниндзюцу. Низший — это комплекс знаний и навыков, нужных для войсковых разведчиков, диверсантов, террористов, солдат специальной, то есть антипартизанской, войны.

Средний — это наука об агентурной разведке в широком смысле слова: о методах вербовки, о типах агентуры, о видах агентурных комбинаций, о встречном использовании чужой агентуры и т. д.

Высший — наука об особых политических акциях: о том, как подготавливать и организовывать инциденты, столкновения, волнения, мятежи и перевороты, как создавать чрезвычайные ситуации для форсирования хода событий.

Мы будем изучать средний ниндзюцу (частично) и высший (полностью).

2. Ниндзюцу родился в Японии во времена непрестанных феодальных войн. У каждого феодала имелись самураи особого назначения, которые создавали агентуру в других княжествах, засылая туда соглядатаев и вербуя их на месте, проводили различные подрывные мероприятия — поджоги, отравления, похищения и убийства, распространяя ложные слухи и подбрасывая фальшивые документы, чтобы сбивать с толку врагов и сеять между ними раздоры.

На этой основе сложилась специальная дисциплина, главной задачей которой было изучение и теоретическое обоснование наилучших способов незаметно, подобно призракам, проникать к врагу, выведывать его тайны и сокрушать его изнутри. И эта наука получила название ниндзюцу — искусство незаметного проникновения, искусство быть невидимым.

Первый период истории ниндзюцу охватывает время с XIV века до конца XIX. Затем начинается второй период. Япония приобщается к европейской цивилизации, знакомится с методами секретных служб Запада, усваивает достижения Шульмейстера, Видока, Штибера, Алана Пинкертона, Николаи и других — и в результате этого происходит модернизация самурайской науки о тайной войне.

Расцвет обновленного ниндзюцу происходит во второй половине 30-х и в начале 40-х годов нашего века. Он связан с деятельностью школы Накано, выпускники которой покрыли Азиатский материк густой паутиной агентов и приняли участие в подготовке различных событий, дававших Японии поводы для военных интервенций и создания марионеточных режимов. Японские службы призраков достигли высшего мастерства по части такого рода особых политических акций.

Третий период начинается после второй мировой войны.

В Германии сотрудники американской, английской, канадской и австралийской секретных служб охотились за физиками, военно-техническими тайнами и лабораторным оборудованием. А в Японии офицеры оккупационных войск охотились за выпускниками школы Накано и за литературой по ниндзюцу.

В Германии союзникам удалось захватить около тысячи ученых, в том числе знаменитых физиков Вейтцзеккера, Гейзенберга, фон Лауэ, Гана и Йордана и 346 тысяч секретных патентов, а в Японии американцы взяли в плен несколько сот ниндзя высшей квалификации и много старинных секретных монографий чрезвычайной ценности.

Так, например, майор Мактаггарт обнаружил в одном монастыре секты цзен в горах Кисо древнейший трактат по ниндзюцу — «Бансен сюкай», где говорится об основных приемах внедрения агентуры к врагу, способах маскировки агентуры и дезориентации врага. Настоятель монастыря — потомок знаменитого ученого-ниндзюцуведа Ямасироноками Кунийоси — запросил 50 тысяч долларов за эту уникальную книгу, но после двух выстрелов из кольта в статую богини Авалокитешвары снизил цену до пяти консервных банок спаржи. А капитан Кук нашел у одной старушки библиофилки в Киото подлинник сочинения Натори Хьодзаэмона «Сейнинки», с приложением «Сокровенного наставления по возбуждению смут». Этот редчайший манускрипт XVII века, оцененный владелицей в 200 тысяч иен, достался капитану совсем бесплатно, так как старушка считала спаржу несъедобной.

Все лучшее, что есть в классическом и модернизованном ниндзюцу, было соединено с наиболее ценными достижениями секретных служб во время второй мировой войны — так появился ниндзюцу третьего, то есть послевоенного, периода.

Лекции Утамаро были до отказа набиты фактами, именами, датами, цифрами и ссылками — так ужаса-

юще обстоятельно могут излагать свой предмет только немецкие профессора.

Я не буду приводить содержание лекций Утамаро: вам, главному попечителю нашей школы, лично утвердившему ее учебную программу, они хорошо известны. Отмечу только те лекции, которые были для меня особенно интересными.

Средний ниндзюцу особого впечатления на меня не произвел — мне достаточно хорошо известны основные виды агентурных мероприятий. А придуманные самурайскими теоретиками комплексы правил секретно-оперативной работы, сведенные к числовым формулам, которые звучат как магические заклинания, показались мне просто смешными.

Но что касается высшего ниндзюцу, то оно с самого начала захватило меня. Как только Утамаро заговорил о методах использования агентов для больших политических комбинаций, я понял, почему Командор считает эту старинную и беспрерывно обновляющуюся дисциплину первостепенно важной для нас.

Особенно интересны были для меня седьмая и восьмая лекции — о комбинациях высшего проникновения — «Вывернутый мешок», «Горное эхо», «Спускание тетивы», «Плевок в небо» и другие.

Классические примеры проведения этих комбинаций мы находим в истории древнего Китая и средневековой Японии. Например, комбинацию типа «Горное эхо» образцово провели Ди Сюн — глава княжества Шу, и его вассал Пу Тай. Ди Сюн обвинил Пу Тая в измене и избил его в присутствии всех приближенных; окровавленного вассала выволокли за ноги из замка. Спустя некоторое время Пу Тай установил тайную связь с соседним князем Ло Шаном, главой княжества Шу, и бежал к нему. Ло Шан поверил тому, что Пу Тай горит жаждой мести, и приблизил его к себе, но тот в нужный момент провел крупную диверсию, обеспечившую победу княжества Шу. Оказалось, что ссора между князем Ди Сюном и Пу Таем была хитростью, проведенной с целью внедрения Пу Тая в соседнее княжество.

А Хуан Гай успешно провел комбинацию типа «Спускание тетивы» — бежал от Чжоу И к Цао Цао, признался ему, что это бегство фиктивное, подстроенное Чжоу И, чтобы обмануть Цао Цао, но что сам Хуан Гай давно решил перебежать к Цао Цао, использовав эту комбинацию. Цао Цао поверил чистосердечному признанию Хуан Гая — и попался в ловушку. Японские феодалы Ода Нобунага, Мори Мотонари, Такеда Синген и другие неоднократно проводили мероприятия типа «Горное эхо» и «Спускание тетивы», чтобы обеспечить успех своих политических подрывных операций.

б) ШУЙКЭ И ЦЭШИ

Подробно изложив содержание нескольких остроумных военно-политических махинаций китайских и японских феодалов, Утамаро сказал в заключение:

— Все эти хитрости, придуманные много веков тому назад, сохранили практическое значение.

Прочитав на моем лице недоумение, Утамаро быстро спросил:

— Непонятно?

— По-моему, эти старинные комбинации интересны как факты истории. А для нашей практической работы вряд ли...

Утамаро поморщился.

— Вы ничего не поняли. Комбинации, о которых я рассказываю, проводились с успехом в Китае и Японии в эпоху феодальной раздробленности, когда в этих странах было много небольших княжеств. Между ними беспрерывно происходили горячие и холодные войны, проводились операции «плаща и кинжала», сопровождавшиеся икс-акциями, нападениями, похищениями и всякого рода интригами. Специалисты по ниндзюцу тщательно изучили и классифицировали все методы тайной войны, применявшиеся в те времена. И эти методы имеют для нас не только историческое значение, но и практическое. Посмотрите на карту мира. На Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и Африке множество ма-

лых государств. Такая же картина была в древнем Китае во времена феодальной раздробленности. Сколько было тогда государств?

Профессор посмотрел на Даню. Тот широко улыбнулся и, подражая Утамаро, торопливо заговорил:

— В начале эпохи Чуньцо было сто шестьдесят княжеств. Например, Лу, Вэй, Цин, Цай, Янь, Юэ, Чу...

Утамаро кивнул головой.

— Хватит. А теперь мысленно перечислите государства на территории Африки, начиная с Алжира и Бечуаналенда и кончая Угандой и Замбией. Налицо сходство ситуаций — в феодальном Китае и в нынешней Африке. Вот почему ниндзя второй половины двадцатого века должны внимательно изучать комбинации высшего ниндзюцу не как историки, а как практики. Понятно?

Я поблагодарил профессора за разъяснение, хотя оно не удовлетворило меня полностью.

После лекции Даню подошел к Утамаро и спросил о чем-то. Профессор вытащил из портфеля книгу большого формата — судя по иероглифам на обложке, китайскую — и показал какие-то таблицы. Даню поблагодарил Утамаро и пошел со мной домой. Я спросил:

— Когда ты успел изучить китайскую историю?

Даню засмеялся, но тут же сделал серьезное лицо.

— Я стал учить китайский в прошлом году, выучил несколько сот знаков. И попутно проштудировал «Троецарствие» на английском языке.

— Вот что, синьор китаевед, объясни мне одну вещь.

Даню изящно наклонил голову — в манере Веласкеса:

— К твоим услугам.

— Профессор сказал, что надо изучать те приемы, которые применялись в феодальном Китае, потому что они пригодятся нам в практической работе. И указал на сходство ситуаций тогда и теперь — обилие небольших государств, например, в Африке. Но ведь феодальные княжества воевали друг против

друга по своей инициативе. А африканские государства между собой войн не ведут. Где же тут сходство ситуаций? Если даже страны Африки и начнут действовать друг против друга, то это не будет касаться нас, так как мы не состоим в правительствах и штабах африканских государств.

Даню взял меня под руку.

— Ты не понял профессора. В древнем Китае феодальные княжества воевали отнюдь не по собственной инициативе. В те времена существовали так называемые шуйкэ — бродячие профессиональные консультанты по вопросам политики. Шуйкэ обходили княжества наподобие коммивояжеров и предлагали свои услуги. Все они были образованными, красноречивыми и предприимчивыми. Феодалы брали их на службу на тот или иной срок.

— Как футболистов в профессиональные клубы?

— Да. И они начинали давать советы по вопросам внешней политики. С хорошими консультантами возобновляли контракты, плохих выставляли или приканчивали. Некоторые шуйкэ приобретали известность, тогда их начинали переманивать, как это теперь делают такие футбольные клубы, как «Реал», «Бенфико» и «Ботафого». И благодаря усилиям этих шуйкэ феодальные княжества Китая беспрерывно интриговали друг против друга, заключали тайные союзы, натравливали одних на других, нападали, заключали сепаратный мир и снова готовились к войнам. Шуйкэ все время старались сохранять напряженную атмосферу, потому что, когда наступало спокойствие, спрос на них начинал падать.

— А они были причастны к тайной войне?

— Нет, подрывными махинациями всех видов занимались так называемые цэши — профессиональные призраки высшей категории. И они еще больше, чем шуйкэ, были заинтересованы в том, чтобы в воздухе постоянно пахло гарью.

— Но мы ведь не те и не другие.

— Сейчас в разных частях света много небольших государств, так же как в Китае и Японии во времена феодальных войн. Ситуация сходная, как ска-

зал Утамаро. И эти азиатские, ближневосточные и африканские малые государства...— Даню поднял руку и заговорил торжественным голосом: — ждут современных шуйкэ и цэши, которые будут прибывать к ним, но не на арбах, сампанах и в паланкинах, а на «каравеллах», «констелейшенах» и «боингах». Функции древних цэши должны теперь выполнять мы, высококвалифицированные ниндзя ракетно-кибернетической эпохи! Теперь ты, наверно, понял, почему Утамаро говорит о практическом значении для нас приемов, применявшихся нашими далекими предшественниками на Дальнем Востоке.

Я чинно поклонился.

— Понял, мистер цэши.

После этой беседы с Даню я стал с еще бо́льшим почтением относиться к лекциям Утамаро.

в) РУМОРОЛОГИЯ

Очень интересной была лекция 12-я — о слухах.

— Человек обычно выполняет две функции — принимающего от кого-нибудь слух, то есть перципиента, и передающего слух кому-нибудь, то есть индуктора, — так начал лекцию Утамаро. — Что заставляет человека, приняв слух, заинтересоваться им и признать его достойным для передачи другому человеку? В данном случае играют роль врожденные черты человеческой психики — тяга к новостям, сенсациям, тайнам. А что заставляет перципиента превращаться в индуктора, то есть в человека, передающего слух другому человеку? Какие побудительные мотивы у индуктора? Желание похвастаться осведомленностью, поразить кого-нибудь сенсационной вестью, угодить кому-нибудь сообщением интересной новости или, наоборот, доставить неприятность. Психология изучает все процессы, происходящие в нервно-психической сфере индуктора и перципиента.

(Прошу извинить меня за нескладную запись — очень трудно записывать Утамаро, а пользование карманными магнитофонами запрещено.)

Далее Утамаро сказал, что социология изучает

слухи как социальные явления, классифицируя их по генезису, содержанию, степени достоверности, степени охвата людских контингентов, то есть количества перципиентов, и по целевой направленности.

А социально-психологическое изучение ставит целью выяснить, как люди выполняют функции перципиентов-индукторов в зависимости от интеллектуального уровня, профессии, политических и религиозных убеждений, мировоззрения, степени осведомленности и т. д.

Для психологии, социологии и социальной психологии представляют интерес слухи как таковые — вне зависимости от их содержания и назначения.

Но к ниндзюцу имеют отношение только те слухи, которые пускаются с целью ввести в заблуждение людские массы, вызвать тревогу, панику, недовольство властями, толкнуть людей на прямые действия, эксцессы, то есть слухи подрывного характера. Американские социопсихологи употребляют в отношении таких слухов термин demagogism в отличие от обычных слухов — rumours.

Мы начали с классиков. Познакомились с комментариями к трактату древнекитайского стратега Суньцзы и с наставлениями по пусканию подрывных слухов из секретных разделов старинных учебников по ниндзюцу «Комондзьо но дзюппо», «Синоби мондо» и «Ниндо кайтейрон».

После этого просмотрели сокращенные изложения работ виднейших европейских и американских исследователей слухов. Наиболее любопытными мне показались исследования «Расовые бунты» Ли и Хэмфри и «Полиция и группы национального меньшинства» Уэклера и Холла. Эти ученые детально изучили роковую роль слухов в негритянских демонстрациях и волнениях 1943 года.

Но самыми интересными были, разумеется, две брошюры (секретные издания нашей школы) из серии «Материалы по стратегии шепота». К брошюрам были приложены диаграммы, показывающие быстроту распространения слухов во время политических переворотов в различных странах.

Прочитав обе работы, Даню произнес с восхищением:

— За такие исследования надо давать Нобелевскую премию!

Утамаро холодно взглянул на Даню.

— Не разделяю вашего восторга. Эти работы носят чисто описательный характер. В них отсутствуют конкретные данные о процессах модификации политических слухов в ходе распространения и совсем нет количественных данных, характеризующих поведение советских перципиентов. А они, согласно классификации Левитта, делятся на две категории: rumour-prone — верящие слухам и rumour-resistant — относятся критически к слухам.

— А разве политические слухи не подчиняются общим законам? — спросил я.

Утамаро еле заметно кивнул головой.

— Разумеется, формулы Олпоста и Кораса о силе слухов и закон Хайяма о стадийности изменения слухов распространяются на слухи во всех странах, но Бауэр и Глейхер убедительно показали некоторые специфические особенности политических слухов и, в частности, довольно большую амплитуду колебаний процента достоверности в слухах. Поэтому необходимо собрать как можно больше данных о формах реагирования перципиентов в зависимости от их профессии, возраста и этнической принадлежности.

— Но такие данные очень трудно собирать. Сведения о них можно добыть только агентурным путем на месте. В этом заключается главная трудность.

— Надо собирать данные о политических слухах и как следует изучить поведение перципиентов в разных странах, чтобы сделать выводы для нашей серой и черной пропаганды и для практической работы наших призраков. История свидетельствует о том, что с помощью слухов можно легко вызывать массовые убийства и мятежи. Возьмите погром корейцев в Токио в 1923 году и ламаистское восстание в Лхасе в 1959 году — во всех этих случаях слухи сыграли роль запала.

— А для Африки, пожалуй, наиболее поучителен лхасский пример,— сказал Даню.

Утамаро кивнул головой.

— Лхасский пример, связанный с восстанием религиозных фанатиков, и пример с бунтом в Японии в 1876 году, когда всем японцам было приказано сбрить косичку на голове. Тогда пошел слух о том, что сгниют мозги, и начались эксцессы. Но ближе всего нам северородезианский пример, где бунтовали секты лумпа и апостолов. Возьмите в библиотеке брошюру об этих бунтах сектантов. А в прошлом году мы проводили специальные практические занятия по пусканию слухов в некоторых районах Центральной Африки путем использования колдунов. И нам удалось проследить кривую роста охвата людских контингентов слухами, быстроту движения этих слухов и процесс модификации их содержания и тональности. Этот эксперимент наглядно показал нам, что религиозные фанатики и контингенты суеверных — самое удобное горючее для подрывных слухов. И еще отличное горючее — большие скопления женщин во время продовольственных затруднений. Идеальный материал.

Даню спросил:

— А вот интересно... Зорге ведь изучал японский язык, историю Японии и прочее.

— Да,— подтвердил Утамаро.— Когда его арестовали, дома у него нашли большую библиотеку, он изучал даже японские литературные памятники восьмого века начиная с «Кодзики». Недаром в своих записках, написанных в тюрьме, он писал, что если бы жил в обстановке мира, то стал бы ученым. Свою секретную работу он вел именно как ученый.

— Наверно, изучал ниндзюцу,— сказал Даню.

— Исходя из того, что он изучал основательно японскую литературу и историю Японии, можно полагать, что ему, конечно, было известно ниндзюцу — хотя бы по книгам Ито Гингецу, Фудзита Сейко и других современных популяризаторов этой самурайской науки.

Даню произнес с льстивой улыбкой:

— К экзамену по ниндзюцу мы будем готовиться с удовольствием. Такой интересный предмет.

Утамаро шевельнул головой, и стекла его очков заблестели, скрыв глаза,— он умел поворачивать голову именно с таким расчетом.

— Насчет удовольствия не ручаюсь. Экзамен будет трудный. Я беспощаден и особенно буду гонять по двум разделам ниндзюцу — руморологии и кудеталогии.

И тут же пояснил:

— Руморология — это прикладная наука о слухах, а кудеталогия — о переворотах.

г) КУДЕТАЛОГИЯ

Лекции по ниндзюцу сильно выматывали нас. Надо было подробно записывать и сейчас же зашифровывать эти записи — я пользуюсь изобретенной мной системой, о которой уже писал вам во втором или третьем донесении,— затем просматривать ту литературу, с которой Утамаро предлагал ознакомиться, делать нужные выписки и опять зашифровывать их.

А список литературы, которую надо просматривать, был довольно большой. В общем свободного времени оставалось мало — мы с Даню работали до поздней ночи.

Но Даню все-таки ухитрялся выкраивать время для развлечений — ходил в кегельбан при клубе деловых людей и в американский клуб — на закрытые просмотры фильмов, не предназначенных для проката, и еще встречался с о. а. — 2.

Несколько раз я видел их, когда возвращался из библиотеки домой. Она как будто повзрослела на пять лет — беспечное, игривое выражение лица сменилось серьезным, задумчивым. Даню шел на два-три шага впереди, подчеркивая пренебрежение к ней.

А с Гаянэ я в течение всего периода слушания лекций Утамаро встретился только один раз. Инициатива исходила от нее — она позвонила и сказала,

что у нее есть экстренное дело ко мне. Мы встретились около ее конторы — в книжном магазине.

Впервые я увидел ее в очках — они придавали ей строгий, но элегантный вид. Я сказал, что у меня очень много работы,— прибыли партии экземпляров библии и евангелия на сомалийском, хаусском и канурском языках, надо распределять эту литературу по районам.

— У меня вот какое дело...— Гаянэ поднесла мизинец к переносице и поправила очки.— С Вильмой получается нехорошо, у нее сильная депрессия. Судя по всему, ваш друг вскружил ей голову... Не знаю, насколько далеко у них зашло дело...

Гаянэ слегка покраснела и нахмурилась — рассердилась сама на себя. Я осторожно коснулся ее руки.

— Я знаю, что у них только флирт. Значительно более активный, чем у нас, потому что...

Гаянэ быстро перебила меня:

— Ваш друг знает, что нравится Вильме, и явно издевается над ней. Я решила повлиять на нее — пусть порвет с вашим другом.

Я улыбнулся.

— А что требуется от меня? Найти для Даню другую?

Гаянэ посмотрела на меня — сквозь очки ее глаза казались ледяными.

— Очевидно, у вас в библиотечном складе, кроме библий...— она говорила, не разжимая зубов,— имеется много скучающих девиц. И для себя, наверно, тоже нашли. Поэтому некогда было даже позвонить мне.

Я рассмеялся. Гаянэ сердито отвернулась, но через некоторое время сняла очки — стала обычной. Я проводил ее до дома — по дороге мы зашли в магазин Родригиша и купили для ее мамы китайские домашние туфли. Гаянэ обратила внимание на то, что магазин португальца был заполнен китайскими товарами, начиная с фарфоровых сервизов и кончая бамбуковыми спиночесалками.

— Через недели две,— сказал я,— расправлюсь

со всей священной литературой, которая помогает африканцам попасть в рай, и целый месяц подряд буду ходить с вами в кино или помогать вам покупать подарки маме.

— Кстати, надо купить подарок дяде Гургену. Завтра получу жалованье, а послезавтра день его рождения. Куплю ему стереофон.

— Это страшно дорого.

— Я очень люблю дядю. Он часто рассказывает мне о папе. А таких людей, каким был мой папа, нет на свете.

Перед тем как проститься со мной, Гаянэ опять надела очки и строгим тоном сказала мне:

— Мне все-таки не нравится Даню. И еще больше не нравится, что он ваш друг. Неужели у вас есть что-нибудь общее? Для меня вы... то есть мне...

Она не договорила и быстро юркнула в дом. Вернувшись к себе, я взял карточку «Ход обработки о. а. — 1» и сделал очередные пометки в графах поведения, интереса к темам разговоров, речевых реакций и смен интонаций и настроений. Но графу выводов я на этот раз оставил незаполненной — не стоит торопиться с заключением. Просто долго не виделись, и она немножко соскучилась. Во всяком случае, то, что она каждый раз говорит мне о своих родных и особенно об отце,— это хороший симптом.

Через несколько дней Даню с озабоченным видом сообщил, что последняя декадная диаграмма реакций о. а.— 2 ему очень не нравится — кривая ее сопротивляемости идет на повышение, и заметно изменилась манера слушать и говорить.

Даню высказал предположение:

— Это, очевидно, влияние твоего экземпляра. Ты совсем отпустил вожжи, и твоя стала портить мою. Зря мы тогда не провели ФТ, как я предлагал.

Я обещал Даню попробовать — без гарантии успеха — оказать воздействие на о. а.— 1, чтобы перестала вмешиваться в сердечные дела подруги.

Следующие две лекции (после лекции по руморологии) были посвящены комбинациям по введению

неприятеля в заблуждение путем подброски по агентурным каналам дезинформационных данных — этот раздел хорошо разработан в ниндзюцу. После этого профессор перешел к теории переворотов и мятежей, то есть к кудеталогии (от coup d'etat).

Этому разделу были посвящены три лекции — ими заканчивался курс ниндзюцу.

В вводной части Утамаро рассказал о том, как в школе Накано японские теоретики дополнили и развили положения, фигурирующие в китайских и японских трактатах прошлых веков, о свержении власти в стане врага руками заговорщиков.

В классическом ниндзюцу имелся в виду только один тип переворота в стане противника — внезапное выступление заговорщиков, начинающееся с иксакции против властителя и его главных приближенных. По существу говоря, речь шла о дворцовом перевороте.

Но современное ниндзюцу в большинстве случаев имеет дело с другими видами переворотов. Сделав подробный разбор нескольких наиболее характерных переворотов, Утамаро разделил их на четыре основные категории:

1) совершаемые в максимально короткий срок небольшим количеством военных на сравнительно небольшой территории (вроде багдадского переворота против Фейсала — 1958),

2) совершаемые путем широкой акции войсковых частей данной страны на большой территории (например, бангкокский — 1958, равалпиндский — 1958, бразильский — 1964),

3) совершаемые в результате военного нажима извне (например, гватемальский — 1954),

4) совершаемые в ходе событий, возникших в связи с выступлениями широких контингентов населения или определенного контингента, вроде студентов (например, сеульский — 1961 и анкарский — 1961).

— В результате изучения всех видов переворотов,— сказал Утамаро,— большинство исследовате-

лей переворотов (кудеталогов) пришло к выводу, что наилучший вид переворота — это переворот, наиболее близкий к дворцовому, то есть начинающийся с икс-акции против носителя власти — вроде дамасского — 1949 (физическое устранение президента Хосни Заима) и багдадского — 1958 (ф/у короля Фейсала).

Целесообразно также для обеспечения успеха переворотов проводить некоторые форсированные мероприятия, отвлекающие внимание полиции и частей охраны резиденции верховной власти, как-то: руморные акции, то есть пускание панических слухов, и устройство уличных катастроф, пожаров и взрывов с большим количеством жертв.

В первую очередь такой вид блицпереворота пригоден для стран Ближнего Востока и Африки. Но в отношении стран Африки представляется особенно эффективным сочетание выступления военных с бунтом фанатиков, вызванным соответствующими тайными оперативными мероприятиями. Вот почему сегодняшние ниндзя, особенно те, кому предстоит работать в странах с цветным населением, должны особенно внимательно изучать стихийные волнения, которые возникают на почве суеверий, вроде бунта секты лумпа в Северной Родезии, возглавляемой Алисой Луленга-Леншиной. Я хочу надеяться, что в процессе работы на Ближнем Востоке, в Африке и других районах мира доблестные выпускники нашей школы внесут большой вклад в нашу древнюю, но непрестанно развивающуюся науку и особенно в один из важнейших ее разделов — кудеталогию!

Так заключил Утамаро свою лекцию о технике переворотов.

Я задал вопрос:

— А перевороты, совершаемые в результате восстания широких масс, которые идут за революционерами, относятся тоже к четвертой категории?

Утамаро слегка повернул голову и, блеснув стеклами очков, спрятал глаза.

— Такой вид переворота,— быстро сказал он,—

нас может интересовать только в негативном плане, то есть в плане предупреждения его или в плане специальных мероприятий, ставящих целью как можно скорее обезглавить мятеж. Понятно? — Не дожидаясь моего ответа, он продолжал: — Итак, вы прослушали лекции по ниндзюцу. Более подробные сведения сможете получить из той литературы, которую найдете в нашей библиотеке. Мой курс является заключительным в вашей учебной программе. Больше лекций у вас не будет. Впереди у вас только практические занятия, это вместо дипломной работы, затем экзамены, и после этого вы начнете трудный и опасный путь призрака. И да послужат вам полезным оружием знания, почерпнутые вами из прослушанных лекций!

д) ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЕ СНАДОБЬЯ

— С лекциями вы покончили, — сказал нам Веласкес.— Вам остается еще немножко пошлифовать свои мозги. Просмотрите в нашей библиотеке коекакую литературу, которую должен знать каждый уважающий себя призрак.

Он дал нам следующий список книг и брошюр:

1. Монографии

   И. Тейлор — Стратегия страха.

   Ф. Микше — Тайные силы (тактика подполья).

   С. Зигель — Психология сект.

2. Издания школы

   Сборник статей из серии «Подытоживание оперативного опыта»:

   Методы вербовки агентуры (Ближний и Средний Восток).

   Методы вербовки агентуры (Африка).

   Использование суеверий в агентурных комбинациях.

   Приложение. Дневник участника бунта паствы пророчицы Алисы Луленга.

   Техника пускания слухов (социометрическое изучение).

Подготовка и проведение террористических актов. (Разбор икс-акций против египетского премьера Нокраши-паши, иранского премьера Размара, графа Бернадота, трансиорданского короля Абдулы, пакистанского премьер-министра Али-хана, цейлонского премьера Бандаранаике, доминиканского правителя Трухильо, лидера японских социалнстов Асанума.)

Гогэн — Специальная фармакология.

Последняя книжка, собственно говоря, была тоненькой брошюркой, написанной очень трудным языком. Как только я начал читать ее, сразу же вспомнил лекции Веласкеса о форснрованных трюках уговаривания — он говорил о том, что можно под замаскированным предлогом ввести в органнзм о. а. препараты, действующие на волю и сознанне последнего.

В начале книжки говорилось о том, что самураи-прнзраки пользовались снотворными н дурманящнми средствами. Но таких средств было не так много, и действовать они начинали не сразу.

Современные ниндзя располагают большим, разнообразным арсеналом быстродействующих снадобнй, с помощью которых можно оказывать то или иное воздействие на различные стороны и даже оттенкн психической деятельности человека.

Специальная фармакологня — это наука о таких средствах, которые помогают обработке человека — илн ослабляют его волю, делают его податлнвым и послушным, или возбуждают его, делают болтлнвым, легко опьяняющимся и приходящим в такое состояние, когда он совсем перестает владеть собой.

В брошюре перечислялись препараты, действующие на нейроны головного мозга — с описаннем, с какой целью их надо употреблять и в какой дозировке. Я узнал, как действуют гарденаловые и пептоталовые препараты и стимуляторы, изобретенные после войны.

Даню раньше меня закончил штудирование брошюры.

— Здесь все-таки мало говорится о средствах, которые развязывают язык,— сказал он.

— Об амиталовой соде говорится довольно подробно,— возразил я.— С ее помощью развязывают языки у больных и у подследственных.

— Амиталовые препараты угнетают психику, вызывают депрессию вроде препарата «джокер», его использовали во время войны на Тихом океане, чтобы заставлять пленных японцев давать показания. А нам нужны такие средства, которые будут действовать как холинергические стимуляторы, поднимать тонус человека и в то же время будут заставлять его активно выбалтывать все, что он знает.

Я вспомнил, как подействовала на Бана смесь кокаина с бурбон-виски.

— Попробуй изобрести что-нибудь. Командор похвалит тебя.

Даню рассмеялся.

— Надо будет вообще попрактиковаться, испробовать на деле все снадобья.

Он позвонил Вильме и назначил ей встречу, но не пошел на нее. Вечером позвонила Вильма и спросила, где Даню. Оказывается, он не пришел в кафе, она прождала его полтора часа.

Даню не было четыре дня. Он явился поздно ночью со ссадинами и синяками на лице и сильно прихрамывал. Он объяснил, что ему предложили за хороший гонорар поехать в соседний город и принять участие в футбольном матче между двумя командами иностранцев. Игра была очень жестокая, и особенно досталось Даню, игравшему центрфорварда.

Через несколько дней он оправился от футбольных травм и пошел к Веласкесу.

В тот вечер я задержался в библиотеке и вернулся домой поздно. В столовой сидели три девочки с ярко накрашенными губами и высоко взбитыми курчавыми волосами. На лбу у каждой был проставлен чернилами номер.

Самой старшей было лет двенадцать — она шла под № 1. Остальным было не больше десяти. На сто-

ле перед ними было разложено угощение — шоколадные конфетки и земляные орехи. Девочка № 1 курила сигарету, № 2 и № 3 жадно ели конфетки и старательно разглаживали оберточные бумажки с рисунками.

Из кухни вошел Даню с подносом, на котором стояли ликерные рюмочки с вином. На бумажках, прикрепленных к рюмочкам, были написаны номера. Даню поставил перед каждой девочкой рюмку с ее номером.

— Это лолиты из ближайшего заведения,— сказал он мне на ухо.— Не говори со мной громко поанглийски и по-итальянски, они понимают. Я их нанял на три часа для опытов.

Он приказал девочке № 1 на местном наречии:

— Телела, пей, это очень дорогое вино.

Девочка выпила, закусила орехом и снова закурила.

№ 2 и № 3 тоже выпили, поморщились и заели конфетками. Даню включил транзисторный приемник. Девочка № 1 стала танцевать с № 3, а № 2 отошла в угол и начала топтаться на месте, вертя бедрами и коленями — у нее получился чарльстон, твист и танец живота одновременно. Девочки танцевали старательно, с серьезными лицами — выполняли работу.

Я пошел в спальню и переоделся — надел пижаму. Потом записал в своей тетрадке краткое содержание статьи, прочитанной в библиотеке, — «Школа Накано», бывшего японского генерала Кавамата. Когда я вернулся в столовую, девочка № 1 сидела на полу, расставив ноги, и мотала головой — судя по глазам, совсем опьянела.

Даню сказал с восхищением:

— Подумай только, всего семь минут с момента приема! Эта девчонка славится на весь их переулок тем, что может спокойно выдуть целую пинту виски и остаться трезвой, а тут соскочила с рельсов от крохотной рюмочки разбавленного вермута.

— А ты что ей дал?

— Две пилюльки диамина. Потрясающее сред-

ство! Четыре пилюльки в рюмочку самого легкого вина, вроде рислинга,— и можно нокаутировать самого крепкого матроса.

— А этим что дал?

Девочка № 1 упала на пол и закрыла глаза. Даню подошел к ней и потрогал носком ботинка ее голову.

— Спит, как убитая. Ей можно теперь отпилить голову — не проснется. Интересно, через сколько минут диамин действует на взрослого.

В это время с девочкой №2 стало твориться что-то странное. Она перестала танцевать, соскользнула на пол и пристально смотрела на нас остановившимися глазами.

Даню взмахнул рукой. Девочка сдавленно крикнула и закрыла голову руками.

— Препарат «тета»,— сказал Даню.— В основе гарденал и сок мексиканского кактуса. Подавляет психику, доводит депрессию до максимума. Девчонка выполнит любое приказание, если пригрозить.

Он снял со стены кожаную мухобойку и крикнул что-то на местном наречии. Девочка съежилась и, всхлипывая, начала ползти на четвереньках.

— Ешь стул! — крикнул ей Даню по-английски. И добавил по-итальянски: — А то ударю.

Девочка приподнялась, крепко обняла стул и стала грызть край спинки, косясь на Даню, державшего над головой мухобойку.

— А этой...

Я не успел договорить фразу — мимо моего уха пролетела тарелочка и ударилась о стену. Девочка № 3 отчаянно завизжала и, схватив рюмку, швырнула в Даню. Он бросился на нее и схватил за руки,— она продолжала дергаться и извиваться, как в эпилептическом припадке. Вдруг она вырвалась, отшвырнула стул и прыгнула к столику, на котором стояли часы и приемник. Даню успел схватить ее за волосы.

— Держи! — крикнул он мне.

Мы вдвоем с трудом справились с этой маленькой девочкой; она порвала на мне рубашку и про-

кусила Даню руку, он принес из кухни веревку и связал ее по рукам и ногам. Из ее рта шла пена, она отчаянно мотала головой и ругалась самыми грязными словами на нескольких языках — клиентура в их переулке была весьма разнообразная.

Наконец Даню догадался сунуть ей в рот пилюльки «тета», смешанные с хлоропромазином. Спустя минут пять девочка стала успокаиваться, дергаться все меньше и меньше и вскоре заснула. Даню положил ее рядом с № 1. А № 2 заползла под стол и, обхватив поваленный стул, грызла его ножку.

— Что ты дал третьей девочке? — спросил я.

Даню зализывал прокушенное место на руке.

— Лизергическую кислоту, смешанную еще с каким-то стимулятором типа симпамина, который дают велосипедистам перед гонками. Приводит человека вот в такое состояние, при котором ничего не помнит. И всего три пилюльки в рюмочку. Можно еще употреблять так называемый концентрированный сустаген. В небольших дозах его дают в Америке футболистам. Они буквально звереют от него.

Он вынул из кармана два пакетика и протянул мне.

— Возьми диамин и «тета». Испробуй на своей.

Пилюльки были телесного цвета, крохотные — величиной с зернистую икринку.

— В библиотеке есть еще две книжки по специальной фармакологии, я просмотрел их. Между прочим, в конце коридора есть другая читальная комната. Бан сказал мне, что там работают сейчас Умар Кюеле из Мали и Поль Маунд из Северной Родезии, они тоже прослушали уже все лекции и готовятся к практическим занятиям. Но их готовят к особой работе.

— Икс-акции?

Даню засмеялся.

— Пока нет. Сейчас они изучают материалы по мировому коммунистическому движению и по троцкизму. Они будут действовать в качестве ультралевых. Левый экстремизм — это многообещающий канал работы.

Я показал на лежащих девочек.

— Как быть с ними?

— Сейчас позвоню их хозяйке, и она пришлет кого-нибудь.

— А ничего, что они в таком состоянии?

— Я предупредил хозяйку, что у нас будет попойка.— Даню потянулся и зевнул.— Значит, поступаем в распоряжение Командора. Примем участие в настоящем деле. — Он подмигнул: — Может быть, придется... кого-нибудь...

Я заглянул под стол. Девочка № 2 сидела в неудобной позе, закрыв лицо руками, и издавала странные звуки, как будто мяукала. Даню сказал:

— Сейчас дам им всем понюхать нашатырный спирт. Сразу же очнутся. Они ведь живучи как кошки.

— А Командор нас испытывать не будет? Неужели сразу же пустит в ход?

— Веласкес, наверно, представил ему наши карточки со всеми показателями. Поэтому никаких тестов больше делать не надо. Мы уже проверены достаточно.

На следующий день я позвонил Гаянэ и пригласил ее пообедать во французском ресторанчике. Когда после обеда нам подали кофе и бутылочку шартреза, Гаянэ подошла к висевшей на стене репродукции Дюфи и стала разглядывать ее. Улучив момент, я бросил две пилюльки «тета» в ее рюмку и налил ликер.

Гаянэ вернулась к столу, положила сахар в кофе, помешала ложечкой, потом взяла свою рюмку с ликером и пододвинула ее ко мне.

— Поменяемся в знак дружбы, хорошо? — Она взяла мою рюмку и сделала из нее глоток.— Я узнала ваши мысли. А вы можете узнать мои.

Она показала глазами на стоявшую передо мной рюмку. Я протянул руку к сахарнице и, задев рюмку, опрокинул ее. Сейчас же подошел официант и вытер лужицу. Гаянэ сделала еще один глоток из своей рюмки, встала и пошла к телефону у вешалки.

Поговорив по телефону, она вернулась к столу и сказала:

— Я предупредила Вильму, чтобы тоже меняла рюмки и чашки кофе с Даню. Он, наверно, тоже попытается подсыпать что-нибудь, но сделает это более умело.

— Это любовный напиток,— объяснил я.— Купил на базаре у нубийца и хотел проверить.

Гаянэ посмотрела на меня в упор:

— Неуклюжая выдумка.

Я подумал, что придется в графу «наблюдательность» в ее карточке поставить отметку 95 — по стобалльной системе.

Я пригласил Гаянэ на следующий день в кино — идет картина с участием ее любимого Джеймса Мэсона, но она отказалась — завтра годовщина смерти ее отца.

Мы долго сидели в саду перед зданием министерства коммерции и индустрии, потом пошли переулками к дому Гаянэ. Она сказала, что выслушала исповедь Вильмы и отругала как следует — больше Вильма не будет позволять Даню издеваться над собой.

— Когда позвоните мне, отравитель? — спросила Гаянэ при прощании.

— В ближайшие дни опять придется отправлять литературу. Но на той неделе обязательно.

На обратном пути от Гаянэ я хотел зайти в библиотеку, но потом раздумал и решил побродить еще по городу. Уже темнело. Со стороны гор быстро спускалась прохлада. На торговых улицах уже загорелись неоновые вывески, над католическим храмом засверкал крест, перед кинотеатрами выстраивались маленькие автобусы — «шкода», их звали микробусами, и похожие на майских жуков «фольксвагены».

Задумавшись, я не заметил, как около меня появилась женщина. Это была та самая — в очках-маске и замшевых джинсах. Совсем близко от тротуара медленно шел черный микробус. Женщина дернула меня за рукав и шепнула что-то на каком-то языке — вероятно, русском, потом по-французски:

— Садитесь в машину, не оглядывайтесь, быстро!

Я хотел оглянуться, но в то же мгновение меня схватили за руки, толкнули в спину, ударили чем-то мягким по голове, и я очутился в машине. Машина рванула вперед. На меня нахлобучили большую шляпу, закрывшую оба глаза. Что-то щелкнуло за спиной — я понял, что на мои скрученные руки надели наручники.

Машина мчалась быстро. Страха я не ощущал — все произошло слишком стремительно, я не успел понять, в чем дело. Сидевшие в машине переговаривались на незнакомом мне языке. Я вспомнил какой-то рассказ — кажется, Сарояна,— как мальчишки дурачились, говоря друг другу сочиненные ими бессмысленные слова.

Сидевший справа толкнул меня локтем и задал вопрос на непонятном языке. Я ответил:

— Брум гар гур.

Сидевший впереди быстро затараторил. Кто-то тихо засмеялся и произнес:

— Гад.

Я добавил:

— Пад мад зад.

Мне стало казаться, что все это не всерьез — какая-то дурацкая шутка.

Как бы угадав мои мысли, сидевший слева вдруг ударил меня кулаком по щеке и произнес по-английски — с акцентом:

— Думаете, что это шутка? К сожалению, ошибаетесь.

Меня ударили еще несколько раз по голове и лицу. Я почувствовал, как из разбитого носа течет кровь. В бок уперлось что-то твердое — кажется, дуло пистолета. Совсем как в шпионском романе — банальнейшая ситуация. Но мне стало понятно, что это не шутка. Куда же меня везут? И кто они?

Мы ехали около часа. Затем машина свернула с дороги, медленно стала спускаться вниз, делая все время зигзаги и часто проваливаясь в рытвины, но, наконец, выбралась на ровное место, поехала по тра-

ве. Послышался скрип ворот. Мы въехали во двор. Сидевший справа быстро произнес что-то и повторил: «Ту-да». Меня вытащили из машины и повели внутрь дома. Мы прошли по коридору с каменным полом, поднялись по деревянной лестнице, потом прошли комнату, устланную линолеумом, снова коридор, на этот раз с паркетным полом, и спустились вниз по каменной лестнице; открылась дверь, пахнуло сыростью, и в тот же момент я полетел вниз по ступенькам от сильного удара ногой в спину. Я упал на каменный пол и вскрикнул от боли.

С меня содрали шляпу, и я увидел продолговатую комнату без окон, освещаемую лампой дневного света над дверью. Мебели не было, если не считать нескольких табуретов в углу. В другом углу был установлен унитаз рядом с умывальником — из крана текла тоненькая струя воды.

Передо мной стояли двое в матерчатых масках, закрывавших всю голову. Третий, высокий, снял с меня наручники — он тоже был в маске. Мне было объявлено, что я изменил родине, перешел на сторону врагов и заслужил смерть за предательство. Я должен рассказать все: как меня завербовали, какие секреты я выдал врагам и какие задания получил. Если я не признаюсь, меня будут пытать до тех пор, пока я не превращусь в мешок с толчеными костями. Я могу сохранить себе жизнь только путем чистосердечного признания — тогда, может быть, мне предоставят возможность тем или иным путем искупить вину.

Я ответил, что, очевидно, произошло недоразумение, я не тот, за кого меня принимают, никому я не изменял, ничего не выдавал, служу в библиотеке филиала христианского союза молодых людей в качестве библиографа и ни к каким секретам не имею отношения.

С меня сняли рубашку, связали руки веревкой и... Я не буду описывать все то, что со мной стали проделывать. Тысячи и тысячи авторов приключенческих детективных и исторических книжек во всех странах изощрялись в описаниях всевозможных пы-

ток, и мне не хочется повторять эти описания, похожие друг на друга. Скажу только, что самым ужасным оказалось вливание ледяной воды в ноздри, когда оно продолжается много часов подряд без передышки.

По ночам меня старательно лечили, прикладывали компрессы, смазывали раны йодом и вазелином, промывали спиртом и делали впрыскивания — вероятно, вводили амиталовую соду для подавления воли. А с утра снова начинали методично истязать. К концу третьего дня я уже не мог кричать, только хрипел. Не мог стоять на ногах и лежать на спине.

Меня мучили больше четырех суток. Самым продолжительным был последний допрос. Его проводили с помощью двух транзисторных полиграфов: на одном записывали мои реакции на вопросы — частоту пульса, дыхания, кровяное давление, мускульное напряжение и потоотделение, а с помощью другого, крохотного, приставленного к глазам, следили за их выражением. Потом повторили все виды пыток, начиная с «полета на Сатурн» и кончая «полосканием души», то есть вливанием воды в нос, чередуя это с уговариванием признаться в том, как меня завербовали империалисты. В отношении меня применялись все стили словесного воздействия и почти все приемы уговаривания — от А до М с вариантами.

Под конец я потерял сознание. Очутился я на улице — перед нашим домом, у самых дверей. Небо на востоке светлело — близился рассвет. Собравшись с силами, я встал и позвонил. Дверь открыл Даню. Он втащил меня в дом.

Я сказал ему, что попал в веселую компанию, мы кутили за городом.

— У тебя такой вид, как будто волочили тебя по земле лицом вниз несколько миль,— он засмеялся.— О тебе справлялся Веласкес, беспокоился.

Я, не раздеваясь, лег на кровать и застонал.

— Есть новость,— сказал Даню,— Вильма исчезла.

— Когда?

— Позавчера.

— Может быть, ты ее... икс?

Даню показал зубы.

— Я бы скорей твою... Она мне мешала.

Вечером я пошел к Веласкесу и рассказал обо всем, что случилось со мной. Он внимательно выслушал меня, изредка дергая эспаньолку, потом наклонил голову и тихо сказал:

— Никому ничего не говорите. Это либо красные, либо бандиты, выдающие себя за красных, — одно из двух. Если это красные, то они хотели что-нибудь выпытать у вас. В общем будем выяснять.

Он прикоснулся к моему плечу, я охнул от боли.

— Простите, дорогой. Полежите денька два, успокойтесь. А я пришлю вам через Даню таблетки обливона для поднятия тонуса. На днях примете участие в деле. Вас вызовут к...

Он придал лицу безразличное выражение и посмотрел на меня такими глазами, как будто я был прозрачный,— и сразу стал похож на Командора.

пятое донесение

а) ДВЕ АКЦИИ

Итак, все по порядку. За это время произошло столько событий, что будь на моем месте сочинитель типа Флеминга или Ааронза, он бы накатал объемистый шпионский роман. Но у меня нет времени для подробного рассказа обо всем случившемся. Буду предельно краток — прошу извинить за очень лапидарное, сухое изложение.

Начну с вызова к Командору. За нами опять приехал Бан, но на этот раз прошел вместе с нами к Командору. Шеф был в том же виде — спортивная рубашка и штаны неопределенного цвета. Без всяких предисловий он объяснил сюжет акции с кодовым названием «Санта Клоз».

Сюда привезены большие партии медикаментов — поливакцина и противодифтерийная сыворотка. Это дар общественности двух красных стран

местным школам, детским садам и больницам. Удалось прибрать к рукам чиновника — заведующего складом медикаментов, и двух сторожей. К следующему вторнику будут готовы «копии» — контейнеры и их содержимое — ампулы с сывороткой и бутылочки с вакцинным сиропом, которые по внешнему виду ничем не отличаются от «оригиналов». Только действие медикаментных «копий» будет совсем иным ввиду их высокой токсичности. Результаты акции вызовут резонанс, сила которого будет прямо пропорциональна тому, сколько прибавится в раю цветных ангелят.

Мы с Даню в ночь на среду должны с помощью дежурного сторожа подменить привозные контейнеры нашими. Машиной, на которой доставят наши контейнеры и увезут контейнеры двух стран, будет править Бан.

За два дня до акции, в воскресенье, я увидел в библиотеке школы малийца Умара Кюеле — худощавого, большеголового юношу ученого вида, в больших очках. Я заговорил с Умаром. Меня поразило его оксфордское произношение — выяснилось, что он учился три года в Англии. На следующий день я сообщил Умару, что в итальянском книжном магазине остался только один экземпляр нашумевшей книги Ле Карре «Шпион, вернувшийся из страны холода». Мы вместе поехали в магазин. В то время когда Умар разглядывал книги на полке, я увидел в окно Бана. Он ходил на той стороне улицы перед бельгийским посольством. Оттуда вышла белокурая девица и стала разговаривать с Баном. Я обратил внимание Умара на эту картину — Бан завел интрижку с бельгийкой. Они беседовали недолго, девица пожала плечами и, небрежно кивнув головой, вошла в посольство, а Бан укатил на «опеле».

На следующий день нам объявили об отмене акции «Санта Клоз».

Даню сказал, что служащая одного посольства позвонила в министерство здравоохранения и предупредила о том, что готовится ограбление склада импортных медикаментов. Никаких сообщений в газе-

тах по этому поводу не появилось — очевидно, были приняты соответствующие меры. Заведующий складом и оба сторожа бесследно исчезли. Из слов Даню я понял, что Бан выполнил особое поручение — закрыл им рот навсегда.

Гаянэ позвонила мне и пригласила пообедать в полюбившемся нам французском ресторанчике (она сказала, что хозяин ресторана, седой веселый француз, чем-то похож на ее отца; в медальончике, который она всегда носила на шее, был фотоснимок ее отца). На мой вопрос: куда делась Вильма? — Гаянэ ответила, что сообщила обо всем дяде Вильмы, и тот, чтобы спасти свою племянницу, сразу сплавил ее в Милан к своей сестре, директрисе школы.

Вместо «Санта Клоз» Командор решил провести новую акцию.

Сюда прибыл крупный нефтепромышленник из Кувейта, Юсуф ар-Русафи. Он тесно связан с ливанскими и йеменскими нефтепромышленниками и собирается заключить договоры с рядом африканских стран о совместной эксплуатации нефтяных месторождений, чтобы вытеснить крупнейшие международные нефтяные монополии — такие, как «Стандард ойл», «Галф ойл» и «Ройял Датч Шелл».

К кувейтцу уже подставлен агент Командора — личный секретарь главы здешнего правительства, его удалось завербовать, когда он был в Монако и проиграл слишком много. Агент предложил кувейтцу фотокопии секретных документов о переговорах правительства этой страны с американо-европейскими нефтяными компаниями. Кувейтец вначале колебался, зная, что покупка правительственных тайн — рискованная афера, но потом решился — его уговорила подставленная к нему миловидная европеянка.

Сюжет акции — кодированное название «Ниндзя-1» — таков. Агент (секретарь министра) назначает кувейтцу встречу для передачи фотокопий. Место встречи — дом на окраине города, построенный недавно, но еще не заселенный из-за обвала потолка на верхнем этаже. Кувейтец подъедет к дому поздно

ночью, отпустит машину, войдет во двор, откроет дверь первого подъезда и поднимется по лестнице на площадку второго этажа, где его в темноте должен ждать секретарь министра с документами. На самом деле его будет ждать не секретарь министра, а Бан с кастетом. После того как он проделает икс, в дом со двора войдет Командор, засунет в карман трупа документы о красном заговоре в странах Африки.

На следующий день полицию по телефону известят об убийстве в пустом доме. Полиция обнаружит на площадке лестницы убитого кувейтца, а в его карманах — страшные документы, которые вызовут сенсацию не только в Африке, но и во всем мире. Акция «Ниндзя-1» — это стрела, которая одновременно должна поразить кувейтского нефтепромышленника и скомпрометировать красных.

Даню получил следующую роль: неотступно следовать за кувейтцем в день акции — до тех пор, пока тот не подъедет к пустому дому. После этого Даню поставит машину недалеко от места действия и будет ждать Командора, Бана и меня.

Мне поручили встретить кувейтца во дворе и провести его к двери подъезда, открыть дверь и показать лестницу, по которой он должен подняться вверх — к Бану. Главное, что от меня требовалось, это не перепутать лестницы. Слева от двери — лестница, которая идет наверх. Справа от двери — лестница, идущая вниз, в подвал.

Показав кувейтцу лестницу, я иду в другой конец двора, где меня ждет Командор. Спустя четыре минуты, в течение которых кувейтец должен подняться до площадки второго этажа и умереть, Командор войдет в дом, а я стану у ворот и, когда из дома выйдут Командор и Бан, направлюсь вместе с ними к машине. Мы поедем на север от города и вернемся через несколько часов в город по другой дороге.

Мы провели три репетиции на месте (это называлось «моделированием акции»), в ходе которых были хронометрированы все действия участников. Даню сказал, что план акции пропущен через вычисли-

тельную группу, состоящую при Командоре. Когда я спросил, в чем заключается работа этой группы, Даню рассмеялся и замотал головой.

— Я справлялся у Бана... но наш разговор происходил за бутылкой ирландского виски. Он, как всегда, не разбавлял виски, поэтому быстро опьянел и стал заплетающимся языком рассказывать о том, что при составлении общего плана акции из него выделили все факторы, поддающиеся измерению, и проверили все элементы акции на основе количественных подсчетов, причем учитывали те параметры, которые фигурировали при математическом анализе аналогичных акций, проведенных до сих пор. Затем Бан стал объяснять, как составляли математическую модель тактической ситуации, как изучали оптимальные альтернативные решения и проводили тщательную проверку вариантов противодействия кувейтцу, чтобы обеспечить возможно точное прогнозирование результатов акции путем суммирования всех плюсов и минусов... Понятно?

— Довольно смутно,— признался я.

— И говорил еще... о зависимости конечных результатов акции от различных уровней проведения вспомогательных акций...

— Вот это понятно. Нам обоим как раз поручено проведение вспомогательных акций, и от того, с какой степенью точности мы проведем нашу работу, зависит конечный результат акции.

Даню кивнул.

Бан сказал, что учтены даже такие факторы, которые не поддаются точному выражению в числах, неуловимые факторы, которые не были рассмотрены при анализе на модели. В общем в плане акции «Ниндзя-1» предусмотрены все элементы случайностей, вроде аварии машины объекта или внезапного заболевания того или иного участника акции,— и математически вычислены все шансы на удачный исход акции.

Затем Даню сообщил, что план всей акции изложен на шести страницах с перечнем всех приемов уговаривания, специальных и форсированных трю-

ков, всех комбинированных приемов обработки и вспомогательных мер воздействия, специальных фармакологических мер, то есть использования амиталовой соды, диамина и прочих средств, с указанием точного расписания времени проведения всех непосредственных действий в отношении объекта. К этому плану приложены диаграммы, таблицы хронометража и подробные планы тех мест, где предположительно будет находиться объект в течение последних двенадцати часов до финала акции.

В ходе троекратного моделирования акции я убедился, что действительно на этот раз все подсчитано, взвешено, измерено и тщательно перепроверено. Успех акции обеспечен — никаких срывов не может быть.

Настал день акции. Командор, Бан и я прибыли на место точно по расписанию. Я стал у ворот. Кувейтец прибыл вовремя. Я поздоровался с ним, назвав его имя. Мы подошли к двери, он открыл ее, и я показал на лестницу, по которой он должен был подняться в полной темноте. Затем я пошел к Командору, и тот по прошествии четырех минут направился к дому, открыл дверь и закрыл ее за собой. Я стал ждать. Командор с Баном должны были выйти из дома во двор через шесть минут. Но они не вышли — прошло 10 минут, еще 10, еще 5 — их не было. Я стал беспокоиться — ломался весь график акции. Прошло еще 10 минут и еще 10 — их уже не было сорок пять минут.

Я подошел к дому, открыл дверь и прислушался — ни звука. Тогда я поднялся по лестнице до второй площадки. Затем спустился вниз, вышел на улицу и, подойдя к машине, в которой сидел Даню, сказал:

— Они не вышли. Уже прошло около пятидесяти минут.

— Может быть, ушли другим путем?

— Каким?

— Там есть другая лестница, ведет вниз...

— В подвал. Я знаю.

— А в дальнем углу подвала есть дверь, за ней

коридор, он упирается в дверь, через которую можно выйти в соседний двор.

— А зачем же идти этим ходом? Ведь я их ждал согласно плану акции во дворе дома, и мы должны были вместе пройти к тебе.

— Они могли выйти в соседний двор и направиться в город.

— Если они направились в город, то должны были пройти мимо тебя по этой улице. Ты никого не видел?

— Ни одного прохожего не было. Только пробежали две собаки — возможно, что это были гиены.

— А ты случайно не заснул?

— Я проглотил пять таблеток антидормина и могу теперь не спать двое суток.

После недолгого раздумья Даню предложил пойти вместе в дом и подняться по лестнице. Я сказал, что уже поднимался до второй площадки и никого не нашел. Даню заявил, что пойдет сам, у него есть фонарик — надо выяснить, в чем дело. А я должен остаться здесь — на тот случай, если вдруг подойдут Командор и Бан.

Но Даню не пошел. Мы увидели вдали огни машин, они быстро шли в нашу сторону. Мы двинулись навстречу этим машинам. Мимо нас проехали два «бьюика» и остановились у пустого дома. Из машины вышли люди и проследовали во двор. Даню шепнул:

— Плохо дело. Это полиция. Кто-то уже сообщил им.

Мы помчались в город. Явились к Веласкесу, доложили обо всем. Он был так потрясен, что забыл даже щипать эспаньолку, и, почесав лоб, не заметил, что сдвинул набок парик. Мы просидели до утра у Веласкеса — он несколько раз звонил кому-то и говорил о шахматных партиях, перечислял ходы и объяснял расположение фигур на доске — разговор был кодированный. Но ничего выяснить не удалось.

Мы пошли к себе. В полдень Даню позвонил Веласкесу и получил приказание явиться немедленно — без меня. Даню вернулся поздно ночью, разбу-

дил меня и сказал, что полиция нашла на лестнице труп, на ступеньках выше второй площадки, но это труп не кувейтца Юсуфа ар-Русафи, а другого человека. Не дожидаясь моего вопроса, Даню добавил: это труп Командора — уже съездили в морг и точно установили. Где Бан и кувейтец — неизвестно.

Сев на мою кровать, Даню зажал руками голову.

— Ничего не понимаю...— прошептал он.— Может быть, это тоже какая-нибудь комбинация... какой-то экстраординарный ход. Хотя нет,— он хлопнул себя по голове кулаком,— что за ерунда. В общем какая-то страшная загадка.

Я вспомнил, как Даню говорил мне о том, что при составлении плана акции были предусмотрены все элементы случайностей, учтены даже неуловимые факторы и были скрупулезно подсчитаны все шансы и контршансы. Но теперь было видно, что в эти подсчеты все-таки вкрались неточности.

Через два дня в газетах появились краткие сообщения о том, что на окраине города в пустом доме найден труп неизвестного мужчины, лет 55, европейца, с признаками насильственной смерти. Начато расследование. О документах ничего не говорилось. О кувейтце и Бане тоже.

6) КТО УБИЛ?

Веласкес приказал мне, как непосредственному участнику акции, представить рапорт — описать все, что было в тот вечер, с того момента, как к месту действия прибыл Командор. Как он выглядел, что сказал, как вошел во двор кувейтец, как я провел его к двери и как Командор прошел в дом. И о том, что я увидел, поднявшись по лестнице.

— Я ничего не видел на площадке,— сказал я.

— У вас был электрический фонарик?

— Нет, только спички. Я зажигал их несколько раз, осматривал площадку.

— И трупа там не было?

— Не было. И вообще никого не было.

Веласкес пристально посмотрел на меня и кивнул головой.

— Вы, наверно, не увидели ничего потому, что труп лежал на ступеньках выше второй площадки. А вы осветили только площадку.

— Возможно. А может быть, убийца, услышав, как я поднимаюсь, подтянул труп на площадку третьего этажа, а потом, после моего ухода, стащил труп вниз...

Веласкес подавил улыбку и провел двумя пальцами по серебряной пряди посередине парика.

— В конце рапорта изложите ваши предположения относительно того, как было совершено преступление, кто убийца и как он ушел оттуда. Только прошу вас не излагать таких... оригинальных мыслей, которыми вы поделились со мной, относительно таскания трупа вверх и вниз.

— Значит, мне приказывают провести расследование по делу об убийстве нашего шефа? Я правильно понял?

— Правильно, мой мальчик.

— Но для того чтобы проводить расследование, надо осмотреть место происшествия, поискать следы и вещественные доказательства, осмотреть труп...

Веласкес мотнул головой.

— Полиция уже все это сделала, и мы добыли все нужные данные: никаких следов на площадке не найдено, кроме крови. Командор был убит ударом по голове чем-то твердым: раздроблена черепная коробка. Больше никаких следов нигде — ни на площадке, ни на лестнице, ни в подвале. Убийцу надо искать логическим путем. От вас требуется расследование, которое вы проведете у себя дома.

Я вежливо улыбнулся.

— Такие расследования бывают только в детективной литературе. Например, у баронессы Орци фигурирует некий «Старик в углу», который раскрывает тайны преступления не сходя с места. Или Неро Вульф у Рекса Стаута...

Веласкес погладил меня по плечу.

— А чем же вы хуже этого толстого лентяя Вульфа? После прослушания моих лекций по технике об-

щения вы должны были стать наблюдательным и проницательным.

— А с Даню можно говорить о расследовании? Обсуждать с ним вместе...

— Это ваше дело. Только имейте в виду, что он получил аналогичный приказ и может присвоить себе наиболее удачные из ваших догадок.

Вернувшись домой, я рассказал Даню о разговоре с Веласкесом и предложил вместе заняться детективным анализом. Даню согласился.

Кто же убил Командора?

Его могли убить два человека: Бан или кувейтец Юсуф ар-Русафи.

Если бы в этом фигурировали два человека — Командор и другой, то все было бы ясно. Этот другой убил Командора и убежал.

Но в этом деле фигурируют трое: Командор, Бан и кувейтец. Это усложняет расследование. Можно допустить следующие альтернативы:

1. Бан убил кувейтца и Командора и, взяв деньги у первого и документы у второго, убежал, утащив с собой труп кувейтца.

2. Бан, сговорившись с кувейтцем (и получив у него деньги), убил Командора и, взяв документы, убежал вместе с кувейтцем.

3. Кувейтец убил Бана, потом Командора и, взяв документы у последнего, утащил с собой труп Бана.

4. Кувейтец, отняв у Бана кастет, приказал ему сидеть и молчать, дождался появления Командора, убил его и убежал, за ним последовал и Бан.

Насчет того, каким путем убежали кувейтец и Бан, у нас сомнений не возникало.

Они прошли через подвал, потом по коридору и вышли в соседний двор, оттуда в переулок. Один конец этого переулка упирается в ворота особняка одного сановника. Эти ворота ночью плотно закрыты, а за ними бегают немецкие овчарки. Следовательно, через этот конец переулка бежать невозможно. Остается другой конец переулка. Он выходит на ту самую улицу, где стоит дом, в котором произошло убийство Командора. Но пойти направо по этой ули-

це, то есть в направлении города, кувейтец и Бан не могли, потому что им пришлось бы пройти мимо машины Даню — Бан ведь знал, где будет стоять машина. Следовательно, они могли пойти только налево, в сторону индийского кладбища и леса, и кружным путем вернулись в город.

— Третья и четвертая альтернативы отпадают,— сказал Даню. — Кувейтцу шестьдесят пять лет, толстый, страдает одышкой, сугубо мирный субъект. Он никак не мог бы справиться с Баном, а потом прикончить Командора.

— А мне не нравится первая альтернатива: убив Командора и кувейтца, Бан почему-то бросает на лестнице труп шефа и утаскивает именно труп кувейтца. Чтобы получить деньги у родственников?

Дану захохотал, похлопывая себя по бедрам.

— Да, это ерунда. Значит, получается, что наиболее вероятная комбинация это такая: Бан получает от кувейтца деньги, убивает Командора, и они оба удирают... Каким путем?

— Ясно — каким. Выйдя на улицу, идут налево.— Подумав немного, я добавил: — Но есть еще одна альтернатива. А что, если был четвертый? Он мог пройти через подвал, подняться по лестнице, убить Бана, потом кувейтца, потом Командора и...

Дану замахал руками.

— Убить троих, оставить один труп на лестнице, а остальные два потащить через подвал? Дикий бред. Не советую говорить такую чушь Веласкесу, он наверняка решит, что африканский климат подействовал на нейроны твоего мозга.

— Минуточку. А что, если этот четвертый связан с кувейтцем? Кувейтец попросил четвертого пройти через подвал, подняться по лестнице и обработать Бана — подкупить, запугать или нокаутировать. Потом приходит кувейтец, поднимается на вторую площадку, вместе с четвертым ждет Командора, тот появляется, его убивают, и затем кувейтец и четвертый удаляются через подвал.

— А Бан?

— Если Бана подкупили или запугали, то он уходит с ними. А если его оглушили ударом, то он, очнувшись, видит около себя труп Командора и, решив, что его заподозрят в убийстве шефа, удирает через подвал.

Даню подумал и решительно покачал головой.

— Насчет возможности существования четвертого у нас нет абсолютно никаких данных. Голая, ничем не обоснованная гипотеза. Эта альтернатива совершенно беспредметна.

В результате обсуждения мы пришли к выводу — наиболее достоверна такая альтернатива. Бан, получив крупную сумму от кувейтца, убил Командора и удрал вместе с кувейтцем — через подвал, соседний двор и переулок. Выйдя на улицу, они пошли налево. Это предположение подкреплялось еще тем, что Бан набил руку по части икс и мог без труда раскроить череп шефа ударом кулака, оснащенного кастетом.

Пробежав глазами написанное мною, Веласкес удовлетворенно промычал:

— Можно считать, что мои подозрения в отношении Бана оправдались. Чутье меня не обмануло.

— Значит, можно не сомневаться в том, что именно Бан убил шефа?

— Никаких сомнений. Поэтому он и удрал вместе с кувейтцем. Бан был подослан к нам русскими, это тоже несомненно.

— Он, вероятно, был связан с теми, кто меня недавно похищал. Это наверняка были русские. Тараторили между собой...

Веласкес сделал легкую гримасу.

— Это не русские. Вас просто проверяли — тест Командора. И в числе проверявших был Бан, его приходилось все время сдерживать, а то бы он забил вас до смерти.

— От такого теста можно угодить на тот свет.

Веласкес щелкнул пальцем по моей записке.

— Вы считаете наиболее достоверной альтернативу, где фигурируют три действующих лица — Командор, Бан и кувейтец. А ваш друг Даню настаи-

вает на том, что было четверо. И надо сказать, что выдвннутая им версия вполне обоснована. У кувейтца был телохраннтель, частный детектнв, голландец, здоровенный детнна, нмеющнй высокую степень по дзюдо. Он часто сопровождал кувейтца, мог и на этот раз. И для него кокнуть Бана было таким же легким делом, как для нас высморкаться. Вопрос заключается только вот в чем... Они вышли в соседний двор, оттуда в переулок н на улнцу. Так?

— Да.

— Ведь машнны у ннх не было. Если онн пошлн налево, в сторону кладбнща и леса, то это значит, что они обрекали себя на продолжительное ночное путешествие по безлюдным местам, где на каждом шагу проволочные заграждения, там ведь много огороженных пустырей. А им надо было скорей добраться до города, чтобы прнготовнться к бегству нз страны. Поэтому онн, выйдя из переулка на улицу, моглн пойти направо. А где стояла машнна вашего друга?

— Прнмерно в двадцати ярдах от угла переулка.

— Онн должны были пройти мнмо вашего друга.

Я пожал плечамн.

— Он говорит, что ннкого не видел... кроме нескольких гнен.

Веласкес удивленно уставился на меня:

— Гнен? В таком случае одно нз двух: нлн ваш друг был пьян, нли кувейтец, Бан н четвертый по примеру оборотней приняли вид гнен.

— Он был трезв и не засыпал в машнне.

— Тогда прндется допустить еще одну возможность. Догадываетесь?

— Да.

— Говорнте,— прнказал Веласкес.

Я нехотя произнес:

— Онн подошлн к машине, в которой сидел Даню...

Профессор вскинул палец к губам н наклоннл голову набок.

— И одно нз двух. Лнбо прнгрознли ему, лнбо

дали ему денег, чтобы он не говорил никому, что видел их, как они прошли по улице. Так?

Я неопределенно шевельнул головой — среднее между «да» и «нет». Профессор погладил эспаньолку.

— Между прочим, ваш друг допускает и такую возможность: кувейтец, Бан и четвертый, спустившись по лестнице со второй площадки, не идут вниз в подвал, а выходят через дверь в первый двор. Там они натыкаются на человека, который ждет выхода Командора и Бана. Трое быстро обрабатывают каким-то образом этого человека и, выйдя на улицу, идут налево, к индийскому кладбищу и, пройдя через него — Бан и четвертый помогают кувейтцу перелезать через каменные ограды, — попадают в другой район города, ловят такси и добираются до города. Эта версия тоже заслуживает внимания.

Я изобразил на своем лице улыбку.

— А как, по мнению Даню, обработали этого человека, который стоял во дворе?

— Одно из трех. Либо подкупили, либо запугали, либо нокаутировали. В том случае, если эта альтернатива подтвердится, на вопрос — как обработали этого человека? — наиболее точный ответ можно будет получить только у вас...— Веласкес улыбнулся и взглянул на меня так, что у меня сжались все внутренности. Профессор продолжал: — Расследование ведут наверху... те, кому подчинена наша школа. И там решат, какая из альтернатив наиболее вероятна. И докопаются до истины.

— А как с телом нашего шефа?

— Уже все сделано. Версия такая: в город недавно прибыл один канадский богач, дилетант-археолог. Его ночью затащили в пустой дом, ограбили и убили. Приехал его сын, забрал останки отца и уехал. Полиция ищет грабителей.

Судя по всему, те, кто был наверху, нажали на все кнопки. Спустя неделю мы узнали от Веласкеса, что через Бейрут проследовали в сторону Басры на самолете пассажиры, похожие на кувейтца и его охранника, а в аэропорту Касруп в Копенгагене видели в лифте, спускавшемся к мужской туалет-

ной, человека, приметы которого совпадали с внешними данными Бана.

И окончательно подозрения в отношении его подтвердились тогда, когда выяснилось, что звонила в министерство здравоохранения и предупреждала о нападении на склад медикаментов и тем самым сорвала акцию «Санта Клоз» не кто иная, как машинистка бельгийского посольства, некая Ирен Тейтгат. И тогда я и Умар Кюеле сообщили Веласкесу о том, что видели своими глазами, как Бан разговаривал с женщиной, вышедшей из бельгийского посольства. Бан что-то сообщил ей и умчался на машине.

Веласкес сказал мне и Даню:

— Все говорит в пользу того, что Бан был перевербован вражеской разведкой, по ее приказу провалил две наши акции и погасил одного из крупнейших ниндзя современности. То, что провалились две акции, это, конечно, для нас удар, но в нашей работе такие неудачи неизбежны, и в генеральных планах наших мероприятий всегда предусматривается энное количество сорвавшихся акций. Но гибель Командора — это подлинная катастрофа.

— Невосполнимая потеря,— заметил Даню.

— Невосполнимая? — Веласкес пошевелил усиками.— Это гипербола. На смену погибшему появятся другие, брешь в нашей когорте будет заполнена. Но смерть Командора является для нас катастрофой в том отношении, что он держал нити многих других акций в своей голове, и только в голове, не записывая их на бумаге или магнитофонной пленке ввиду их сверхсекретности. И все эти тайны он унес с собой. Кроме того, те акции, которые сейчас находятся в стадии проведения, неизбежно повиснут в воздухе — без Командора нельзя будет продолжать их или развивать. А сколько акций он еще задумал, запланировал, подготовил в голове! И все это пропало безвозвратно. Вот почему его смерть — страшная катастрофа для нас.

— Гибель командующего армией в разгар сражения,— сказал я.

— Еще больше,— Веласкес сделал энергичный жест.— Гибель командующего со всем его штабом и со всеми секретнейшими бумагами, не имевшими копий.

Когда меня через несколько дней вызвали к Веласкесу, я понял, что события, связанные с гибелью шефа, стали развиваться дальше, подобно кругам на воде. У профессора я увидел еще одного человека — высокого блондина (182 сантиметра), лет 36, с почти бесцветными водянистыми глазами и тонкими губами.

— Скажите, как отнесся Даню к известию о внезапном отъезде о. а. — 2? — спросил блондин.

У него был очень низкий, ласковый голос. Манера говорить — Эй-3.

— Довольно спокойно,— сказал я.

— Спокойно? — прогудел блондин и, подняв брови, взглянул на Веласкеса.— Он, вероятно, реагировал так, потому что знал, что Вильма никуда не уехала. Скажите, ваш друг действительно крепко держал ее в своих руках?

— По-моему, он совсем подчинил ее своей воле,— сказал я.— Она его слушалась во всем.

Блондин подумал и тихо заговорил:

— Так вот... Стало известно, что Вильма одно время жила в одном доме с бельгийкой Ирен Тейтгат и, вероятно, была хорошо знакома с ней. И вполне возможно, что сообщила кое-что этой бельгийке. Новость была такого свойства, что передать ее она могла только по приказу того, кому была всецело подчинена. Ведь своей воли у нее уже не было.— Он снова посмотрел на Веласкеса. Тот кивнул головой. Блондин продолжал: — Короче говоря, Даню мог приказать Вильме сообщить бельгийке новость, чтобы та передала ее по телефону в министерство здравоохранения. И возможно, что Вильма инсценировала свой отъезд и осталась здесь для участия в следующем деле — разумеется, по приказу того, кого она слушалась беспрекословно. И она могла предупредить обо всем кувейтского нефтепромышленника, чтобы провалить следующую акцию.

Веласкес закивал головой и сказал:

— Даню сидел в машине недалеко от места происшествия. И возможно, видел, как мимо него прошли кувейтец и Бан. Но об этом нам не говорит, потому что связан с ними. Бан — агент красных, это можно считать установленным. Кувейтец, очевидно, тоже. И вполне возможно, что их сообщниками являются также Даню и его девица.

Блондин совсем понизил голос:

— За Даню уже установлено наблюдение. И вы тоже следите, только ни в коем случае не дайте ему догадаться.

Приказ есть приказ, пришлось выполнять. Но наблюдение за ним было поручено не только мне, и Даню, вероятно, почувствовал что-то неладное. Он перестал выходить из дому и целыми днями валялся на кровати, курил одну за другой сигареты с марихуаной, потом лежал часами неподвижно с остекленевшими глазами.

Но все кончилось благополучно. Его вызвали куда-то — вероятно, к блондину с белесыми глазами,— и, вернувшись вскоре, он сообщил мне, что выяснилось, во-первых, что Вильма действительно находится в Милане у своей тети, и, во-вторых, она в прошлом году поссорилась с бельгийкой на балу во время конкурсного исполнения мэдисона, и с тех пор они ни разу не разговаривали.

Рассказав об этом, Даню спросил меня в упор:

— Ты получил приказ от Ренуара?

— От кого? — удивился я.

— От блондина. Он поручал тебе смотреть за мной?

— Нет. Я не принял бы такого поручения. За тобой, очевидно, следили другие. И хорошо, что все выяснилось. А то могли бы потащить опять в одно место для интенсивной проверки. И опять вернулся бы со ссадинами, как после того футбола.

Мы оба рассмеялись. И принялись со спокойной душой за работу — через две недели начинались экзамены.

в) ЭКЗАМЕНЫ

Вопреки ожиданию экзамены оказались совсем не страшными. Большинство их носило характер коллоквиумов. Экзаменаторов больше интересовала степень нашей осведомленности в вопросах, связанных с курсом, чем наше умение вызубривать записи.

Первым долгом прошли экзамены по вспомогательным техническим дисциплинам начиная с радиотехники и тайнописи. Эти барьеры я преодолел без труда, только по специальной технике я не совсем точно описал аппарат, который улавливает световые волны с помощью свинцово-сульфитного элемента. Зато я уверенно объяснил устройство инфрафона, который передает звуки, в частности человеческую речь, с помощью инфракрасных лучей, и быстро набросал схему карманного транзисторного детектора лжи системы Такеи — для проверки выражения глаз испытуемого.

Так же гладко прошли экзамены по таким предметам, как общая история тайной войны, методология психологической войны, мировая экономика, религиозные секты, обзор уголовного подполья и этнография Африки и Арабского Востока.

По истории тайной войны преподаватель Тинторетто спросил меня: 1) о совещании, проведенном в Западной Германии в 1959 году по подготовке мятежа в Индонезии — с участием делегатов Дар-уль-Ислама и 2) о том, как было организовано в сентябре 1962 года агентурное наблюдение за советскими пароходами «Омск» и «Полтава», прибывшими в Гавану. Потом задал вопрос о том, как во время тихоокеанской войны японский орган «Эф» учредил марионеточное правительство Боса — на этой основе экзаменатор провел со мной беседу о некоторых политических комбинациях западных стран в Африке.

А по предмету «Левые идеологии» меня спросили о негритянской организации в Америке «РАМ» и о тактике Индонезийской компартии. Затем я рассказал экзаменатору о комбинации, проведенной

в Конго в конце 1963 года, с фальшивым письмом, якобы посланным Советскому Союзу левыми элементами в Конго о плане финансовой диверсии.

Но не все экзамены были такими легкими. Утамаро сдержал свое обещание и заставил нас помучиться. Приведу для примера несколько вопросов, которые он задавал мне и Даню.

По кудеталогии

— Изложить ход переворота в Тегеране (1953).

(Надо было по порядку изложить все мероприятия, проведенные уполномоченным ЦРУ Кармитом Рузвельтом после его прибытия в Тегеран, особенно подробно остановившись на его мероприятиях, которые отвлекли внимание мосаддыковской полиции в сторону. Затем я рассказал о том, как Кармит Рузвельт со своими помощниками организовал 19 августа уличную демонстрацию, использовав атлетов и борцов — членов спортивного клуба, и как генерал Шварцкопф поднял воинские части под предлогом усмирения толпы.)

— Описать все этапы переворота против Нго Динь Дьема — по карте Сайгона.

(Пришлось подробно рассказать о плане переворота, перечислить заслоны, установленные переворотчиками между отелями «Мажестик» и «Каравелл», у базарной площади и в других пунктах города, и остановиться на основных мероприятиях, проведенных в самом начале переворота,— аресты приближенных Дьема, икс-акции против Као Ксуан Ви и других.)

— Тактический разбор сеульского переворота против правительства Чан Мена, проведенного в течение 80 минут. Сравнение с блицпереворотами, проведенными в странах Латинской Америки.

— Какой тип переворота наиболее рационален в странах Африки и Арабского Востока? Оценка дамасского переворота (1947), проведенного в течение 142 минут, и габонского переворота (1964), занявшего ровно 125 минут.

— Как сформулировать закон искажения слухов?

(На этот вопрос я ответил неправильно — стал говорить о постепенном искажении слухов в ходе передачи и о кривой роста слухов, но, оказывается, я спутал исследования Шактера и Бердика и наблюдения Додда и Киносита с выводами Хайяма и Фестингера относительно трех стадий модификации слуха — выравнивания, обострения и ассимиляции.)

— Каким образом Крас дополнил формулу Олпорта?

Я правильно изложил формулу Олпорта ($R \sim ixa$) о значимости слухов, но не мог сформулировать дополнение Краса, которое показывает значение элемента критического отношения к слуху.

Утамаро экзаменовал нас по ниндзюцу — по общей части и важнейшим разделам — целых три часа — в присутствии Веласкеса и блондина — Ренуара. Последний тоже задал несколько вопросов по кудеталогии.

Экзамен по технике общения тоже был довольно продолжительным — Веласкес хотел показать Ренуару, как мы хорошо усвоили его предмет.

Даню был задан вопрос о наводящем методе разговора, то есть активной тактике и о волнообразной манере вести беседу, и о способах незаметной подготовки поворота в разговоре при уговаривании, а меня спросили о способах подталкивания беседы и об обходных маневрах с целью вытягивания сведений.

Ренуар остался доволен нашими ответами и удовлетворенно кивнул Веласкесу.

Из остальных экзаменов некоторую трудность представляли экзамены по курсам «Молодежное движение» и «Тактика специальной (антипартизанской) войны».

По первому предмету меня спросили о студенческих беспорядках в латиноамериканских странах и о международных молодежных организациях — идеологических, спортивных и религиозных.

А по второму предмету в числе прочих были заданы вопросы о партизанской войне в Судане в конце прошлого столетия и о методах борьбы англичан после второй мировой войны против партизан в Малайе. Я не мог толково ответить на вопрос о деятельности английского управления специальных операций во время второй мировой войны, ведавшего вопросами связи с движением Сопротивления. Экзаменатор предложил мне ознакомиться с материалами Сэнт-Антони колледжа в Англии — исследовательского центра по партизанской войне.

Последним был экзамен по методам подпольной работы. Меня спрашивали об организации антинацистского подполья в Советском Союзе, Чехословакии и Франции, о методах использования нацистами провокаторов и о подпольной тактике мао-мао.

Когда был сдан последний экзамен, Веласкес пригласил меня и Даню на чашку кофе. Мы встретили у него мрачного ливанца Анвара Макери, маленького курчавого конголезца Куанго и малийца Умара Кюеле. Они тоже сдали все экзамены.

Прислуживали нам, как всегда, две девочки с накрашенными губами — одна из них была та самая, которая участвовала в эксперименте Даню под № 3 — ей тогда дали лизергическую кислоту с симпамином, и она стала буйствовать. На этот раз она вела себя очень тихо — разливала кофе по чашечкам, а другая наполняла наши рюмочки ликером.

В конце вечера Веласкес сообщил нам две новости. Первая — через три дня прилетит новый Командор. Вторая — неделю тому назад в Амстердаме нашли Бана. Заметив слежку за собой, он скрылся в одном из переулков около вокзала — в квартале веселых домов, но на следующий день был обнаружен на Принсен-грахт, побежал по узенькой улице вдоль канала и, увидев, что его окружают, успел проглотить пилюльку с цианистым калием и упал как раз перед высоким узким домом, который известен туристам как «дом Анны Франк».

— А как Юсуф ар-Русафи? — спросил Даню.

— С ним ничего не получится, — ответил Веласкес. — Сидит себе с Эль-Кувейте, завел охрану из детективов разных национальностей. Собирается поехать в Москву для ведения переговоров. До него не доберешься.

Даню блеснул зубами.

— А я бы добрался. И посвятил бы эту акцию памяти Командора.

г) ВСТРЕЧА С НОВЫМ ШЕФОМ

О новом Командоре имелось очень мало сведений. Стало известно только то, что он знает языки баконго и бабоа и что, несмотря на молодость, он уже был директором международного исследовательского центра по вопросам нефти, а после этого занимал видный пост в международном консорциуме по эксплуатации природных ресурсов Центральной Африки.

За нами приехал сам Ренуар и повез в тот самый темно-красный дом. Нас принял новый шеф. На вид ему было 32—33, худощавый, шатен, аккуратная прическа с пробором на боку, очки в роговой оправе почти квадратной формы, галстук-бабочка — банальная внешность молодого делового человека. Но эта внешность была обманчивой — на должность Командора могли назначить только заслуженного аса секретной службы — такого, каким был предыдущий. Или, может быть, новый шеф так богат, что это заменяет заслуги?

Вместо статуи Архипенко и репродукции абстрактной композиции Курилова теперь кабинет украшали карты разных районов Африки и ярко разрисованные кожаные маски и щиты с дырками от пуль.

Аудиенция была непродолжительной. Шеф объявил, что, хотя две акции, в которых мы участвовали, не удались, можно считать, что мы сдали дипломные работы.

Поздравив нас с окончанием экзаменов, он сказал:

— Вы оба немедленно начнете работу. Примете участие в большом деле. Одном из тех, что подталкивают историю. — Он подмигнул: — Эту старушку надо все время встряхивать. Не так ли?

— Ниндзя двигают историю, — торжественно произнес Даню.

Новый Командор улыбнулся, сузив глаза:

— Правильно, именно они. А не дряблые старикашки в правительствах и генеральных штабах. У японцев была Квантунская армия. Туда ссылали самых решительных, отчаянных капитанов и майоров. И эти квантунцы стали делать историю. Мы тоже должны играть решающую роль. Иначе, — он хлопнул ладонью по столу, — нас сожрут красные. — Он легким движением вскочил с кресла. — Придется вас разлучить, будете работать отдельно. На днях получите конверты с заданиями. И сразу же направитесь куда надо. И помните всегда: настоящую историю пишем мы, но невидимыми чернилами. — Он помахал рукой: — Чао!

Мы поклонились и вышли из кабинета вслед за Ренуаром. Он посадил за руль Даню, а сам сел рядом со мной и сразу же заснул. Даню обернулся и засмеялся.

— Спит как ребенок. Вот что значит крепкие нервы.

Когда мы проезжали мимо эвкалиптовой рощи, на дорогу стали выбегать маленькие павианы и кувыркаться, как акробаты. Пришлось круто затормозить машину и прогнать обезьян. Ренуар проснулся и толкнул меня локтем.

— Какое впечатление от нового?

Я ответил:

— Похож на капитана университетской бейсбольной команды.

В водянистых глазах Ренуара мелькнула усмешка. Даню добавил:

— На капитана из богатого дома.

— Из очень-очень богатого дома, — низким, почтительным голосом произнес Ренуар.

д) КОНВЕРТЫ С ЗАДАНИЯМИ

Веласкес вызвал нас в три часа ночи. За эти дни он заметно сдал, перестал ухаживать за своими усиками и эспаньолкой и надевал парик как попало.

Он сообщил: Командор приказал сделать все, чтобы доискаться до причин наших провалов. Только что выяснилось, что бельгийка Ирен Тейтгат, которая недавно уехала в Каир, прислала письмо на имя Гаянэ. В нем она просит сходить к ней на квартиру, взять из ночного столика ключ от абонементного ящика на почтамте и, просмотрев всю корреспонденцию, переслать в Каир только те письма, которые заслуживают немедленного ответа.

Сейчас нет времени заниматься подробным расследованием. Ясно одно: если бельгийка доверяет Гаянэ тайну своей переписки — значит, они очень близкие подруги. А если это так, то весьма возможно, что Гаянэ в курсе других тайн своей подруги, в частности тайны телефонного звонка в министерство здравоохранения. И можно предположить, что Гаянэ систематически информировала свою подругу о встречах с нами.

Мы должны перебрать в памяти все разговоры с Гаянэ — вплоть до самых пустячных реплик. А что, если мы выдали себя каким-нибудь неосторожным замечанием или жестом?

Даню решительно возразил. Все разговоры с Вильмой и Гаянэ он проводил по заранее намеченному плану обработки, утвержденному профессором. Никаких импровизаций не допускал. Круг тем был строго определен и не имел никакого отношения к нашим служебным секретам.

Я сказал, что, разговаривая с о. а. — 1, ни на минуту не забывал, с кем имею дело. А с Вильмой обменивался репликами только в присутствии Даню.

— А между собой вы не вели неосторожных разговоров? — спросил Веласкес. И, не получив ответа, почесал затылок под париком. — Судя по всему, Гаянэ догадалась, кто вы такие.

Даню издал шипящий звук сквозь зубы:

— С самого начала она не нравилась мне. А теперь я уверен... она и бельгийка были связаны с Баном. И узнали от него о нашей акции.

— А как насчет самого Бана? — спросил я. — Выяснилось?

В этот момент в комнату вошел Ренуар.

— А что еще выяснять, — буркнул он. — Он уже в аду и выполняет поручения по своей специальности — пытает грешников.

— Я не об этом. Кем он был подослан к нам?

Веласкес вздохнул:

— Жалко, что не удалось допросить его перед смертью. Но сомневаться не приходится. Он не был с самого начала советским призраком... судя по его делам в Алжире, Анголе и Индокитае. Вряд ли Москва могла давать ему такие задания хотя бы для маскировки. Скорей всего его перевербовали здесь. Интересно только — на чем его взяли?

Ренуар усмехнулся и сказал ласковым басом:

— Давайте вернемся к... пока живым. Я доложил обо всем Командору, и он согласился с моими соображениями. Насчет девицы вопрос ясен, надо действовать немедленно. Кстати, выяснилось, что ее отец сражался против немцев в Греции, но погиб после войны.

В результате короткого обсуждения был составлен следующий план: завтра утром я звоню о. а. — 1 и назначаю встречу вечером, мы идем ужинать, потом я провожаю ее домой, уговорив пойти по переулку за французской школой. В конце аллеи к нам подкатит машина — и моя роль на этом закончится.

— Ее надо заставить исповедаться во всем, — сказал Даню. — Чтоб не унесла с собой ни одной тайны, чтоб ушла чистенькой, прозрачной, как стеклышко.

Ренуар погладил спинку кресла и ласково прогудел:

— Заставим разговориться. И вы оба примете участие в этом.

Веласкес поморщился:

— Откровенно говоря, не люблю, когда женщин... интервьюируют. Весьма неэстетичное зрелище.

Ренуар усмехнулся:

— Я помню вашу статью о статистическом изучении видов моторного беспокойства и эмоционального реагирования у женщин в экспериментальных ситуациях — по материалам лагеря усиленного режима в Мосамедише. Фундаментальное исследование.

— Мосамедиш? — Даню сморщил лоб. — Испанское Марокко?

— Нет, в Анголе, — сказал я.

— Вы тогда высчитали... — Ренуар посмотрел на потолок, — что предел выносливости по возрастным контингентам...

Веласкес приставил пальцы ко рту и зевнул.

— Давайте вернемся к живым. Мы должны запастись силами. Надо скорей лечь спать. — Он повернулся к нам: — Советую, мальчики, принять завтра перед делом двойную порцию сустагена — для поднятия тонуса.

Даню шепнул мне:

— Надо угостить Гаянэ штукой, о которой рассказывал мне Бан, — есть такой способ «пенальти». Его применяли бельгийцы из катангской жандармерии. Метод люкс. А ты чем угостишь ее? Не будешь жалеть?

— Она знала, на что идет. Скажу честно — особого удовольствия это мне не доставит, но щадить ее не буду.

Веласкес отпустил меня домой, а Даню остался для получения дополнительных указаний — ему поручалась наиболее серьезная часть акции — захват и доставка объекта акции к месту экзекуции.

Я совершил длительную прогулку, и, когда вернулся домой, Даню уже лежал в постели. Он спросил меня, где я пропадал. Я ответил: провел репетицию завтрашней ночной прогулки — чтобы выбрать самый естественный, не могущий вызвать подозрений маршрут от ресторана «Сплендидо» к тому переулку.

На следующее утро я позвонил в контору «Эр Франс» и пригласил Гаянэ на ужин. Она сейчас же согласилась, и мы условились насчет времени, когда я подойду к конторе. Но она попросила еще раз на всякий случай позвонить в 6 часов — вдруг ей продиктуют что-нибудь срочное и надо будет сразу же перепечатать стенограмму.

Когда я позвонил в 6 часов в контору, подошла другая девица и сказала, что Гаянэ только что уехала домой, оттуда поедет в монастырский заповедник к дяде, он опасно заболел. Гаянэ потом должна вернуться в контору и закончить работу.

Я звонил еще несколько раз — Гаянэ не вернулась в контору до полуночи. Дома у нее никто не отвечал. Очевидно, она осталась с матерью в заповеднике. Акцию пришлось отменить — перенести на следующий день. Ровно в 10 часов утра я позвонил в контору. Мне ответил мужской голос: Гаянэ не явилась на работу. Такой же ответ я получал в течение всего дня — она так и не появилась до 11 часов ночи.

После полуночи я стал звонить Веласкесу — никто не отвечал. Дома у Гаянэ тоже не брали трубку. Даню ушел днем и не возвращался домой. Он пришел только около двух часов ночи — навеселе, пританцовывал и слегка пошатывался.

Я спросил его: где Веласкес? Надо сообщить профессору, что Гаянэ еще не вернулась в город. Даню свистнул и махнул рукой. С трудом стянув с себя одежду, он упал на кровать и заснул. На следующее утро, узнав, что Гаянэ опять не вышла на работу, я пошел к Веласкесу. Он сидел в пижаме на кровати и смотрел на дерущихся девочек, они катались по циновке, вцепившись друг другу в волосы. Наконец одной удалось укусить другую, та заплакала, и ей было зачтено поражение. Победительница получила сигаретку и монетку. Веласкес приказал девочкам пойти вымыться и приготовить для него завтрак.

Я доложил о том, что Гаянэ так и не вернулась в город. Веласкес кивнул головой.

— Мы проверяли в заповеднике. Лесничий сидит дома и играет на скрипке. А никого там больше нет.

Я покосился на профессора.

— Я два дня разыскиваю по телефону... а вы изменили план и провели все без меня. А я все время, как дурак...

Веласкес сделал удивленное лицо:

— О чем вы?

Я повторил. Веласкес поправил парик.

— К сожалению, вы ошибаетесь. Ничего мы с девицей не сделали. Просто ее нигде нет. И ее матери тоже.

Оказывается, уже вчера днем было установлено исчезновение Гаянэ с матерью. Полиции было сообщено о том, что Гаянэ украла деньги у одного араба-торговца, что она профессиональная аферистка и проститутка. Полицейские ищут ее со вчерашнего вечера. Я недоверчиво покачал головой. Вскоре пришли Ренуар и Даню. Ренуар повторил слово в слово то, что мне уже сообщил Веласкес. Мне оставалось только сделать вид, что я принимаю эту версию. Но, подходя к дому, я сказал Даню:

— А все-таки я уверен, что девица уже зарыта в землю. Представляю, как вы ее изукрасили...

Даню невесело рассмеялся.

— Верить или не верить — твое дело, но ее действительно нет. Не знаю, как Веласкес с Ренуаром будут докладывать шефу.

— Куда же она могла деться? Перешла в другое измерение? Вы думали, что я буду жалеть ее, и прикончили без меня.

Даню скривил рот и махнул рукой.

Спустя три дня он передал мне: решено продолжать поиски девицы, и я должен представить объяснительную записку. К этой записке я приложил все диаграммы и таблицы, касающиеся хода обработки о. а. — 1. А в конце написал, что в моем сводном количественном анализе реакций о. а., возможно, были допущены ошибки (хотя регистрацию я проводил по системе «Крамер-Пибоди»), и кроме то-

го, комбинированные приемы цикла Т, которые я применял на базе реитерационного стиля словесного воздействия, очевидно, дали обратный эффект.

Даню стал выражать опасения: не отразится ли история с о. а. — 1 на моем участии в большом деле, о котором говорил новый Командор. Судя по аффектации, с которой Даню выражал свои опасения, а также по его подчеркнуто сочувственным интонации и мимике, я понял, что он представил новому шефу какие-то соображения — не в мою пользу.

Однако все обошлось благополучно. Наступил день, когда мне и Даню вручили конверты с заданиями.

Эти конверты мы должны были вскрыть накануне вылета, вынуть листки с текстом, написанным симпатическими чернилами. Спустя некоторое время текст должен был сам исчезнуть.

Мне было приказано лететь до Базеля (аэропорт Сен-Луи) и пересесть на первый самолет, направляющийся в Аяччо (аэропорт Кампо дель Оро), оттуда направиться в Ниццу (аэропорт Лазурный берег) и пересесть на самолет, идущий в Тананариве (аэропорт Аривонимамо). В самолете ко мне подсядет человек, сделает парольные жесты и произнесет парольную фразу. От него я получу указания относительно дальнейшего.

В самолете до Базеля я должен держать в левом кармане пиджака номер журнала «Плэйбой», сложив его пополам и отогнув угол обложки. Если стюардесса, предлагая карамельки, уронит две на пол, надо по прибытии в Кампо дель Оро сейчас же брать билет на Бастию (аэропорт Поретта).

Даню получил приказ лететь в другое место. Мы простились с Веласкесом, Утамаро и Ренуаром — распили четыре пинты коньяку.

Вернувшись домой, мы откупорили бутылку редерера. Наполняя мой бокал, Даню сказал:

— Мои подозрения в отношении Гаянэ не были напрасными. Честь и хвала моей наблюдательности. При виде ее я всегда чувствовал неладное. Сердце

у меня начинало потрескивать, как счетчик Гейгера...

Я посмотрел ему в глаза.

— Мы посвящены теперь с тобой в большие дела, и они связали нас как родных братьев. Скажи мне прямо... как самому близкому человеку. Ты убил ее?

Даню вытер пену на губах и поставил бокал на стол. Спустя минуту он тихо произнес:

— По-видимому, это сделала группа по икс-акциям, состоящая при Командоре. Он не пожелал доверить это дело нам. Жалко все-таки, что она не нам досталась. — Даню повертел головой и простонал: — Я бы такое ей устроил... такое, что она поседела бы от ужаса.

Я поднял бокал и сказал:

— Она была моим объектом, и расправиться с ней должен был я, и больше никто. — Я вздохнул. — Обидно только, что ускользнула от меня. С каким бы наслаждением ее... своими руками...

Бокал хрустнул в моих руках, я швырнул его на пол.

Через три часа я вылетаю. Следующее донесение, наверно, пошлю вам из Тананариве. А может быть, из другого места. Призрак никогда не знает, что будет с ним в течение ближайших часов. В этом прелесть нашей профессии.

вместо донесения

Я должен был послать вам шестое по счету донесение. Но заменяю донесение этим письмом сугубо приватного характера.

Прибыв в базельский аэропорт Сен-Луи, я сел на самолет, идущий не в Аяччо, как мне было предписано, а в Амстердам. Через несколько часов я оказался в аэропорту Скипхол. Я вошел в наружный холл и взял трубку телефона прямой связи с отелем «Амстель». На мой вопрос: есть ли записка

на имя Рембрандта? — портье ответил утвердительно. Я попросил его прочитать, что там написано, он прочитал. Я сейчас же взял билет на самолет КЛМ, идущий в Стокгольм.

Спустя полчаса я снова прошел в наружный холл и увидел женщину в зеленом плаще с полосатым капюшоном, закрывающим голову. Она стояла у объявления, написанного на японском языке, — фирма Стрип предлагала приезжим японцам познакомиться с работой амстердамских гранильщиков алмаза.

Вскоре началась посадка, я поднялся в самолет. Как только машина поднялась в воздух, я пересел во второй ряд. Сидевшая у окна женщина в зеленом плаще опустила полосатый капюшон, сняла солнечные очки и повернула ко мне лицо. Губы улыбались, но в глазах стояли слезы. Это была Гаянэ.

Ее отец во время войны был связан с ЭЛАС — народно-освободительной армией Греции — и собирал пожертвования среди населения в пользу партизан. Собирал очень умело — под самым носом оккупантов, — очевидно, отлично владел техникой конспирации и техникой уговаривания. В 1947 году, когда греческим патриотам снова пришлось уйти в подполье, отец Гаянэ возобновил нелегальную работу, но был убит иностранцем, который, назвавшись корреспондентом прогрессивной газеты, проник к подпольщикам.

Я открылся Гаянэ на девятой встрече после длительного разговора на темы группы 7 и рассказал обо всем, в том числе и о Командоре. Гаянэ, знавшая из рассказов матери о приметах убийцы, попросила меня собрать уточняющие данные. Я собрал их и выяснил, что «иностранный корреспондент прогрессивной газеты» и Командор — одно и то же лицо.

Случай помог мне уничтожить палача. Когда ар-Русафи вошел во двор, я шепнул ему, что его хотят убить — так же, как итальянца Маттеи и других, осмелившихся выступить против могущественных монополий Запада. Выслушав меня, кувейтец

вошел в дом и, как я ему посоветовал, проследовал через подвал в соседний двор, затем, выйдя в переулок, дошел до ворот особняка и позвонил. Сановника — владельца особняка — ар-Русафи знал лично. Он объяснил сановнику, в чем дело, и, как я просил его, спустя сорок минут позвонил в полицию.

Как только кувейтец вошел в дом, я направился в другой конец двора и доложил Командору о том, что пришлось долго объяснять кувейтцу, как подняться по лестнице вверх, и что кувейтец хотел зажечь электрический фонарик, но я сказал, что этого нельзя делать — могут увидеть огонек со двора.

Спустя пять минут Командор пересек двор и вошел в дом, чтобы подняться по лестнице, не зажигая фонарика, как было условлено.

Я волновался первые десять минут, но никто не выходил из дома. Когда прошло сорок пять минут, я, поняв, что все в порядке, вошел в дом, поднялся до второй площадки с зажженным фонариком, вынул из кармана Командора, валявшегося с раскроенным черепом, провокационные документы и прошел к машине, в которой сидел Даню. Через некоторое время показались полицейские «джипы».

Бан тоже должен был получить по заслугам — за свои злодеяния в Алжире, Анголе и Южном Вьетнаме.

Все прошло именно так, как было рассчитано. Ударив в темноте человека, поднявшегося на вторую площадку, Бан зажег спичку и увидел, кого он прикончил. Он понял, что этого ему не простят, и решил бежать — прошел подвал и, выйдя на улицу, свернул в сторону кладбища, откуда добрался кружным путем до западной окраины города и первым же самолетом улетел в Европу. Вскоре его нашли в Амстердаме, и он на Принсен-грахт проглотил пахнущую миндалем пилюльку.

Убийца понес наказание, но этого было мало. Надо было еще взвалить на него другие дела, чтобы запутать расследование.

Гаянэ часто рассказывала мне о своей подруге — стенографистке-машинистке бельгийского посольства Ирен Тейтгат. Я послал ей письмо о готовящемся ограблении медицинского склада на французском языке и подписался: Эркюль Пуаро. Ирен, разумеется, показала это письмо Гаянэ, и та посоветовала сейчас же позвонить не только в министерство здравоохранения, но и в редакцию газет и иностранные посольства. Так была провалена акция «Санта Клоз».

Компрометация Бана была проведена очень просто. По моей просьбе Гаянэ позвонила Бану и измененным голосом сказала, что ей надо встретиться с ним и передать привет от женщины, которая его давно любит. Затем я позвонил Ирен и измененным голосом сказал, что мне надо встретиться с ней и передать привет от одного человека, который ее давно любит. Бан и Ирен, одинаково заинтригованные, явились в назначенное время куда следует — к фонарному столбу перед служебным входом в бельгийское посольство, как раз напротив книжного магазина Монтелеоне. Между ними произошел разговор, в ходе которого они поняли, что кто-то подшутил над ними. А я залучил Умара Кюеле в книжный магазин — специально для того, чтобы он мог увидеть в окно Бана, разговаривающего с женщиной, вышедшей из бельгийского посольства. Когда началось расследование, Умар заявил Веласкесу о том, что видел за два дня до акции «Санта Клоз», как Бан секретничал с бельгийкой.

Несколько слов о себе. Природная скромность не позволяет мне пускаться в автобиографические подробности. Скажу только, что я поступил на частные курсы сыскного дела (компания Керриер) с одной целью: набраться нужных знаний для писания грамотных детективных книг. Но когда я узнал, что наиболее способных курсантов отбирают для дальнейших занятий и затем определяют на весьма доверительную работу и что я попал в число отобранных, у меня возникла мысль использовать этот дар фортуны: собрать нужные сведения для

сочинения достоверных рассказов и повестей о действиях секретных служб.

А после встречи с вами, когда я понял, что вы поверили придуманной мною биографии и что я прошел (незаметно для себя) все тесты, я решил идти дальше. Будь что будет! Когда я учился в университете, профессора предрекали мне карьеру ученого, и я сам собирался стать историографом, но меня немного смущало то, что наряду с интересом к сугубо научным проблемам я ощущал неприличную для молодого ученого тягу к творениям таких классиков шпионской беллетристики, как Лекью, Оппенхайм и Уоллес. В знаменитом рассказе Стивенсона добропорядочный Джеккиль по ночам превращается в злодея Хайда. Во мне тоже боролись ученый Джеккиль и детективный Хайд, и, увы, победил последний и приволок меня к дверям сыщицких курсов.

Когда я узнал от вас, что вы решили послать меня на специальные курсы и затем в секретную школу «где-то в Африке», я решил последовать примеру Стетсона Кеннеди и Жана Ко. Первый — американский репортер — проник в Ку-клукс-клан, а потом на основе личных впечатлений написал книгу «Я был в Ку-клукс-клане». А второй — французский журналист — совершил одиссею по злачным местам, куда впускают только избранных, и потом опубликовал сенсационный репортаж о «сладкой жизни» парижской элиты.

Искренне благодарю вас за то, что дали мне возможность пройти курс учения в школе АФ-5. Теперь я обеспечен материалами для серии шпионских повестей и киносценариев.

За день до моего вылета в Базель я был принят новым Командором. Сказав напутственное слово, этот неофашист-миллиардер — генерал от секретной службы ввел меня в курс акции, перед которой «Санта Клоз» и «Ниндзя-1» кажутся детскими забавами.

В ближайшее время я созову пресс-конференцию и расскажу о том, что мне удалось узнать с того

дня, как вы посвятили меня в тайные дела, до того дня, когда новый Командор дал мне последнее задание.

Пусть мир узнает о делах, творимых и замышляемых вами и вам подобными. Конспект, по которому я буду говорить, состоит из 45 страниц машинописного текста плюс несколько карт и диаграмм.

Но эту пресс-конференцию надо провести в таком месте, где будет гарантирована моя личная безопасность. Сперва я решил устроить встречу с журналистами в одном городе, в центре Европы, в традиционно нейтральной стране, но Гаянэ сказала, что лучше поехать в другой город, более северный и более пригодный для такого рода пресс-конференций. Я стал возражать, но Гаянэ сделала сердитые глаза (вспомогательный прием 5а) — и я согласился с ней.

Утамаро, конечно, будет неистовствовать, когда узнает, кто́ с таким усердием слушал его лекции. Но профессор должен быть доволен своим учеником. Я провел комбинацию по всем правилам, приводимым к трактате «Ниндзюцу-хидэн-сецунин-мокуроку» (верхний свиток, глава седьмая), — проник в замаскированном виде во вражеский лагерь, завоевал доверие и в нужный момент нанес удар. Ведь это комбинация «фукурокаэси» — «вывернутый мешок».

Простите меня за неряшливый слог и небрежный почерк: рядом стоит Гаянэ и дергает меня за рукав — скоро посадка. По прибытии в тот город мы сразу же дадим первый бой. За ним последуют второй, третий — и так далее. Мы решили посвятить все наши силы, наши жизни борьбе с такими, как вы, врагами человечества, врагами его светлого будущего!

коротко об авторах

МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ родился в Москве в 1900 году. Активный участник гражданской войны, один из зачинателей советской приключенческой литературы. Сотрудничал в журналах «Всемирный следопыт», «Вокруг света» и других. В 1928 году выходит в свет первый сборник рассказов писателя — «Желтый тайфун». В 1930 году издается отдельной книжкой повесть «Сказание о граде Ново-Китеже», которая принесла автору широкую известность.

Зуев-Ордынец — автор исторических повестей «Возмутители» (1928 г.) — о революции 1905 года, «Гул пустыни» (1930 г.) — о завоевании царизмом Средней Азии, «Хлопушин поиск» (1937 г.) — о пугачевцах на Урале, романа «Последний год» (1961 г.) — о русских поселенцах на Аляске, повести о целинниках «Вторая весна» (1957 г.), сборника рассказов о гражданской войне «Вызывайте 5... 5... 5!..» (1961 г.) и др. Перу писателя принадлежат три книги очерков о социалистических преобразованиях окраин Советского Союза — «Каменный пояс» (1928 г.), «Клад Черной пустыни» (1932 г.) и «Крушение экзотики» (1933 г.).

В последние годы вышел сборник рассказов писателя «Остров потопленных кораблей» (1963 г.) и историческая повесть «Царский куриоз» (1964 г.).

Публикуемые в этом томе рассказы посвящены партизанской борьбе на Урале и борьбе с басмачами в Средней Азии.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДИКОВСКИЙ (1907—1940) родился в Москве в семье учителя рисования. Перед тем как стать в 1925 году репортером новороссийской газеты «Красное Черноморье», сменил множество профессий: был курьером, хористом в опере, носильщиком на вокзале, библиотекарем, расклейщиком афиш. С 1930 года работает корреспондентом «Комсомольской правды», а с 1934 года — корреспондентом «Правды». В 1929 году принимает участие в боях на КВЖД в рядах действующей армии.

Первые рассказы писателя печатаются в корпусной газете «Отпор». Герои произведений Диковского — мужественные и сильные люди, патриоты. Недаром повесть, принесшую ему литературную известность, автор назвал «Патриоты» (1937 г.).

Рассказы писателя часто появлялись на страницах периодических изданий, а также выходили отдельными книгами. Наиболее известные из них: «Застава Н.» (1932 г.), «Приключения катера «Смелый» (1938 г.), повесть «Егор Цыганков» (1938 г.).

Сергей Владимирович Диковский погиб в январе 1940 года под Суоми-Сальми в бою с белофиннами.

«Комендант Птичьего острова» — один из лучших рассказов писателя.

ЛЕВ ИВАНОВИЧ ГУМИЛЕВСКИЙ родился в городе Аткарске в 1890 году. Печатается с 1910 года. Сборники его рассказов «Темный круг» (1918 г.), «Пять героев» (1918 г.) и «Чертова музыка» (1928 г.) посвящены темам первой мировой войны, революции, становлению новых отношений между людьми.

Л. Гумилевский плодотворно работал в 20—30-е годы и в жанре приключенческой литературы. Публикуемая в сборнике «Страна Гипербореев» взята нами из книги писателя «Четыре вечера на мертвом корабле» («Молодая гвардия», 1928 г.).

Перу Гумилевского принадлежат также романы и повести о детях и для детей. Наиболее значительные из них: «Харита» (1926 г.), «Черный яр» (1926 г.), «Плен» (1927 г.).

Наибольшую известность приобрели научно-художественные биографии выдающихся инженеров и химиков, принадлежащие Гумилевскому. Среди них «Рудольф Дизель» (1933 г.), «Густав Лаваль» (1936 г.), «Русские инженеры» (1947 г.), «Создатели двигателей» (1960 г.). В последние годы им написаны книги о Зинине, Бутлерове, Вернадском и других деятелях русской науки.

АЛЕКСАНДР ГРИН (псевдоним Александра Степановича Гриневского, 1880—1932) — писатель сложной судьбы и своеобразного творческого почерка. Сын служащего-поляка, сосланного шестнадцатилетним юношей в Сибирь за участие в восстании 1863 года, Александр Грин многие годы скитался по России. Был матросом, рыбаком, золотоискателем на Урале, солдатом. В полку примкнул к партии эсеров, дезертировал из армии, занимался партийной работой — вел революционную работу среди солдат и матросов Севастополя. Трижды был в ссылке, сидел в тюрьмах и даже был приговорен царским судом к смертной казни.

Его первый рассказ был издан агитброшюрой в 1906 году («Заслуга рядового Пантелеева»), конфискован охранкой и сожжен.

Псевдоним «А. Грин» — часть его подлинной фамилии — появился только под третьим рассказом писателя, в то время разыскиваемого царскими ищейками как бежавшего из ссылки заключенного. Первые же два опубликованных рассказа писателя были напечатаны просто под инициалами.

Еще до революции А. Грин становится признанным писателем. Его рассказы, романы и повести проникнуты духом светлой, чистой и возвышенной романтики. Герои его живут в уди-

вительных фантастических городах (за фантастичностью которых можно увидеть реальные черты приморских городов Черноморского побережья), с ними происходят удивительные приключения, им приходится проходить серьезные испытания, преодолевать препятствия. Отличительной чертой творчества писателя является безграничная вера в человека, в его духовную силу и красоту.

Умер писатель в поселке Старый Крым невдалеке от Феодосии.

Публикуемые рассказы взяты из недавно вышедшего собрания сочинений писателя.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ПЛАТОНОВ (1896—1947) — сын слесаря железнодорожных мастерских. Литературную деятельность начал с поэтической книжки «Голубая глубина», вышедшей в Краснодаре в 1922 году. Однако вскоре основное внимание Платонов начинает уделять прозе. В 1927 году выходит первый сборник рассказов и повестей писателя «Епифанские шлюзы».

Признанный мастер прозы, которого известный писатель Э. Хемингуэй называл в числе своих учителей, Андрей Платонов создал целый ряд прекрасных художественных произведений. Среди них выделяются повести «Город Градов» (резко обличительное произведение против бюрократизма и канцелярщины в учреждениях), «Сокровенный человек», «Происхождение мастера», «Джан» (впервые опубликована в журнале «Простор» в 1964 году), «Впрок» и др.

Главные герои произведений Платонова — люди труда, правдоискатели, талантливые самоучки и мастеровые, крестьяне.

Острота, точность, умение проникнуть в самую суть характеров и явлений, в психологию героев, самобытный, удивительный и меткий язык — отличительные черты платоновской прозы.

Значительны рассказы Платонова о войне, о патриотизме и героической жизни простых советских людей. Работал писатель и в жанре фантастики.

Наиболее полное представление о творчестве А. Платонова дают недавно вышедшие книги рассказов и повестей «В прекрасном и яростном мире» (1965 г.) и «Избранное» (1966 г.).

АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ БЕЛЯЕВ (1884—1942) — один из основоположников советской научно-фантастической литературы. Первые произведения его были напечатаны в 1910 году. С 1925 года Беляев полностью посвящает себя литературной работе. Его книги затрагивают проблемы науки и техники будущего, проблемы освоения вселенной, отличаясь социальной остротой, интересным, занимательным сюжетом.

Повесть «Мертвая голова» сочетает в себе занимательность изложения с большой научной точностью. В повести автор убедительно показывает, что человек не может существовать вне общества, что никакой интеллект не может спасти человека от гибели, от вырождения, когда он отрывается от людей, остается один. Если наука не приносит пользы обществу, если она становится «наукой для науки», говорит писатель своей повестью, если отсутствует практическое применение научных достижений, то наука и ученый, занимающийся ею, гибнут.

Наиболее популярными произведениями Беляева являются «Голова профессора Доуэля» (1925 г.), «Остров погибших кораблей» (1927 г.), «Человек-амфибия» (1928 г.), «Над бездной» (1927 г.), «Борьба в эфире» (1928 г.), «Прыжок в ничто» (1933 г.), «Звезда КЭЦ» (1936 г.), «Чудесное око» (1935 г.), «Лаборатория дубль вэ» (1938 г.), «Под небом Арктики» (1938 г.).

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖЕЛЕЗНИКОВ родился в 1899 году в городе Минске. Много лет он активно сотрудничает в журнале «Всемирный следопыт», печатает на его страницах очерки и рассказы. «Искатели кладов» — наиболее удачный рассказ автора. В нем сочетаются мягкий веселый юмор, тонкая ирония и верность жизненной правде. Занимательность фабулы рассказа делает его одним из характернейших для приключенческого жанра 20-х годов.

РОМАН НИКОЛАЕВИЧ КИМ родился в 1899 году в городе Владивостоке. Детство и юность его прошли в Японии, где в 1907—1917 годах он учится в Токийском колледже. В 1917 году Ким возвращается в Россию, оканчивает в 1923 году восточный факультет Владивостокского университета и до 1930 года читает курсы лекций по китайской и японской литературе в московских вузах.

Литературную деятельность Роман Ким начал в 1923 году. Основной жанр его произведений — политический детектив, основанный преимущественно на фактическом материале.

Наиболее известны повести Кима «Тетрадь, найденная в Сунчоне» (1951 г.), «Кобра под подушкой» и «По прочтении — сжечь» (1962 г.), а также повести-памфлеты «Кто украл Пуннакана?» и «Школа призраков» (1965 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение к журналу «Сельская молодежь», том 2. М., «Молодая гвардия». 1966. 352 стр.

Составитель *И. Филенков*
Оформление *А. Шипова*
Художественный редактор *Н. Михайлов*
Технический редактор *Л. Курлыкова*

Подписано к печати 23/IX 1966 г. Бум. 84×108[1]/[32]. Печ. л. 11(18,48). Уч.-изд. л. 16,3. Тираж 165 000 экз. Заказ 1271. Цена 67 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

В первые четыре тома приложения к журналу „Сельская молодежь“ 1967 года войдут молодежные повести и рассказы советских и зарубежных писателей. В пятом томе будет представлена современная советская поэзия. Примерный список произведений следующий:

Том I

В. Шукшин. НОВАЯ ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ.
С. Антонов. РАЗОРВАННЫЙ РУБЛЬ.
В. Чивилихин. ЕЛКИ-МОТАЛКИ.
В. Аксенов. НОВАЯ ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ.
Ю. Казаков. НОВАЯ ПОВЕСТЬ.

Том II

Н. Думбадзе. Я, БАБУШКА, ИЛИКО И ИЛЛАРИОН.
В. Конецкий. ЗАВТРАШНИЕ ЗАБОТЫ.
В. Курочкин. НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ.
Ю. Машкин. БЕЛОЕ МОРЕ — КРАСНЫЙ ПАРОХОД.
Г. Семенов. МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ.
Ч. Айтматов. ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ.
Е. Гуцало. НОВАЯ ПОВЕСТЬ.
Е. Шатько. НОВАЯ ПОВЕСТЬ.

Том III

Г. Олуич. ПРОГУЛКА НА НЕБО.
А. Гуляшки. А. ЗАХОВ ПРОТИВ Д. БОНДА.

Л. Мнячко. СМЕРТЬ ЗОВЕТСЯ ЭНГЕЛЬХЕН.

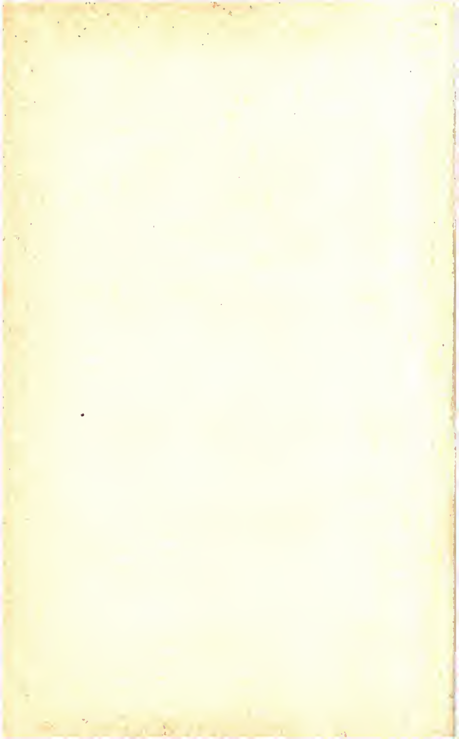
Том IV

Д. Олдридж. ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ.
А. Сент-Экзюпери. ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ (НОЧНОЙ ПОЛЕТ).
Э. Хемингуэй. ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ.
Л. Берланга, Р. Аскона и Э. Флайано. ПАЛАЧ.
Г. Бёль. НОВАЯ ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ.
Т. Капоте. ОБЫКНОВЕННОЕ УБИЙСТВО.
М. Грегор. МОСТ.

Том V

В этом томе будут помещены стихи лучших комсомольских поэтов 30-х годов:
М. Светлова, Э. Багрицкого, А. Жарова, Б. Корнилова, И. Уткина, Н. Асеева;
поэтов среднего поколения, становление которых пришлось на середину и конец 50-х годов:
А. Вознесенского, Р. Казаковой, О. Фокиной, Е. Евтушенко, Н. Матвеевой, Б. Ахмадулиной, Ф. Чуева, В. Цыбина, В. Павлинова, Н. Рубцова, Д. Сухарева, В. Сосноры, В. Кострова, В. Гордейчева, Ф. Годжаева, Р. Кутуя, О. Сулейменова, Б. Олейника, О. Чиладзе, А. Дрилинга, О. Вациетиса, В. Фирсова, Е. Исаева.
Значительное место в сборнике будет отведено для победителей поэтических фестивалей и участников семинаров молодых поэтов и писателей: **А. Кобенкова, В. Макеева, Е. Маркина, В. Каратаева, А. Кухно, В. Крещика, А. Ардатова, Ю. Марцинкевича, П. Мелехина, И. Киселева, В. Богданова, А. Юдахина, Б. Капусты, М. Шаповалова** и других молодых поэтов.
Выход всех томов приложения запланирован на вторую половину 1967 года (июнь—декабрь).

2